М.Глинкин

ДО и ПОСЛЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

П.Заманский

О. Завадовская

И.Вольфсон

Я.Кутин'

Г.Ляховицкая

Б.Черепашенец

А.Подольская

Л.Кац

А Осмоловская

Л.Бердичевский

А.Ходорковский;

М.Их

М.Вайман

Г.Мичник

М.Хасин

!М.Погребинский

ДО и ПОСЛЕ

№2

литературный альманах

берлин
'98

ДО и ПОСЛЕ

№2

литературный альманах

берлин
'98

Авторы, члены литературной студии,
выражают благодарность треффпункту
Hatikva (Надежда)
на Oranienburger Strasse, 31
за содействие и поддержку в издании
альманаха "ДО и ПОСЛЕ"

Верстка и макет
Иосиф Малкиель

ISBN 5-89138-003-8

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Второе совершенно необходимое предисловие

Дал Бог, и вышла вторая книга «ДО и ПОСЛЕ», которую вы, уважаемые читатели, не спутали с некогда популярной телепередачей...

Авторы понимают, что предисловие обычно пишется к единому произведению: роману, повести, пьесе... Несмотря на то, что перед вами сборник разрозненных рассказов и стихотворений, авторам хочется, чтобы вы отнеслись к нему как к единому произведению, объединившему авторское «ДО» и «ПОСЛЕ»...

В наших произведениях авторская мысль бьется как подсоленный нерв.

Это своего рода литературный «беспредел» - все, что написано, - выстрадано авторами. Недаром Варлам Шаламов говорил, что будущая литература — «это рассказ бывалого человека».

Да, XX-му веку не к лицу литературные выдумки и фантазии.

Потому что наше время - это трагедия умирания и вымирания человека совести, «человека морального».

Многое в нашей прежней жизни с ее фальшивыми ценностями и мерзкими реалиями, именовавшимися на официальном языке «переги-бами» и «перекосами» или в лучшем случае «расхождением» между словом и делом, не могло не вызвать у всякого порядочного человека внутреннего протеста, глубокой неудовлетворенности несправедливостью социальной и национальной практики.

Со многими другими, ранее неизвестными и неизведанными жизненными проблемами столкнулись авторы и «ПОСЛЕ»...

Однако, они уверены, что любая система, какие бы благородные идеалы она не провозглашала, жизнеспособна лишь в том случае, если ее главным приоритетом является человек. Только социальная эволюция и ее детище - демократия могут действительно спасти мир.

Уважаемые читатели! Авторы искренне просят вас, когда будете читать этот сборник, постарайтесь грустить и улыбаться, вспоминая и свои жизненные истории. Со своей стороны авторы обещают, что вместе с вами они тоже будут грустить, а иногда и смеяться над собой, потому что все, что вы встретите в книге отрицательного, они писали... с себя!

И еще авторы стремились сражаться своими перьями за лучшую жизнь и лучшее будущее.

Им важно попытаться убрать с нашего пути все мешающее, фальшивое, доставшееся нам от не совсем радостного прошлого.

А главное, уважаемый читатель, авторы надеются, что все меньше будет оставаться негативных явлений в нашей новой, но... «ПОСЛЕ» того жизни!

Авторы уверены, что остроумие рассказчика — в ушах и глазах читателей.

Мы благодарим вас, уважаемые читатели, - вы все очень остроумны!

АВТОРЫ.

Маргарита Их

ГЮИ

Давным-давно, еще в прошлом веке, из Прибалтики на благодатные воронежские земли переселились четыре эстонских семьи. Привезли с собой белокурых ребятишек, кое-какой скарб да двух молодых аистов. Для аистов на старом колесе от телеги соорудили остов для гнезда, колесо укрепили на высоком шесте, шест установили возле церкви.

Аистам место понравилось - каждый год выводили птенцов, племя расселилось по всей округе.

В эвакуацию попала я в эту деревушку. Аистиная семья потрясла нас. Глава семьи - веселый и бесшабашный аист вечно что-то напевал, курлыкал, всюду совал длинный нос, во все вмешивался. Голубоватая аистиха, нежная, женственная, все больше помалкивала, но за мужем следила неотрывно. А тот, утащив с кострища печеную картошку или выдернув из собачьей конуры кусок хлеба, победно поглядывал на нее, в награду получал согласный кивок. Наверное, аистиха понимала, как важен ее самоуверенному мужу такой вот одобрительный кивок головой.

Аист был меченый, несколько перышек росли на груди вертикально, забавно торчали, придавая аисту смешной, взъерошенный вид. Но все компенсировалось необыкновенной симпатичностью и грассирующим французским говорком. За этот говорок и обаяние прозвали мы его Гюи в честь Мопассана. Семья аистов была дружная, благополучная. Каждый вечер, грациозно выгнув шею, Гюи на виду у всей деревни ласкал свою молчаливую жену и на своем французском что-то любовно шептал ей. Она в ответ подставляла перышки, томно прикрывала глаза.

Я, пятнадцатилетняя девчонка, глядела на аистов, печалилась, даже завидовала, предчувствуя, что в моей человеческой жизни такого не будет. Как в воду глядела.

Фронт приближался, все чаще аисты, тревожно глядя на запад, замирали. Они слышали то, чего люди услышать еще не могли. Все ждали беды, но она пришла не оттуда. В середине солнечного дня внезапно налетел черный шквал, зловещий гость азиатских степей. Горизонт затуманился , зашуршали сухие листья. Шквал вырывал яблони, снимал крыши сараев. Гнездо, в котором подрастали птенцы, рухнуло. Аистиха пыталась спасти детей на лету, но не успела, оторвавшееся колесо накрыло их, придавило к земле. Когда шквал улетел, на церкви, сзывая людей, забил колокол. Люди

стояли молча над умирающими птицами. Священник плакал. Бригадир мотоцикл выкатил, помчался в райцентр за помощью, привез девушку-ветеринара, она подтвердила: сделать ничего нельзя.

Тут же у церкви вырыли могилу, птиц положили так же, как они погибли: дети внизу, потом мать, сверху колесо. Могилу заровняли, накидали камушков. Священник сказал несколько прощальных слов.

Казалось, что Гюи ничего не понял, только жался к людям, разрешал себя гладить. А наутро вдруг заметался, закричал, закружил над могилой, звал жену.

Прошла неделя. Фронт приблизился, начались бомбежки, послышались выстрелы. Гюи исчез, думали, погиб.

Но в последнюю военную весну, едва зацвела черемуха, раздалось в мелколесье знакомое курлыканье, Гюи появился с новой женой. Колесо аистам водрузили на прежнее место, но Гюи к нему не подлетал. Видно что-то помнил. Священник сказал: «Жить будешь у меня, материал для дома я тебе дам». Мальчишки принесли вязанку мелких прутиков, Гюи вязанку распотрошил, на крыше старого сарая свил гнездо. Но все замечали, что это другой Гюи - суровый, молчаливый. Что стало с ним? Почему так старательно обходил могилу? Что его терзало? Воспоминания? Чувство вины? Вина, наверное. Ведь, в отличие от людей, аисты должны любить только раз.

БЕРЕГИТЕ МУЖЕЙ

Женщины должны иметь мужей. В основном, для самоутверждения и хвастовства.

Существует много способов обзавестись мужем. Я предлагаю один из них, не новый, но зато надежный. Основан на беззастенчивой лести и вранье. К сожалению, мужчины теперь на охоту не ходят и дрова не рубят, поэтому их сила сейчас не котируется, зато ценится мужской ум. На него надо делать ставку. Если за столом, в кругу друзей, рядом с вами окажется малознакомый интересный мужчина, смело тащите его в мужья, потом разберетесь. Но требуется индивидуальный подход: если ваш сосед все время молчит, невзначай коснитесь его руки и прошепчите: «Мне понятно ваше молчание, я думаю и чувствую так же». Вздохните, опустите глаза.

Если отобранный вами мужчина непрерывно говорит, просите всех присутствующих прислушаться к его словам, он, видите ли, говорит удивительные вещи. Такое вы слышите впервые. Над его глупейшими анекдота-

ми смейтесь громко и взахлеб, вытирая слезы умиления и восторга. После двух-трех таких застолий он непременно сделает вам предложение, потому что только вы смогли его понять и оценить. Итак, полдела сделано, но только полдела, потому что к вашим восторгам, сюсюканьям и хлопаньям крыльями мужчины быстро привыкают и начинают вести себя «как все», то есть лезть под юбки вашим подругам, смотреть телевизор до двух часов ночи, каждое воскресенье отправляться на рыбалку. После рыбалки от него пахнет не рыбой, а французскими духами. Таким образом вы узнаете, какие духи предпочитает его рыба.

Если такой муж вам будет еще зачем-то нужен, принимайте меры. Срочно загоняйте его под каблук, иначе он залезет под чей-нибудь еще, возможно более твердый.

Под каблуки мужчины загоняются опять-таки лестью, но она должна быть несколько иной. Надо положить конец громким похвалам и воплям восторга. Надо напустить на себя загадочность: когда он начнет нести очередную чепуху, задумчиво посмотрите на потолок и проговорите: «Да-а, в уме тебе не откажешь!» или «При таком твоем поведении я бы давно от тебя ушла, если бы не твой ум».

Становитесь слабой и беспомощной, забудьте, что вы умеете шить, стирать и готовить. Кстати, мужчины очень любят, когда их жены чего-нибудь не умеют. Подавая мужу на завтрак недоваренные макароны или пережаренную яичницу, говорите: «Ах милый, я так задумалась над твоей последней фразой, что не успела вовремя выключить газ». Или: «Ах, милый, ты так утомил меня этой ночью, что я не в состоянии выгладить эту рубашку». Под таким соусом он примет абсолютно все и будет говорить, что его жена замечательная хозяйка.

Время от времени должен появляться какой-то мифический мужчина, который «просто не дает вам прохода» и просит встретиться. Заверьте мужа, что ничего подобного вы себе не позволяете, потому что получили строгое воспитание.

Захочет отдыхать один, не возражайте: «Правильно, милый, поезжай, поскучаем друг о друге». Но отпускать нельзя. Примерно через неделю, выясняется, что вы не можете остаться одна, потому что боитесь, уже два раза кто-то ночью ломился в дверь.

Все, что происходит в доме, должно совершаться с подачи вашего мужа: вы купили в КДВ дорогое платье: «Ах, милый, наконец-то я нашла платье, о котором ты мечтал! Я так ценю твой вкус!»

Если вы допоздна где-нибудь задержались, звоните, просите встретить, говорите, что боитесь грозы, темноты, пьяных водителей. Говорить надо много и очень быстро, чтобы он не задал неуместный вопрос: «Где ты бы-

ла?» Если поссоритесь, немедленно садитесь на диету. Он должен думать, что вы худеете от горя. Вскоре он вас простит. Скромно и проникновенно поблагодарите его за великодушие.

Чтобы от такой жены ушел муж - маловероятно, но если это произойдет, пользуясь этими советами, вы скоро найдете другого. Если нет - обретете счастье, покой и свободу.

ОКНО

Я стою у окна. От моего дома улица поднимается в гору. Сейчас она тенистая от тополей, а зимой, подняв воротник, сутулясь, ты спускался с горы. Искал глазами мое окно. Если я бывала дома одна, свет горел только в кухне. Не дождавшись лифта, вбегал по лестнице. Говорят, о возрасте человека судят по тому, как он поднимается по лестнице. Насколько ты моложе меня!

Обнявшись, мы подолгу стояли в темной передней. Вздрагивали от каждого звука: вот-вот вернется муж, Маришка придет из школы. Ты торопливо целовал, вглядываясь в мои глаза с немым вопросом: «Все так же? Ничего не изменилось?»

Ты уходил, а я потом долго стояла у окна, мысленно проходя с тобой весь долгий путь от нашей окраины до твоего дома. Созревало решение разбить все препятствия, мешающие тебе остаться.

Теперь я вновь стою у окна и жду. После всех разбирательств, судов и повесток, я наконец-то одна и свободна. Когда ты придешь, я зажгу свет во всех комнатах, а на кухне будет гореть свеча. Мы будем пить чай вдвоем. Легким движением ты пододвинешь мне стул, сядешь напротив, глаза опущены, движения легки и осторожны: не зашуршит салфетка, ложечка не звякнет в стакане. Тишина и покой! Как много людей пьют вечерами чай на кухне и не знают, что это счастье.

Третий вечер нет звонка. Я восхищена тобой, твоим благородством и чуткостью. Ты решил не тревожить меня в эти дни, дать немного отдохнуть. Напрасно это, я могу отдохнуть только с тобой.

Облетают тополя, улица точно снегом засыпана. Уже восьмой час, а звонка все нет. Я вспомнила: у тебя на эти дни намечалась деловая встреча.

Ты ведь не можешь звонить при посторонних, я еще не жена тебе. Но можно позвонить и помолчать. Я бы поняла.

А вдруг ты не позвонишь никогда? Не хочу об этом думать. Боюсь боли, догадок, ревности. Боюсь додумать все до конца. Как на экране прокручивается длинный фильм наших отношений. Стоп! Вот ступенька, с которой начался спуск. Обнявшись, мы стоим в темной передней. Глотая слезы, я говорю, что мне надоела неопределенность наших отношений, что хочу покоя, любви и семьи. Я для этого делаю все, что могу, но и тебе НАДО развестись с женой, НАДО найти квартиру, НАДО поменять работу. Сколько раз сказала тогда это слово «НАДО!» Теперь я поняла, насколько наши беглые поцелуи под вешалкой, моя доверчивая и робкая любовь были милее тебе этого слова «НАДО». Ты понял, что эти «надо» ни к чему ни приведут, кроме встречи в конце пути со стареющей женщиной и взрослой чужой дочерью.

С этой ступеньки начались неожиданные командировки, приезд каких-то друзей, работа по выходным, мятый платочек в кармане куртки, пахнувший незнакомыми духами. Тополиный пух залетает в окно, пушистым зверьком лежит на полу. Сколько его в это лето!

Ты не позвонишь никогда! Это приговор. Я расплачиваюсь за слабость, за боязнь боли. Ты мог любить женщину встревоженную, грустную, даже капризную, но независимую, какой я была вначале,

Теперь я буду пить чай одна. В комнате Маришка с женихом будут смотреть телевизор. Геронтологи определили: женщины, в среднем, живут шестьдесят три года. Сколько еще дней мне придется прожить без тебя! Вечереет. Надо закрыть окно.

Петр Заманский

РЯБИНОВЫЙ ЦВЕТ

Хорошо вечерами русскими
В тихом парке найти уголок,
Где рябина кровавыми сгустками
наплевала на мокрый песок.
И под тенью черемухи вспененной.
не разбрызгав ни радость, ни грусть,
на скамейке с Сергеем Есениным
вспоминать Уходящую Русь,
а не Краткого курса историю
(накрутили - не разберешь),
это книжечки те, которые
все талдычат одно и тож:
мол, нас всем одарила партия...
впереди коммунизма свет...
Все неправда. Стоим на старте мы
вот почти уже сотню лет.
Все оплевано, обесценено.
Я уж как-нибудь разберусь
и без партии и без Ленина,
что такое святая Русь.
...Хорошо вечерами русскими
в тихом парке найти уголок,
где рябина кровавыми сгустками
опадает на мокрый песок,
слушать первые грозы весенние,
и под гром повторять наизусть
не Плеханова и не Ленина,
а Есенина:
Гой ты, Р-у-сь...

КОРОЛИ ИГРАЮТ В ШАХМАТЫ

Белая башня
Белый флаг
Белый король в окне
К белой башне черный враг
пробился на черном коне.
За черным капралом
солдаты шли,
чужие топча поля.
И черный капрал им скомандовал:
«Пли...
в белого короля!»
Сам черный король
пошел на ферзя,
чтоб в плен королеву взять.
А шут улыбался,
Шут знал -
нельзя
из черного белым стать.
Черные ядра влетели в окно.
Рухнула антресоль
и к черту трон разлетелся,
но...
ро
ки
ро
вал
ся
король.
Он гордо и смело
залез под кровать,
сменив лишь пару белья.
И на черную
белую бросили рать:
«За хитрого короля!»
Белые воины ринулись в бой.

Черный отпрянул конь.
На белом слоне капрал молодой
скомандовал им:
«Огонь!»
И все стало красным
от черных солдат,
упавших на белый паркет.
И белый капрал уже крикнул:
«Мат!»
А черный ответил:
«Нет!»
И стал против черного
белый капрал.
Нацелены в сердце стрелы.
К ногам черной дамы
черный упал,
к ногам белой дамы -
белый.
Черно-белая кровь
ненасытную твердь
напоила
как из ручья.
...Для солдат королей сражение -
смерть.
Для королей -
ничья.

* * *

Ты яркий свет в моем окошке.
Ты словно в знойный день вода.
Ты сок живительный в лукошке.
А не было б тебя - беда.
Глядела б ночь в мое окошко.
От зноя б высохла вода.
А сок березовый в лукошке
в себя б вобрала лебеда.
С тобой как маг я все сумею,
Я буду жить - я не умру.
А потеряю - и истлею

Как та лучина на ветру.
Вот почему терять не смея
тебя хоть на день, хоть на час,
Я только об одном жалею,
что ты еще... не родилась.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Огни в ладонях фонарей
Распяты в сумерках туманных.
Осенний вернисаж дождей,
косых, слепых и полупьяных,
и палых листьев лисий хвост,
прилипший к мокрому асфальту,
и надвое разъятый мост,
принадлежащий Лейтенанту.
И вздыбье клодтовских коней,
зрачки скосивших полудико,
и над респектом площадей
аллюр нероновой квадриги.
Согбенность бронзовых фигур,
воспетых Пушкиным и Надсоном,
Равнение дворцов под шнур,
проигранных толпе в семнадцатом.
Полдневный выстрел над Невой,
чеканность вогнутой Казанки.
И к шпилю, словно на стоянке,
прикован парусник златой.
Влюблен я с детства в красоту
и таинство колонн ростральных,
хранящих в мраморе мечту
о мореплаваниях дальних,
в загадочность Пяти углов,
фривольность Невского проспекта,
где и поныне бродит некто,
сбежав из пушкинских стихов.
Огни в ладонях фонарей.
Над каменными пьедесталами
мемориальный храп коней
под бронзовыми генералами.
Какое счастье жить и знать,

и даже прикоснуться к чуду,
в котором красота и стать
еще не пепельны покуда...
И больно видеть с высоты
подкупольных окон Исаакия
дождем размытые черты...
как будто город Бог оплакивал.

СПОР КОРОЛЕЙ

Однажды поспорили два короля
И спор их равнялся нулю:
один бесконечно твердил: Тру-ля-ля,
другой отвечал: Тру-лю-лю.
И вызов был принят.
Король сказал: «Я
насилия не потерплю.
Зачем мне чужое твердить тру-ля-ля,
когда есть свое тру-лю-лю».
И вздрогнули пушки. И кони, пыля,
рванулись в последний аллюр.
И, падая, кто-то кричал: Тру-ля-ля
и слышал в ответ: Тру-лю-лю
Ах, скольких вассалов забрала земля
за спор, что был равен нулю:
Один миллион
за одно «тру-ля-ля»
и столько же за «тру-лю-лю».

Борис Черепашенец

КАЗАК ФЕРДИНАНТ

Весной сорок второго года в эскадрон химической защиты кавалерийской дивизии прибыл после окончания краткосрочных курсов младший воентехник со странной фамилией - Фердинант. Младший воентехник соответствовал званию младший лейтенант. Дивизия , укомплектованная, в основном, терскими и кубанскими казаками, после тяжелых зимних боев была выведена во второй эшелон и занималась пополнением и ремонтом конского состава.

Фердинант был назначен на должность начальника походной химлаборатории, у него в подчинении, по штату полагался один солдат. Но, в связи с отсутствием лаборатории, в то время Илья, так звали паренька, выполнял разовые поручения командира эскадрона.

Фердинант - типичный городской ребенок, единственный сын преуспевающего московского адвоката, смотрелся в эскадроне, среди более взрослых и опытных солдат, как белая ворона. Его, воспитанного еврейского мальчика, никто всерьез не принимал и все откровенно подсмеивались над ним. А когда он пытался пожаловаться командиру и напомнить, что тоже принадлежит к командному составу, тот, находясь в состоянии хронического опьянения, отвечал откровенно:

- Ну какой ты, скажи на милость, командир, выдумаешь же такое? Ты хоть и Фердинант, но являешься по существу самым что ни на есть младшим воентехником всей нашей доблестной Красной Армии. Усек?

И бедняга вынужден был терпеть и приспосабливаться. А как? Единственный способ - не праздновать труса, не кланяться каждому летящему снаряду и мине. Страшно, очень, но только так и надо себя вести.

Однажды Илья был в химотделе штаба армии за новыми инструкциями по химзащите от боевых отравляющих веществ конского и людского состава. Штаб находился тогда километрах в восьми от расположения эскадрона.

- Бери коня и езжай. И чтобы мигом, одна нога здесь, другая там. Инструкции нам позарез нужны,- сказал командир.

- Да я лучше пешком доберусь. Я ведь никогда верхом не ездил, никогда к лошадям близко не подходил,- ответил Илья.

Командир, который как на беду в этот день страдал от сильного похмелья, заорал раздраженно:

- Отставить разговорчики! Вы, товарищ младший воентехник, не в хедере, а на службе в армии. Семенов,- скомандовал он коноводу, пожилому калужскому колхознику,- седлай Маруську.

Коновод быстро оседлал ширококостную, хотя и отощавшую после зимней бескормицы кобылу, кажется, самую озорную и игривую в эскадроне. Илья с тоской посмотрел на лошадь, Ему как-то стало жаль себя и ее. Книжный мальчик, он вдруг вспомнил, как толстовский Вронский на скачках сломал хребет несчастной Фру-Фру.

Фердинанта подсадили, он неуклюже влез на лошадь, кто-то из солдат хлестнул по широкому кобыльему заду, и она с места в карьер понеслась вскачь, подбрасывая испуганного седока, как мешок с отрубями. Солдаты, свидетели этого зрелища, дружно захохотали. Через несколько минут никем не понукаемая кобыла перешла на нормальный шаг. Но тем не менее, наездник успел все же отбить все свои мужские принадлежности и страдал от нестерпимой боли. Сидеть верхом он больше не мог, сполз на землю и раскорячившись повел лошадь, держа ее за повод.

Так и доплелся он до штаба, получил там две тощие брошюры и пошел обратно. Боль несколько утихла, и Илья шел, наслаждаясь тишиной, чудесной погодой, красотой весенней земли. Внезапно возникли воспоминания о счастливом московском довоенном детстве и юности. Как недавно было это... Куда ушли те вечера, где они вместе с мамой в четыре руки играли любимых Грига и Шумана? В шесть лет Илью впервые повели в художественный театр на «Синюю птицу» Метерлинка, и с тех пор он заболел сценой. Благодаря связям отца он посещал почти все спектакли столичных коллективов. И кто знает, увидит ли он еще когда-либо своих кумиров: Качалова и Зеркалову, Хмелева и несравненную Бабанову. Как не хотелось ему возвращаться в эскадрон, видеть эти полупьяные физиономии, слушать их омерзительные разговоры о женщинах, которых они представляли похотливыми, грязными тварями. А ведь почти у каждого из них были жены, сестры, дочери. И у всех - матери.

Вечерело. Предстояло пройти еще совсем немного. Про себя Илья решил, что не доходя метров двести до расположения эскадрона он, чтобы не вызывать больше насмешек, заберется каким-нибудь способом на лошадь и с достоинством въедет.

Но лошадь прекрасно чует неопытность наездника. И поэтому стоило Илье попытаться залезть в седло, как кобыла сбрасывала его на землю в грязь. Предприняв несколько попыток и поняв, что ему все равно не удаст-

ся взобраться на этого зверя, он пешком, понуря голову, испачканный прибыл на место и опять попал под смех солдат.

Опохмелившийся командир с откровенной издевкой не приминул заметить:

— Где пропадал, воентехник? Тебя только за смертью посылать. Мы уж подумали, не на ташкентский ли фронт сиганул, к папочке и мамочке или к немцам прогарцевал сдаваться.

И лишь один Семенов, принимая кобылу, успокоил его:

- Да не обращайте внимания на жеребцов этих сытых. Ишь, отъелись в тылу, горя им мало.

А затем добавил: - А вы, видать человек добрый, скотину жалеете.

В самом деле, лошадь вернулась совершенно не уставшая, чего нельзя было сказать об измученном Илье.

Однако через некоторое время Фердинант прилично освоил науку верховой езды. Да и в эскадроне к нему, выдержанному и тактичному, стали относиться теплее, попривыкли. Часто, идя рысью с развевающейся от ветра плащ-палаткой, как буркой, он видел себя эдаким лермонтовским Печориным, лихо скачущим, чтобы затем упасть к ногам неоцененной им княгини Веры. И еще очень уж жалел он, что не придется ему промчаться на коне по родной Сретенке перед глазами восхищенной мамы, чтобы видела она, как вырос и возмужал ее Илюша.

И в самом деле не привелось ему побывать больше на родной улице, а пришла вместо него казенная бумага, извещающая, что тридцатого октября сорок третьего года, старший техник-лейтенант Илья Аронович Фердинант геройски погиб в бою и что похоронен он в двух километрах юго-восточнее села Седнев, Черниговской области, на Украине.

... А было ему всего девятнадцать лет.

СЕЛО ОССИЯ

В начале сорок четвертого года, после томительного двадцатимесячного стояния в обороне, войска Волховского фронта перешли в наступление. Танковый батальон, где механиком-водителем служил Абрам Файнштейн, был придан стрелковой дивизии, наступавшей с плацдарма на левом берегу реки Волхов, севернее Новгорода.

Спустя несколько дней, одна из рот лыжного батальона дивизии, внезапно, без потерь, захватил село Оссия, примерно километрах в двадцати пяти от города. Немецкий гарнизон, захваченный врасплох, бежал. На нашу беду в селе оставались склады со всяким добром, в том числе и с запа-

сами спирта. Обнаружив его, солдаты решили отпраздновать победу и вскоре вся рота пьяная заснула мертвым сном, причем командир даже не удосужился выставить боевое охранение. Ночью немцы стремительной контратакой вернули себе село, захватив в плен не оказавших сопротивления лыжников.

Затем, в течение почти двух суток, дивизии пришлось вести тяжелые бои, чтобы снова взять село, А оно, как назло, находилось на высотке, вокруг только луга и огороды. Поэтому наступать пришлось под прицельным огнем противника и наши несли ощутимые потери. Танкисты поддерживали наступающую пехоту огнем своих пушек.

Вскоре село запылало, и немцы оставили его. Когда пехота и танки вошли в Оссию, перед взором наших солдат предстала страшная картина. Как оказалось, перед бегством из села немцы согнали пленных в два просторных дома, заколотили в них окна и двери и подожгли.

Абрам Файнштейн закончил возню с двигателем, вылез из своего танка и оглядевшись, содрогнулся. Был серый пасмурный день. Снег под ногами был покрыт сажей, подожженные дома еще продолжали дымить. Но самое ужасное - это останки сожженных солдат. Они были скрючены самым фантастическим образом. Смрад от горелого человеческого мяса был непереносим.

Похоронная команда свозила трупы в уже подготовленную братскую могилу. Абрам, увидя солдат этой команды, пришел в недоумение и замешательство. Это были, вероятно деревенские, с непокрытыми головами, в черных телогрейках, молодые женщины. Какой болван мог послать их на такую работу. Им ведь еще предстоит детей рожать, воспитывать их. А они по-двое, голыми руками брали трупы, тащили их и навалом грузили в сани. На них можно было положить не больше чем четыре - пять трупов и женщинам приходилось вновь и вновь возвращаться за страшным грузом.

Люди стояли кругом, молча смотрели на происходящее и ненависть была в их глазах. Не было слышно обычных после боя шуток, добродушного матерка. Как это можно, живых людей люди хладнокровно и расчетливо подвергли таким мукам!

Абрам не мог больше глядеть на все это. Ему представилась вдруг судьба оставшихся в латвийском Резекне многочисленных родичей. Он отошел в сторону и увидел мертвого немецкого солдата, лежащего лицом вверх без шапки. Его белокурые волосы шевелил легкий ветерок, широко раскрытые, уже остекленевшие глаза смотрели в небо. Осколок мины распорол ему живот, и руками он придерживал вывалившиеся кишки, как будто бы перед смертью пытался затолкнуть их обратно. Снег вокруг был пропитан его кровью. Кто-то попытался, как бы в отместку, сжечь его, уже

мертвого. Но оказалось, сделать это не так-то просто, и на мертвеце только мундир тлел.

- Какого дьявола ты здесь очутился, за тысячу километров от твоего треклятого фатерлянда, кто звал тебя сюда, зверюга? - подумал про себя Абрам, идя прочь и искоса поглядывая на могилу сожженных солдат. Там он увидел группку людей в добротных полушубках и среди них фоторепортеров. Очевидно, это уже работала комиссия по расследованию зверств фашистов.

Короткий, но насыщенный день подходил к концу, на село опустились сумерки, как бы приглушая страшную картину...

И здесь раздалась команда:

- Кончай ночевать, славяне. По машинам!

Затрещали, закряхтели мощные танковые двигатели, Машины быстро выдвигались в маршевую колонну. Надо двигаться вперед. До Германии еще далеко. Надо догнать оторвавшегося противника. Они все должны лечь здесь. Здесь, на новгородских полях, в новгородских лесах, в новгородских болотах!

Леонид Кац

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ЭСТРАДНОЙ ЗВЕЗДЫ

Одной очень знаменитой певице, назовем ее Ниной, так как она ни за что не захотела бы фигурировать в рассказе под своим собственным именем, когда она утром проснулась, пришло в голову, что интересно было бы некоторое время пожить не в ореоле своей известности, а как простой женщине сорока двух лет, ничем особенным из толпы не выделяющейся.

...Сказано - сделано. Она встала и после душа сама приготовила себе завтрак. Причем завтрак, как она полагала, годный для ее эксперимента: она поджарила картошку и сварила натуральный кофе, пренебрегнув растворимым. Правда, картошка получилась странного бело-черного цвета, а кофе, перекипев, выплеснулся на плиту, но это - по крайней мере сегодня - было неважно.

Ехать - так ехать. Следующим ее шагом стал звонок к своему концертмейстеру: она в довольно резкой форме заявила, чтобы он сегодня ее не ждал на репетицию, и вообще, чтобы он забыл о ее существовании. Этим она вызвала такое изумление у своего собеседника, что тот даже не нашелся, что ей ответить, и она, воспользовавшись его замешательством, с треском бросила телефонную трубку.

Ну, что еще? Выпав из привычного ритма, она себе толком не представляла, что бы еще такое можно сделать в ее положении. Поколебавшись немного, Нина вырубила телефон и принялась читать какую-то книжку, а через некоторое время незаметно для себя уснула.

Проснувшись уже во второй половине дня, она решила пойти в город. При этом надо позаботиться, чтобы ее не узнали (ох, уж эта популярность!). Она присела у трюмо и «сделала» себе лицо, но совсем не так, как рекомендовал ее визажист, а вульгарно, злоупотребляя броскими красками, и довела свое лицо до возмутительно дешевого состояния. Взглянув еще раз на свое отражение, нашла, что ее еще можно узнать, и надела темные очки и шляпу, закрывшую весь лоб. Если бы было принято, она с удовольствием надела бы еще и паранджу.

Теперь - в трамвай (Боже, сколько же времени она не ездила на трамвае?). Здесь - тоже никем не узнанная - она стала пробиваться через толпу вперед, получая пинки и страдая от того, что каждый шаг стоил ей физических усилий. Проехав несколько остановок, она вышла. Непривычные физические упражнения и неудача с завтраком сделали свое дело: она направилась в кафе и села за столик.

Официант, в упор ее разглядывая, спросил, что мадам будет заказывать, и она - раз уж взялась играть роль, то будет ее играть во всем, даже в мелочах - она заказала какое-то мясное блюдо, кажется, ромштекс, и, кроме того, рюмку коньяку - то, что она вообще-то презирала, но презирала у других, в ее той, еще артистической жизни. Коньяк ей не доставил никакого удовольствия, но она мужественно допила рюмку до конца, а принесенный ромштекс съела охотно. Некоторое время после еды она посидела за столом, борясь с явным ощущением его неустойчивости. Со стороны могло показаться, что женщине или просто некуда идти, или, наоборот, она сосредоточенно кого-то или чего-то ожидает.

Впрочем, ожидание длилось недолго. На небольшую эстраду вышла молодая певица в сопровождении четырех музыкантов. Она запела песенку... из Нининого репертуара. Первое, что сделала Нина, слушая певицу - она не без глубоко спрятанного в душе удовлетворения отметила полную профнепригодность выступавшей: девушка была из попсы. Хотя, казалось, все было на месте - и слух, и приятный тембр голоса, но она пела грудью, животом, очень старалась, в то время как рот совершенно ей не подчинялся: он не «помогал» ей петь, не резонировал. Да и лишние - совершенно не оправданные - движения руками и ногами мало что прибавляли к выразительности. А ведь пение на резонансе и экономия жестов и отличает, как правило, профессиональную исполнительницу от дилетантки. Надо бы об этом ей сказать, научить, что ли, - подумала Нина и тут же остановила себя: ведь если она только заикнется, рискует тот же час быть узнанной. Второе, что тут же ею было замечено - это усиленные попытки скопировать ее, Нинину, манеру исполнения песни: она закатывала глаза, немножечко грассировала и раскланивалась очень похоже.

После жидких аплодисментов девушка запела другую песню, и тоже из ее репертуара. Третья, опять же оттуда, убедила Нину, что певица сознательно ее копирует (уж не пародирует ли?). В конце третьей песни выступавшая начала уже задыхаться, так она перенапрягла мышцы, стараясь дать звук погромче. Четвертый номер оркестранты играли уже сами, а певица ушла за кулисы отдыхать. Наблюдение за выступавшей целиком поглотило Нину. Даже в состоянии, когда она вроде бы и жила другой жизнью, мозг

машинально выхватывал из окружающей действительности то, что больше всего знакомо, что не требует слишком больших усилий на осмысление. Нет, конечно, Нина и помогла бы девушке, хоть та и взялась не за свое дело, она научила бы тому, что при пении необходимо использовать естественные резонаторы. Тут же она вспомнила, что, скажем, Елена Образцова во время пения так корчит рожи, выстраивая губами резонатор изо рта, но это не мешает ей оставаться всеми любимой певицей. Да и насчет движения по сцене во время пения... Ведь не составит же эта певичка ей конкуренции... Нина, в принципе, была женщиной доброй и отзывчивой, во всяком случае ей самой так казалось.

На некоторое время размышления о девушке вытеснили из головы основную мысль - как бы не быть узнанной. Поняв, что внимание переключено на другое, Нина вдруг испугалась, обвела глазами людей, сидящих за столиками - нет, вроде бы никто ничего не заподозрил. Но, может быть, исполнительница пела песенки ее репертуара потому, что узнала ее? Тоже, вроде бы, непохоже: чтобы, подготовив совсем другие песни, на ходу изменить собственный репертуар, нужно как-то договориться с музыкантами-аккомпаниаторами, но ничего такого ею замечено не было.

Ну что же, все идет как она и задумала, с полным погружением в непривычную среду. Размышляя обо всем этом, певица не сразу заметила человека, подошедшего к ней и что-то ей говорившего, она не поняла сразу - о чем это он? Просит разрешения сесть за ее столик? Конечно, да, да, посмотрим, останусь ли я и сейчас, при рассмотрении вблизи, неузнанной? Человек, на вид ему было лет пятьдесят, солидный, можно сказать, красивый, с проседью, элегантно одетый, уже что-то опять говорил, но смысл сказанного долго не доходил до Нины, занятой раздумьями о собственном инкогнито и о девушке-певице. Когда же она усилием воли начала вслушиваться, что именно говорит мужчина, ничего интересного она не услышала: шел обычный для такого случая привычный набор фраз, содержащих скрытые комплименты, полагающиеся при первом знакомстве мужчины с женщиной. Певица рассеянно слушала речь, содержащую, по ее оценке, минимум информации. При этом она все время, нарочно сняв очки, старалась, чтобы ее собеседник получше ее рассмотрел.

Наконец, она спросила его, желая остановить поток красноречия и еще раз убедиться, что она не узнана:

- Скажите, вам нравится исполнение этой девушкой песенок, которые, вообще говоря, исполняет певица - и она назвала себя.

- Да, —ответил собеседник — я пару раз слышал это имя, но убей меня Бог, если я помню, как и что она поет. А что касается девушки, то я понимаю ее песни как необходимую приправу к блюдам.

И здесь у Нины одновременно появились два взаимоисключающих соображения, причем она не знала, какое важнее: с одной стороны - хорошо, что ее инкогнито не раскрыто даже при близком рассмотрении, а с другой - как же так, она собирала тысячные аудитории, не говоря уже о телевидении, а мужчина (ей показалось) так полупрезрительно отозвался о всеми любимом имени. Решив, что важно и то, и другое, она решилась, как говорится, поставить точки над «и»:

- Неужели вы никогда не видели ее живьем, не бывали на ее концертах, в конце концов не слушали ее по телевизору?

- Видите ли, работы у меня сверх головы, службу прохожу в гарнизоне в далекой провинции (я - человек военный), а телевизор не люблю, потому что моя работа целый день требует моего внимания ко всяким штучкам, очень на телевизоры похожим.

- А сейчас?

- А сейчас нахожусь в отпуске, решил провести его в столице.

- Отдыхать - и в городе?

- Знаете, отдыхать лучше всего нужно по контрасту. Вот, например, из столицы едут к морю, или в горы, или к нам, или Бог его знает, куда, я же мечтаю хотя бы месяц пожить в городе.

Здесь Нина опять отключилась от логики собеседника, так как на эстраду снова вышла девушка-певица. Поэтому Нина пропустила мимо ушей все, что говорит ее знакомый. Лишь постепенно сознание Нины опять выхватило из общего потока слов собеседника суть сказанного им, и она схватила с полу фразы:

- ... поэтому я прошу вашего разрешения проводить вас до дома. Неужели вы и сейчас промолчите и ничего мне не ответите?

Нина внимательно вгляделась в собеседника. А действительно, почему бы и нет? Да, но как же быть с проблемой инкогнито? Ну, будь, что будет!

- Нет, почему же, отвечу. Если вам не жаль своего отпускного времени - пожалуйста!

Что было дальше, Нина расценила как нечто неважное и, по-видимому, поэтому полузабытое: вот они идут пешком, непрерывно разговаривая о чем-то несущественном; в памяти четко отпечатался лишь отрывок разговора, где Нина предлагает новому знакомому напоить его чаем, прежде, чем распрощаться с ним. При этом Нина четко понимала, что, с одной стороны сама она не святая и не ханжа, но с другой помнила, что в большой

комнате висит большой портрет маслом, подаренный ей однажды во время заграничных гастролей, на котором она изображена поющей у рояля. Увидит он этот портрет и ее инкогнито придет конец. Однако ее собеседник так дружелюбно смотрел на нее, что она решилась пригласить его в дом. Правда, в голове ее мгновенно пронеслось, что кроме портрета во всех четырех комнатах ее квартиры имеется тысяча других вещей, по которым она может быть мгновенно «вычислена», начиная от тщательно настроенного фортепиано и гитары, и кончая там и сям разбросанными мелочами - сценическими туфлями, для которых, правда, было определено постоянное место, но которые ни за что не хотели там оставаться и вечно лезли на глаза, платьев и другой мелочевки, вроде накладных ресниц, не говоря уже о нотах...

Правда, вещей, по которым ее можно было бы узнать, уже не было: многочисленные дипломы и обложки календарей, на которых она была изображена сама или написана ее фамилия и которые согревали ее душу, были тщательно запрятаны после того случая, когда один из ее гостей, внимательно изучив все это, висящее на стене, то ли в шутку, то ли всерьез спросил, обращаясь к хозяйке:

- А где же сама мумия?

Впрочем, это - в далеком прошлом, а сейчас надо было решать, как себя вести и какую роль играть в этот раз. А, будь что будет! уже в который раз за сегодня решила она, в крайнем случае буду все отрицать и скажу, что я - фанатка. И точно: первым вопросом гостя было:- Какой рояль! И вы играете?

- Нет, но у меня часто собираются гости, и они очень любят этот инструмент (ложь, но во спасение!)

Продолжение разговора было для Нины достаточно неожиданным:

- Тогда разрешите мне, как гостю, попробовать?

Играл офицер, конечно, неумело, по-любительски, зная всего несколько аккордов, но голос его, совершенно не разработанный, тем не менее оказался приятным баритоном, да и со слухом было все в порядке. Пока он пел, Нина приготовила кофе (на этот раз - растворимый, чтобы не осрамиться), и, кое-как убрав из комнаты вещи, не полагающиеся быть на виду у неожиданного гостя, повернув злосчастный портрет лицом к стене, пригласила его за стол, сама садясь тоже. Однако гость, игнорируя приглашение, подошел к ней сзади и обнял за плечи. Сказать, что это было для нее совершенно неожиданно, было бы явным преувеличением, что-то такое она и предполагала, но что это случится так скоро, а, главное, так просто, она не рассчитывала. Поэтому первой ее реакцией было недоумение, переходящее в возмущение: человек, знакомый с ней только по имени, обращается с ней, как с уличной девкой, такого наглого поведения она не ... не...

наверное, нахалу нужно дать пощечину... но как вырваться из этих мощных объятий? Вот, сейчас... сейчас... я покажу... я... вот... Впрочем, начиная с этого момента ей было не до раздумий и осмысления: ее охватило какая-то сладкая истома...

В себя Нина пришла только под утро, с чувством радости, но... обнаружила, что она в комнате одна, а ее партнер куда-то исчез. Раздумывая о происшедшем, она вдруг услышала, что звонок входной двери как-то очень настойчиво прервал ее размышления. Что-то забыл, - подумала она с плохо скрываемой от себя самой радостью, и, накинув халатик, бросилась открывать. На пороге стояли трое: ее концертмейстер, ее шофер и ее домработница, все трое явились чуть свет - концертмейстер чуть не весь город «поставил на уши», обнаружив исчезновение Нины. Они что-то взахлеб, одновременно ей говорили, но Нину почему-то волновало не это; хоть ее партнер ушел, и вряд ли когда-нибудь она его встретит, ведь, по существу она о нем ничего не знает, вполне возможно, он выдавал себя за другого, тем более, что исчез он как-то подозрительно - нет, мозг ее сверлила только одна мысль - узнал ли ее новый ее знакомый или не узнал?

Михаил Вайман

МОСКВА - БЕРЛИН

1

Еще постель твоя тепла,
ты встала, как обычно, рано.
Ведь у тебя всегда дела.
Ворчат, захлебываясь, краны.

Водой живою оросил
тебя прохладный душ. Как пчелка,
фен изо всех электросил
хлопочет над твоею челкой.

Потом застелишь ты постель
и улыбнешься почему-то.
Засвищет чайника свирель
через одну иль две минуты.

А дел еще невпроворот
не поддающихся учету.
Напудришься, подкрасишь рот
перед уходом на работу

и газ отключишь на плите,
и сына второпях разбудишь.
Я так боюсь, что в суете
ты вспомнить обо мне забудешь.

2

А здесь у нас еще темно.
Сон города глубок и прочен,
здесь всё еще подчинено
незыблемым законам ночи.

Угомонившись, спят дворы,
спят ратуши, соборы, джипы.
Лишь только с давней той поры
бессонницей страдают липы...

И я не сплю в столь поздний час.
Будильник тикает, не дремля.
Я просыпаюсь каждый раз
с тобой в одно и то же время,

чтоб, вслушиваясь в тишину,
твердить навязчивые рифмы,
настроить на одну волну
мои с твоими биоритмы.

* * *

Вопрос не новый — быть или не быть?
Я в нем не нахожу альтернативы.
Конечно, «быть» по мере сил счастливым,
стремясь по-волчьи никогда не выть.

Пока мы живы - жить и не тужить.
Из виду не теряя перспективы,
днем каждым дорожить — пока мы живы.
Пока не пробил час глаза смежить,

в беде не ныть, с мечтой не расставаться,
великолепьем мира восторгаться,
взаимные обиды позабыть,

самим собою «быть», а не «казаться»
до самого последнего абзаца...
Потом сама придет пора «не быть».

* * *

По поднебесью облака плывут,
как лебедей серебряные стаи.
Под солнцем ослепительно блистая,
к далеким странам держат свой маршрут.

То небо до краев заволокут,
то по лазури весело играют
и, удаляясь, в синей дымке тают.
Куда их гонит ветер-баламут?

В какую даль? Быть может, на востоке,
где всех моих былых надежд истоки
и где, осиротев, еще грустит мой дом,

они, струясь по кронам на бересте,
по травам, на родительском погосте
прольются освежающим дождем.

* * *

Залепит мрак мои глазницы.
Заледенеют кровь и плоть
в тот страшный час, когда Господь
мне повелит к нему явиться.

Боясь взглянуть в его зеницы,
что я скажу ему тогда?
Что жизнь была полна стыда?
Иль что моя судьба - блудница,

не зная что к чему, подчас
меня карала слишком строго?
Иль что у каждого из нас

была бы жизнь не так убога,
когда б при жизни - пусть хоть раз -
смогли бы мы увидеть Бога.

* * *

Сопровождает по Берлину
нас в образе Венеры гид.
Нам демонстрирует: витрины,
неповторимый колорит

былых веков, архитектуры
непревзойденные венцы -
шедевры мировой культуры,
великолепные дворцы,

искусство древнего барокко,
кварталы завтрашнего дня,
косящего свирепым оком
монументального коня,

его отточенные формы
и всадника надменный вид.
Про форум, войны и реформы
наш гид нам что-то говорит.

И чем во время оно Отто
фон Бисмарк занимался тут,
и Бранденбургские ворота
откуда и куда ведут.

Она вещает и пророчит.
Я ж пристально вокруг гляжу,
ищу следы хрустальной ночи
и, к счастью, их не нахожу.

* * *

Говорила ты мне:
«Облака невесомы, как пух.
Лишь вглядись и увидишь,
плывет голубыми лугами
стадо белых ягнят.

Погоняет их ветер-пастух.
Они щиплют травы
синеву под своими ногами.
А теперь посмотри:
караваны верблюдов ползут
по безмолвной пустыне,
которая внемлет лишь Богу.
На огромных горбах
они белую пряжу везут.
Горы алой парчи
прихватили с собою в дорогу».

А потом ты сказала:
«Над нами скользят острова,
свой таинственный путь
совершая по ясной лазури.
Громоздятся на них
ледяные дворцы, кружева
на крутых куполах
и соборы из светлой глазури».

Я был в чем-то неправ,
уверяя, что ты неправа,
и что облака -
только влаги холодной частицы,
а воздушные замки,
плывущие вдаль острова -
лишь фантазии плод,
пусть красивые, но небылицы.

* * *

- Знаешь? В этом году будет ранний Покров.
- Значит, скоро леса в листопаде утонут,
над озерами вербы по-бабьи застонут,
отряхая с ветвей свой цветистый покров.

Листопад запорошит наш сад и наш кров,
набросает листвы многоцветье в затоны.
- И прибавит седин мне,- сказала ты, тронув
на висках своих инея ранний покров.

Я ответил тебе, что еще не одна
расцветет в твоем страждущем сердце весна,
и ты будешь ее теплотою согрета.
И еще не однажды, светясь над тобой,
ниспошлет тебе небо любовь и покой
золотого и долгого бабьего лета.

* * *

Как не устанем злодеянья
творить до смертного одра?
Раскаянья и покаянья
уже давно пришла пора.

Зачем плести венки из терний,
усугубляя зло и страх?
Освободим сердца от скверны,
от рук отмоем кровь и прах.

Избавим помыслы от мрака,
растопим предрассудков льды,
с души своей очистим накипь
коварства, зависти, вражды.

В себе самих осудим ересь,
остудим пыл слепых страстей,
свой крестный ход проложим через
Голгофу совести своей!

* * *

(Отрывок из поэмы)

Годов промчались вереницы,
обвальных перемен виток
ни колдуны, ни ясновидцы —
никто предугадать не мог.

Рассыпался союз наш «братский»,
хоть нерушим казался он.
И Черной Были сполох адский
и Белой Пущи долгий звон
прощальный (он же — поминальный)
взмутили дней круговорот.
С тех пор сюжетам криминальным
уже давно потерян счет,

уже поделены кварталы
меж рэкетирами. Уже
огромную страну шакалы
на части рвут при дележе.

Уж грохот танков в белостенной
Москве отгрохал и заглох.
И на могилах убиенных
давно растет чертополох,

распространив свои владенья
и отстояв свои права.
Чертополох — трава забвенья,
чертополох - разрыв-трава.

Уже трагический спектакль
прошел, когда рассвирепев,
Господь на жителей Спитака
обрушил свой безмерный гнев.

И дрогнуло земное лоно.
Рассыпавшись дома, мосты
покрыли тяжестью бетона
людского месива пласты.

Уж символы прошедшей славы
забыты и пошли на слом.
И старый серп и молот ржавый
отправлены в металлолом.

И над просторами державы,
На круги возвратясь своя,
парит давно орел двуглавый,
восставший из небытия.

Яна Кутин

МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

ПОЧТИ СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

«...К нам в гости приходит мальчик...»
Дм. Кедрин

К девочке стал приходить мальчик. Ей было лет двенадцать, ему немногим больше. Он приходил и они играли во что-то.

Во что они играли, непонятно, потому что игрушек там не было.

Это точно - когда потом девочке уже в Москве попала в руки кукла, она с ней не расставалась, носила ее в портфеле и смотрела на нее на переменах, за что все в классе ее конечно дразнили. Они играли стоя у большого деревянного стола около окон, которые выходили в снежное поле; здесь стояла деревянная лавка, а пол был устлан деревянными половицами.

В конце недели девочка скребла пол косарем, дерево было желтым и на нем видны были сучки и жилочки.

Каждую доску надо смочить тряпкой, потом взять двумя руками нож-косарь и вести его по доске сперва в одну сторону, потом в другую. Впереди ножа идет густая жижа, а доска за ним светлеет.

Собрать жижу тряпкой, смыть водой, дерево вдруг откроется, заблестит, опахнет светом. Но заметить это можно только сначала и еще под конец. Сначала - это когда лавку и четыре доски стола моет, а потом лучше о чем-нибудь другом думать.

Смочит девочка половицу водой, ведет тяжелый косарь, взад-вперед, взад-вперед, пока всю доску по ширине и длине не пройдет. Грязную воду собрать, чистой промыть и так еще одну и еще одну. Распрямится на коленях, оглянется, сколько за спиной, и скребет снова - тетя скоро придет.

Когда начал мальчик приходить к девочке, она не помнила, и не гордилась этим, как стала бы я, например, гордиться - ну приходил и приходил, какие-то вещицы показывал, шарик какой-то. Постоит около стола, поговорит, помолчит и уйдет.

В гости никто не приходил, может, в гости вообще не ходили? Как-то у школьной подруги девочке вынесли в коридор стакан молока, не спросили

- хочешь? И она ничего не сказала, только когда выпила молоко и увидела белый след на стенках стакана, помедлила его отдавать.

Той подруги не было с ними, когда весной, как стаял снег, она с другими девочками пошла в поле около леса колоски собирать. Тетка покормила ими кур и наутро - о горе! Все они синие лежали в клетушке кверху лапками.

А через несколько дней по большой улице деревни гробы несли - в них лежали подруги девочки, а иногда и целые семьи, все кто кашу из тех колосков съел. Люди говорили, что сперва синие пятна на теле проступят, а потом умирают.

Еще и через несколько лет, когда девочка, уже взрослая, лежала однажды с осложнением после гриппа в больнице, все врачи удивлялись, почему она на руках и ногах синие точечки выискивала и им показывала, не опасно ли мол - а они смеялись.

Снег заметал дом - со стороны поля завалинки были уже выше окон, он был пушистый как подушки, как перина - которых не было в их доме. Вдали за полем виднелась опушка леса. Там за лесом была школа, рассказывали, что одного мальчика, когда он возвращался, в темноте загрызли волки.

А девочке так хотелось в ту школу! И она думала, что она бы бежала всю дорогу и волки ее бы не съели.

До ее школы, которая помещалась в бревенчатом доме на большой улице было недалеко. Зимой только она надевала большие мужские сапоги, все остальное время ходила босиком. Однажды она шла с экзамена и навстречу ей бежала тетя со своими туфлями в руках, но было уже поздно, девочка сдала экзамен. Тетя очень расстроилась, что девочка сдала экзамен босиком, потому что она в этой же школе была учительницей.

Зимой в школе было холодно, сидели в пальто внакидку, и почти весь урок по классу летали бумажные голуби. Все шумели, разговаривали и смеялись, особенно если учительница садилась на стул с кнопками или ей подкладывали что-нибудь липкое на стол.

Перед уроками мальчишки не пускали девочку в дверь класса, а во время уроков дергали и дразнились - что вытаращила гляделки? А тетям учителя жаловались, что она плохо себя ведет, дерется.

Дома девочка топила печку, которую называли голландка, хотя она, конечно, была без изразцов, просто беленая.

Была еще одна печь, большая, которая занимала всю левую сторону от двери до окон, та называлась русская печь. На ней стояли горшки, а сбоку метла, совок, кочерга. Ее перед смотрел в поле, небольшое пространство перед окном было отделено занавеской и называлось кухней. Тети говори-

ли, что в таких печах моются. Но печь внутри была такая черная и страшная, что девочка ни за что не согласилась бы туда залезть. Сверху на печи лежала одежда, там она спала.

Русскую печь топили тетки. Они научились сажать туда горшки длинными ухватами, а иногда пекли хлеб или лепешки, если вместо хлеба выдавали муку. Пекли обычно в воскресенье, когда девочка и тети - они были учительницы, не ходили в школу. В эти утра девочка лежала на печке и ждала, когда ее позовут. Трудно было дождаться лепешки, но еще труднее было донести до дому, не притронувшись, буханку, которую выдавали в продмаге. Хлеб пах, пальцы не слушались и тянулись к корочке отковырнуть. Ах, как таял хлеб во рту! А пальцы уже сами искали еще какую-нибудь зацепочку.

Как ругались за это тетки!

Как-то девочка играла с бритвой, а тети захотели ее отнять. Она сжала пальцы так, что никто не смог бы разжать ей кулак и достать оттуда бритву. Тогда старшая тетка рассердилась, стала бить девочку веником и девочка убежала из дому. Она пришла на почту, стояла там у окна, протаивала глазок и смотрела в темноту на сугробы, пока тетка, которой сказали, где она, не пришла и не увела ее домой.

Иногда хлеб девочке давали соседи, чье крыльцо было с левого дальнего конца дома, их звали Юля и бабушка, может они даже были родственники, но к ним не приходили. В памяти они как-то неясно связывались с деревней под Смоленском.

Сперва будто все гостили еще у одной тети в Брянске. Это там были распахнутые в летний день окна и кричали из репродукторов, что началась война, Гитлер напал. А они поехали дальше на запад, как было задумано, и приехали в деревню Жилинки. И как только они приехали, с неба начали падать бомбы. Всем велели эвакуироваться, но старые дед и бабка, к которым они приехали, не согласились оставить свой дом и сад. А их всех увезли на станцию.

И в ту же ночь станцию разбомбили. Они убежали в поле, легли в траву. По небу наверху летели самолеты, от них отделялось что-то черное продолговатое - это были бомбы, и когда они падали на землю, то раздавался страшный грохот и вся земля летела в воздух, разбрасывая осколки.

Этот гул самолетов, взрывы и крики, казалось девочке, были не в действительности, а только в ее голове. Но и спустя многие годы ее душа содрогалась, заслышав гул низколетящего самолета. Ей хотелось вжаться и спрятаться, чтобы не быть заметной сверху.

Девочка думала, зачем увезли ее в то лето от папы?

Все эти тети были папины сестры, он был их старший брат и помогал их выращивать - наверное, из-за этого. Младшая тетя, когда училась в Москве, жила у них, потом у нее родился Славик. Старшая тетя часто говорит ей всякие неприятные вещи, например, что зря она не едет к своему мужу в Алма-Ату, морит ребенка, верит подруге, мало ли чего та напишет.

Но когда потом эта же подруга написала, что в Средней Азии много еды, никто не голодает, старшая тетя поверила ей, взяла своих двух детей и уехала. Может, это было и лучше, потому что младшая тетя не била девочку веником, она только ругалась и за столом иногда с размаху ударяла ложкой. Она говорила: - Таких как ты только ложкой по лбу учить.

После письма из Алма-Аты тети много спорили, часто произнося имя девочки. А годы спустя одна из них говорила: - Я хотела тебя взять, Люба не дала, ты ей нужна была как нянька для Славика.

Другая же как-то сказала: - Тамара съездила за твоими вещами в Куйбышев и взяла их, а сама ты ей была не нужна.

В Куйбышев был переведен папин завод, но самого папы там не было, он был в тюрьме. Девочка этого не знала и ждала от него письмо и адрес мамы, но письмо пришло от папиной знакомой. Она писала: - «Милая девочка, как тебе не стыдно, ты не знаешь адреса мамы. Веди себя хорошо, слушайся своих тетей и тогда ты будешь получать письма от папы.»

Девочка знала, что ее мать шпионка, еще во дворе московского дома ей говорили про это дети, и она слышала, как по вечерам шептались в ванной папа и бабушка о плохом человеке Багирове и что Сталин его накажет. Мама просила снять ее и братиков на фото, чтобы ей увидеть, какими они стали, а сама посылала им носовые платочки и открытки, где были нарисованы олени и написано Колыма.

Соседки, Юля и бабушка, откуда-то узнали адрес мамы - Магадан, автобаза, дальше стояло какое-то чужое имя. И они ей написали, что пока вы там себе живете и деньги зарабатываете, ваша дочь может эту зиму не пережить.

И девочка тоже написала маме письмо. Она писала: «Тетя кормит Славика, меня она не кормит. Когда я прихожу из школы, Славик сидит на мусорных кучах и ест огуречные корки, я его оттуда снимаю. У нас есть козочка, она дает Славику одну кружку молока. Тетя велит мне ее пасти, а она меня не слушается, бодается и убегает в лес. А тетя не пускает без нее домой. Еще я колю дрова топором и один раз тетя дала мне курочку, чтоб я отрубила ей голову. Я отрубила, а курочка побежала без головы».

Девочка подумала и приписала еще: « Я ношу воду на коромысле и картошку с огорода. Картошку я несу сразу четыре ведра - два ведра на коромысле и два в руках».

Мама девочки получила эти письма через полгода, когда растаял лед и пошла навигация, и долго над ними плакала, потому что думала, что девочки уже нет в живых, и она стала тогда писать письма и посылать телеграммы папе в Москву, чтобы он забрал девочку, но она также, как девочка, не знала, что папу сразу как началась война тоже забрали в тюрьму.

Однажды мальчик сказал: - Давай мы с тобой поменяемся, ты мне самое дорогое отдашь, и я тебе?

- А что,- спросила девочка, - шарик?

- Нет ты подумай,- сказал мальчик, - что у тебя самое дорогое?

Он ушел и девочка стала думать. Казалось бы, ей неоткуда было взять знание.

Никто никогда с ней не говорил о чем-нибудь, только о сиюминутном. Она не видела семейной жизни, не читала книг, их не было в этом доме, с ней не было ее братьев. Когда-то давно-давно, когда их кроватки стояли рядом, они шептались и щекотали друг-другу пятки, кто первый не выдержит и засмеется.

- Когда твоей тети не будет дома? - в другой раз спросил мальчик.

- В воскресенье, - ответила девочка, - в воскресенье она всегда уезжает на рынок, на станцию.

И вот все же лежа вечерами на своей печке она из чего-то соткала свое знание и поняла, что надо найти красивую рубашечку, которая лежит в вещах, присланных из Москвы. Рубашечка была тоненькая и по всему ее низу были вышиты розочки.

Тети уже не было, когда девочка проснулась. Пусто и чисто было в комнате, как всегда в воскресенье, и пахло протопленной печкой.

От снежного поля шел все тот же рассеянный свет - это был свет чистоты и вечности, он не давал расслабиться, он звал куда-то.

Мальчик пришел, они постояли немного, он сказал: - Пойдем вот туда.

Девочка подошла к двери и закрыла ее изнутри на крючок, как они делали всегда по вечерам. Потом они зашли туда, где за дощатой перегородкой стояли буквой «г» две кровати. Сначала было темно, а потом сквозь щели в досках и от белой стенки голландки стало немного виднее. Здесь днем укладывали Славика, надо было всегда лечь с ним и взять его за ушко, иначе он не засыпал.

- Ты ляг на кровать,- сказал мальчик. Он не посмотрел на ее рубашечку, и сам как-то неловко лег сверху.

Кровать пружинила, и они оба были такие легкие, что их не прижимало друг к дружке, и тогда мальчик сказал: - Ляжем на пол.

Они легли, что-то маленькое и тепленькое как пальчик нежно касалось животика девочки, она лежала послушно и думала, что, оказывается, это вот и называется подарить себя.

Потом ей стало как-то неудобно лежать так долго: на полу было мало места, она думала, что тетя может вернуться раньше и увидит, что дверь заперта.

То ли и вправду в сенях раздался шорох, то ли ей надоело прислушиваться и она нарочно сказала.

- Тетя, кажется - сказала девочка, - она сейчас придет.

Вспрыгнула проворно и побежала к двери.

Никого не было в теплых сенях, где стояла кадка с водой, и за дверью дощатой уборной, где всегда снизу так и дуло, тоже никого не было. И в холодных сенях, где тетя обычно оставляла привезенные с рынка замороженные лепешки молока, тоже было пусто. Там, забытый с утра на щепках, лежал топор.

Мальчик ушел и тетя долго еще не приходила, но девочке было хорошо одной дома.

Прошло время, дом их однажды засыпало снегом, они не могли открыть дверь и выйти, и их отгребали снаружи. Потом, наконец, зима начала кончаться, сосульки закапали с крыш, и однажды девочка вспомнила, что мальчик больше не приходит.

И теперь на своей печке ей стало думаться о мальчике.

Думалось и думалось, как будто сила какая-то тянула - пойти, встретить, позвать. Может там, у дровяных сараев, где от солнца уже высохли опилки... пусть приходит...

А потом забылось.

Потом прошло лето, а осенью, когда уже снова началась школа, вдруг приехал за ней брат. Он, хотя и был старше ее только на три года, но уже сам ездил и имел пропуск для проезда в Москву. Директор завода, где опять уже работал их папа, достал ему этот пропуск.

Брат наподдал девочке коленом, когда она испугалась садиться в поезд, и втолкнул в набитый тамбур - это было на той самой станции, где два года назад их выгрузили из теплушек в зеленое поле.

Иосиф Вольфсон

ГОСТЬЯ

Мы живем в Берлине. Обеспечены, как все «флюхтлинги», то-есть, по-немецки, очень средне, а по-русски - очень даже богато.

Поэтому нас любят посещать гости, в основном - из нашего родного Петербурга.

Мы люди гостеприимные, и всегда рады покормить гостей чем-либо вкусненьким, подарить что-либо из одежды, показать им берлинские музеи, библиотеки, парки, площади и, конечно, КДВ.

Но когда гости приезжают, да еще супружеской четой, месяца на полтора, и ты в собственной небольшой двухкомнатной квартире превращаешься в жильца коммуналки, занимаешь очередь в туалет и обедаешь во вторую смену, тут взвоешь, молча, конечно, чтобы, не дай Бог, не обидеть гостей.

А недавно нам позвонила из Гамбурга одна приятельница и радостно сообщила:

«Представьте, случайно познакомилась с одной милой дамой. Разговорились. Оказалось, она сорок три года назад закончила среднюю школу, где вы были молодым учителем, и очень хочет приехать к вам в гости в Берлин. Дать ли ей ваш адрес и телефон?»

- Конечно, дайте. Мне будет очень интересно встретиться.

- Она приедет на два дня. Но хочу вас предупредить, что это за человек. Она много, ну очень много разговаривает. Если вас это не смущает, то я дам ей ваш адрес.

- Ничего страшного. Мы на старости лет все любим поговорить.

Я вспомнил эту девочку Лену, скромную, молчаливую, с застенчивой улыбкой. На перроне я встретил (о, ужас!) седую старушку с бегающими глазами и резкими энергичными движениями.

Но еще за день до этого меня стали одолевать сомнения, не поторопился ли я с приглашением, не рискую ли я покоем, этим драгоценным достоянием старости? И через три минуты, когда речь гостьи полилась неудержимым потоком, я понял, что натворил и привел в действие заранее заготовленный прием. «Я, думаю, тебя сейчас ТАК напугаю, что ты три дня слова не проронишь.»

И начал: «жена моя вообще нормальная женщина, но у нее есть небольшие нарушения психики. После сорокалетней лекторской работы она не выносит долгой человеческой речи. Недавно в слишком разговорчивого гостя запустила тарелкой с ножом и вилкой. В другой раз мы были в доме, где жил говорящий попугай. Он болтал без умолку, пока жена не схватила его за горло... Крик, шум, перья летят. Едва их разняли. Попка с тех пор почти перестал говорить. Жена как-то раз заглянула, бедная птица встрепенулась, забилась в угол и закричала резким голосом: «карррраул». Гостья слушала меня рассеянно и ни разу не улыбнулась. «Дело плохо,- подумал я. Кого я веду в дом!»

Она пробыла у нас двое суток, сорок восемь часов, из них сорок часов она говорила. Мы узнали биографию ее родителей, а также жизнеописание ее мужа, сестер, братьев, бабушек и дедушек с обеих сторон. Были даны исчерпывающие характеристики ее подруг, начальников, их жен и любовниц. Кроме того, мы узнали, что она пишет очень талантливые стихи. Не случайно она родилась в один день с Пушкиным, и каждый год осенью испытывает, как Пушкин в Болдино, необычайный творческий подъем.

Остановить ее было невозможно. Я пытался вставить слово. Куда там! Она меня не слушала, перебивала и продолжала свой неторопливый эмоциональный рассказ, изобилующий словами «вы представляете», «я обалдела», «это было чудо!», «какой ужас!» и так далее.

В дом пришел деспот и диктатор. Оказывается, мы ничего не знаем и не умеем. Нас надо учить и переучивать. Мы с женой не умеем дышать, есть и пережевывать пищу, сидеть на стуле, лекарства мы принимаем не те и не так. Домашние растения она тут же пересадила. (Назавтра они увяли.) Это было невыносимо. На меня что-то нашло, и я не своим голосом закричал: «Молчать!»

Жена убежала к подруге, вернулась поздно ночью. Но гостья ее поджидала, схватила за пуговицу халата и с горящими сатанинским блеском глазами стала тыкать пальцем в различные части ее тела, говоря, что есть особые точки, нажимая на которые, можно вылечить любую болезнь. Так она сама себя вылечила от рака прямой кишки. Опасаясь, что она будет показывать соответствующие точки, я убежал в другую комнату и лег спать.

Обычно быстро засыпаю и сплю хорошо. Но на этот раз долго не мог заснуть, снились кошмары.

На рассвете она меня разбудила.

- Ради Бога, извините пожалуйста, мне очень неудобно, но что мне делать, меня беспокоят газы.

- Какие газы? Иприт, люизит, хлорпикрин?

- Ой нет! Обычные кишечные газы.

- Да... Придется избавиться от них обычным методом.

-Как?

- Ну это просто. Издайте характерный звук. Вы латынь знаете?

- Конечно. Я ведь выросла в семье врачей.

- Пер ос или пер ректумо. Лучше последнее.

- Спасибо. Извините, ради Бога. Мне так неудобно.

- Ничего, идите спать и не забудьте перед сном облегчиться.

Назавтра она есть отказалась. Разгрузочный день.

Жена сказала: «съешьте хоть что-нибудь.» Но я сказал: «Не надо. Ничего не есть - лучшее средство от газов.»

Затем она задрав до известных пределов юбку, кокетливо спросила: «правда, у меня красивые ноги?» Я промолчал. «У вас есть черные колготки?» У нас не было. Потом схватила кожаную сумку жены. - «Я давно мечтаю о такой сумке. А вы себе другую купите, ладно? Я женщина колоритная, мне нужна яркая кофточка. Эта, пожалуй, мне подойдет. Спасибо. Как раз по мне.»

Жена молчит, только сильно побледнела.

Я проводил нашу гостью и вернулся домой. Смерил давление. Ого!

На завтра утром она позвонила: - «Мне у вас очень понравилось. Но я забыла у вас очки»

- Я их вам вышлю по почте.

- Не надо. Я думаю, что скоро приеду к вам на две - три недели. Тогда и очки заберу. Кроме того, я написала несколько очень талантливых стихов. Надо договориться с издательством о напечатании.

- Я не знаю, как насчет стихов. Но жить у нас вы не сможете. Мы уезжаем на два-три месяца, я в Петербург, а жена - в Центральную Африку.

- Это ничего. Вы оставьте ключ от квартиры под ковриком. Вы ведь мне доверяете?

- Нет,- сказал я слабым голосом, взял в рот валидол и положил трубку.

СКРИПОЧКА

Мне было двадцать семь лет. Я с опозданием (война виновата) окончил Университет и пришел работать в школу.

Я был строен, кучеряв и влюбчив. Последнее обстоятельство очень омрачало мне жизнь, потому что школа была женская и я был единственным мужчиной в этом царстве. Директор школы, партийная выдвиженка Марья Ивановна, долго колебалась, брать ли меня на работу, но я был некрасив, болезненно стеснителен и так не похож на бабника, что она рискнула.

У меня были старшие классы. Девочки, шести- и семиклассницы, приходили в перемену к учительской, чтобы через полуоткрытую дверь посмотреть на меня, хихикали, переглядывались и пожимали плечами. Чувствовал я себя отвратительно, но постепенно притерпелся.

Когда мне нравилась десятиклассница (они были моложе меня лет на семь-девять), я становился к ней особенно строг и придирчив, чтобы скрыть свою симпатию, и этим еще больше себя выдавал. Девочки с чисто женской проницательностью все замечали. В общем, жизнь у меня была тяжкая.

И была среди моих учениц девушка лет двадцати. В связи с войной и эвакуацией она потеряла два учебных года и потому была старше своих подруг. Это было заметно не только по внешности, но и по серьезности, сдержанности, молчаливости. Фамилия у нее была необычная, может быть, украинская, Скрипка, подруги звали ее ласково Скрипочкой. Училась она прилично, однако заметно было, что учение дается ей с трудом. Просто самолюбие не позволяло выглядеть хоть в чем-то хуже других.

На уроках она смотрела на меня в упор, и меня это смущало. Но когда я встречался с ней взглядом, она поспешно отводила глаза. Особого значения я этому не придавал и, наверное, забыл бы об этом, но...

Выпускной вечер. Готовились к нему задолго. Главный вопрос - это платье, его фасон, цвет, ткань. После шампанского - танцы. Я никого не приглашал, просто не успевал. Приглашали меня. Оно и понятно, я почти единственный кавалер. А танцевать я любил и, кажется, умел. И вот приглашает меня Скрипочка. Кивком, грациозно, молча и серьезно. Во время танца я пытаюсь говорить о чем-то. Она меня почти не слушает. И вдруг:

- Я вам хочу сказать что-то очень важное. Важное для меня. Мы с вами больше никогда не увидимся. Я через десять минут ухожу. Я вас люблю. Это для меня на всю жизнь. Вас это, конечно, ни к чему не обязывает. Поцелуйте меня.

Я оторопел от неожиданности и от того, что не мог найти нужных слов. Она чмокнула меня в щеку, резко повернулась и ушла, почти убежала, а я

стою посреди зала и посреди танца. Кто-то что-то заметил, стали перешептываться. Но мне было все равно. Настроение испортилось и я вскоре ушел домой.

Белая ночь. Набережная Невы переполнена толпой радостной и поющей молодежи. А мне жаль эту милую Скрипочку, ее сильного, отчаянного и неразделенного чувства.

Мне казалось, я виноват перед нею. Но в чем? На этот вопрос я сам себе не мог ответить, но чувство вины не проходило.

На ежегодных вечерах встреч с выпускниками она не появлялась. Я узнал стороной, что она закончила Педагогический институт и поехала работать в псковскую сельскую школу.

Прошло еще несколько лет. Однажды солнечным июльским утром я, до предела нагруженный рюкзаком и двумя сумками, стоял на перроне дачного поезда и думал только об одном, как бы мне в числе первых ворваться в вагон, чтобы захватить сидячее место, ехать-то больше часу. Вдруг слышу, кто-то меня окликает. Оглянулся. Скрипочка! Я страшно обрадовался. Вспомнил выпускной вечер и прерванное танго.

- Скрипочка, вы ли это? Поехали со мной! Будем пить чай и разговаривать.

Она помялась, но вдруг решившись, сказала:

- А что, поехали! На нашей даче родители сегодня обойдутся без меня. А позвонить от вас можно?

И вот мы едем. Она что-то говорит, а я незаметно и внимательно рассматриваю ее. Она за семь лет мало внешне изменилась. Ну, морщинки возле глаз. Но в остальном лучше стала, раскованной, улыбчивой, а взгляд -умный, зоркий, пронзительный.

- Ирочка (вспомнил ее имя), замуж вышла?

- А разве это обязательно? А вы развелись?

- А разве это обязательно?

И мы оба грустно рассмеялись.

Приехали на дачу. Я поставил чай, соорудил нехитрую закуску, достал коньяк. Ирочка много с юмором рассказывала о своей деревенской жизни, об учителях, учениках, быте. Выделили ей огород, а обрабатывать его она не умеет, отдала его соседке, а та так рада, снабжает ее круглый год картошкой и кислой капустой. Сельсовет бесплатно дрова ей выдал, большие березовые чурки, да вот колоть их некому.

- Да это же так просто!

- Вот приезжайте и колите. Понравится - останетесь.

Я подошел, поцеловал ее. Мы целовались долго, исступленно.

Я обнимал ее и чувствовал, что задыхаюсь от острого желания, что ничего не вижу, не понимаю. Вдруг слышу: - Отвернитесь.

Через миг разбросав свои одежды, она была под одеялом.

Она шептала, что любит меня с восьмого класса, что помнит все мои привычки и шутки, что помнит мои костюмы и галстуки, что знает про меня все-все, что наша встреча на вокзале была не случайна, она искала меня и «вычислила». Но я почти не слушал ее, потому что меня приводили в неистовство ее маленькие крепкие девичьи груди, податливые губы, мягкий и нежный живот. Ласкала она меня по-женски страстно и по девичьи неумело. И это распаляло меня до предела. И я уже сам не знал, где он, этот предел моей любви и страсти. Но вот опять «отвернись» и стала поспешно одеваться.

- Куда ты, Скрипочка, не уходи. У нас еще так много времени.

- Нет, все! Произошло то, что должно было произойти. Ах, как было хорошо! Такое ни повторить, ни продлить невозможно. У тебя, может быть, будет сын, если Бог захочет меня сделать счастливой. Фамилия у него будет моя, а имя - твое. Не провожай меня. Нас не должны видеть вместе.

- Не уходи, нельзя же так! Я не выдержу! Вот возьму, брошу все к чертовой матери и примчусь в твою псковскую деревню.

- Нет , ты этого не сделаешь. Мы были счастливы три часа. Это не так уж мало для одной жизни. Прощай, любовь моя. Не подходи, не смей целовать меня, а то я не выдержу, и все начнется сначала, и уйти будет еще труднее, а все равно - надо.

И с силой, неожиданной для ее хрупкой фигуры, вырвалась и убежала. Навсегда.

Ольга Завадовская

* * *

Под утро зачитали приговор.
А в это время сын его родился.
Так первый день с последним днем скрестился,
Сплетая все в чудовищный узор.
А птицы пролетали в небесах
И видели: повешенного ноги
Дрожали, отрываясь от дороги
по имени Земля, Надежда, Страх...
Но жизнь, что ускользая, от петли,
Младенцем, надрываясь, закричала
Провозгласила новое Начало
И страха, и надежды, и Земли.
И сохли на веревке у крыльца
Безвинно осужденные пеленки.
Ну что сказать о Родине ребенку,
Вдохнувшему последний вздох отца?
А птичьи непонятные слова
Звенели над двором, не умолкая -
Там женщина стояла молодая, -
Сама еще не зная, что вдова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СИВЕРСКУЮ

Деревенские места.
Детство. Синяя безбрежность.
Серых досок глухота,
рыжих досок безмятежность.

Дождь, качели, мокрый сад -
Фотографией бледнеют
Все, как тридцать лет назад,
Но безлюдней и больнее.

Снег идет. И крыш углы
Станут круглыми под вечер.

Молча сгорбятся стволы,
Опуская веток плечи.
Снег идет. Идут лета,
И все та же безответность,
Рыжих досок простота,
серых досок беспросветность

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Желтый свет просвечивал сквозь липы.
Воскресенье.
Ни души.
Жара.
Вымер дом. Ни шороха, ни скрипа
В обмороке сонного двора.
Окна рты беспомощно раскрыли,
Ни вдохнуть, не выдохнуть нет сил,
И, стекая вниз по птичьим крыльям,
Киселем июль вокруг застыл.
Вспыхнул ветер, зазвенели стекла,
Обещаньем воздух вдруг запах,
Где-то гром по соснам сухо грохнул
И ушел, разбив надежду в прах.
Я одна. Жара, и нет спасенья.
Кажется все высохло до дна.
Я всегда боялась воскресенья.
Вечер. Сохнут липы. Я одна.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь я напишу большой роман,
Свяжу узлами все разорванные нити.
Бумага вытерпит и правду и обман,
И скуку и стремительность событий.

Когда-нибудь я изменю свой внешний вид,
Куплю очки, парик, немыслимое платье
И убегу от суеты, долгов, обид,
Не объяснив, куда, и без рукопожатий.

И я искать пойду потерянный покой,
Мечту и сон, который снился мне ночами.
Моя сума казалась мне совсем пустой
А оказалось, все что было - за плечами...

Когда-нибудь я попаду туда, где ждут
Прихода нашего к назначенному сроку.
Исчезнет страх и прекратится бег минут,
И добродетель утвердится над пороком.

И захочу я с высоты обратно вниз,
Где рай и ад, где все в одно смешалось.
- Ну, это - скажет ангел,- ваш каприз.
А у меня - вся жизнь внизу осталась.

* * *

Когда выливают на голову
Ушаты словесных помоев
И смотрят глаза из олова
На что-то, что было тобою,
Когда от стыда и бессилия
Кожа взрывается потом,
Становятся тряпками крылья,
Расправленные для полета.
И в горле, забитом наглухо,
Беспомощно тонут звуки.
Я падаю сбитым яблоком
В чьи-то чужие руки.

АВГУСТ

Какое небо вдруг
над августом взметнулось!
Исчезла, как недуг
дождливая сутулость.
Смеющиеся дни -
последние ответы

Остывшего в тени
измученного лета.
И вытеснил покой
природы обреченность,
И просто к нам с тобой
вернулась увлеченность.
Качнулся лунный круг,
полночный спутник улиц...
Какие крылья вдруг
над августом взметнулись!

* * *

Август по небу плывет
Тенью радужных стрекоз,
Янтарем пчелиных сот,
Ароматом щедрых роз.
И созревший, словно плод,
Лунной ночью молодой
С неба август упадет
Догорающей звездой.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Без имени еще. Без видимых примет.
Движенье, звук, предчувствие, догадка.
На миг зашевелилась платья складка
и ожил вдруг проснувшийся портрет.

Трава приподнялась, пришла в себя сосна
и потянулась, дрогнула всем телом.
И ей навстречу силуэтом белым
рванулась занавеска из окна.

Набросок, полутон, оттенков переплет,
где глаз еще не различает краски.
И бабочки причудливый полет,
как ощущенье незнакомой ласки.

Изира Рабинович

ЧТОБ ВЫ МНЕ БЫЛИ ТАК ЗДОРОВЫ ИЛИ ВОССОЕДИНЕНИЕ СЕМЕЙ

Сарра хотела от жизни только одного - она хотела спать спокойно. Но ей никак это не удавалось. Ее муж был ответственный работник и, естественно, член партии, а такие люди всегда жили, как на вулкане: то они сажали, то их сажали, и никто никогда не знал, чья очередь следующая. Сын вырос, получил высшее образование, женился на хорошей еврейской девочке, в партию, слава Богу не вступил, но специальность себе выбрал тоже «азохен вей» - дантист. При каждом стуке в дверь Сарра вздрагивала и бежала в туалет выбрасывать золотые коронки. Чтоб Вы мне были так здоровы!

Поэтому, когда дети решили ехать, она очень обрадовалась. Хотя она понимала, что муж никогда не поедет, и они с детьми, может быть, никогда больше не увидятся, она все равно хотела, чтоб хотя бы детям или внукам, наконец, было хорошо. И вот дети сходили в голландское посольство, где им нашли дядю в Израиле, и они подали документы на воссоединение с дядей. Советская власть не имела права отказать им, но палки в колеса она вставляла. Одной из таких палок было письмо от родителей о том, что они не имеют к детям материальных претензий и не возражают против их выезда из страны.

Материальных претензий они, упаси Бог не имели, хотя купили им кооперативную квартиру, машину, да и кормили, одевали всю жизнь на свои. Но разве можно за это предъявлять детям претензии? Конечно, нет, не имели. Но вот не возражать против их выезда муж не мог, потому что иначе его тут же уволили бы с его любимой ответственной работы и выгнали бы из его любимой партии, которой он так гордился.

И муж написал:

- Материальных претензий не имею, но против выезда возражаю.

И детей, конечно, не выпустили. Чтоб они мне были так здоровы.

Прошел год. Дети опять подали документы на выезд. И опять муж написал, что он возражает против выезда. Но Сарра уже знала, чем это кончится, и решила вмешаться в судьбу. Не совсем, конечно, она и не пы-

талась уговорить своего мужа, но чуть-чуть. Она как бы нечаянно вставила две буквы в письмо мужа и получилось:

- ... против выезда не возражаю.

И дети уехали в Израиль. Навсегда. Потому что в гости тогда не пускали, ни туда ни обратно, не было дипломатических отношений.

Сарра опять не могла спать спокойно. Мужа, естественно, с работы уволили, из партии выгнали, и теперь им тоже ничего другого не оставалось, как уехать, тем более, что уже не надо было искать дядю в Израиле.

Но была одна причина, почему они не могли ехать в Израиль. У них был неудачный возраст: до пенсии еще не доросли, а на работу их уже никто не возьмет по старости. Да и кем? Ответственным работником? Другой специальности муж не имел. А ехать, чтобы сесть на шею своим детям, они не хотели. И тут Сарра узнала, что евреев берет Германия.

После того, как капиталистическая Германия воссоединилась с социалистической, она решила, что единственная нация, которой не хватает в Германии, это евреи, и она решила восполнить этот недостаток. И хотя работы там и своим не хватает, но безработным платят пособие больше, чем в России ответственным работникам зарплату, так что можно еще помочь своим детям, навещая их раз в году.

И вот Сарра с мужем живут в Берлине. Ее муж посещает синагогу, хотя он атеист, а также клуб ветеранов, и имеет персональную «иномарку», почти как ответственный работник. А Сарра дружит с евангелистами. Ей очень нравится, когда они говорят, что все евреи в конце концов воссоединятся в Израиле. Так написано в Библии, значит так и будет.

Еще Сарра очень любит лечить зубы, благо, за это дорогое удовольствие не надо платить. После каждого посещения зубного врача она попрекает мужа:

- Вот если бы ты в свое время не возражал против выезда сына, он сейчас уже имел бы свой «праксис».

Муж страшно возмущается ее словами и ругает советскую власть за то, что она не посчиталась с его мнением, как он до сих пор думал.

Теперь у многих дети живут в Израиле. А родители живут в других странах, помогают им и ждут, когда наступит удачный возраст, чтобы сделать воссоединение семей, и надеются, что их дети тоже этого ждут.

Чтоб вы мне были так здоровы!

Генриетта Ляховицкая

ГОРОД И ВРЕМЯ

Эссе о культурном слое

Время овеществляется. Время трагически овеществляется в городском культурном слое. Этот слой состоит из останков былого. В нем вещи, навсегда использованные, изношенные до ветхости, до ненужности, покрываются бытовой, промышленной и даже космической пылью. Неотвратимо спрессовывает время эту смесь. Ее заливают асфальтом, укатывают тяжелыми машинами, но она дышит, вспучивая псевдопрочную кору, разламывая ее щербатыми разрывами.

Культурный слой хранит в себе не культуру, а ее разрушение. Он нахраписто поднимается все выше, заполняя горловины подъездов и глазные впадины подвальных окон. Дома захлебываются в нем, становясь похожими на тонущих. Тщетно пытаются они вытянуть свои подбородки из трясины былого. Она засасывает их все глубже. Гордые здания теряют величавую свою стать. Выверенные гением архитектуры пропорции искажаются все более.

Вода в припадках своих подъемов уже не достигает отдаленных от нее домов, зато город утопает в распухающем слое и начинает подспудную жизнь в его утробе. Нечеловечески заселяются мокнущие подвалы. Странно соседствуют в них крысы, кошки, мокрицы, комары. Они донимают жителей отвратительными запахами, волдырями ночных укусов, болезненной заразой. Старый надежный кирпич толстых стен пропитывается сырой гнилью, крошится под тяжестью этажей. Скрытые изъяны выходят наружу глубокими трещинами - этими морщинами строений. Осыпается виртуозная лепка. Покосившиеся окна придают фасадам вид гнусновато ухмыляющихся лиц, знающих свою безнадежную судьбу. Ржавые внутренности высовываются из когда-то изящных балконов. Разломанные водостоки и облупившаяся краска довершают уродство.

Лишь иногда, при каком-то неверном, особенном свете сумерек или белой ночи, кажутся выпрямленными продуманные в прошлом линии. Обезрученные кариатиды молодцевато вздымают декоративные выступы. Легкое небо всматривается в лики дворцов, отраженные в тягучих водах рек и каналов. Но даже в эти редкие возвраты призрака изначальной красоты слышны будто какие-то подпольные потрескивания и вздохи разбухающего смертного слоя, непрерывно питаемого отбросами и слизью равнодушного города.

Ленинград - Петербург

ОБНОВЛЕНИЕ

Начиная от центра,
где пустоты зияли как раны,
молодеет Берлин -
этот город трагичной судьбы,
и на Потсдамер Плац
плавно движутся стрелы у кранов,
словно руки вздымают они для мольбы,
для мольбы.

Не узнать, не услышать
то, о чем они просят утрами,
обратясь к небесам
и упав на колени колес.
Там, на Потсдамер Плац,
плавно движутся стрелы у кранов,
и мерцают там капли дождя вместо слез,
вместо слез.

А в блестящих витринах
все реклама и блики экранов,
и на месте Стены
лишь кровавый алеет рубец...
И на Потсдамер Плац
плавно движутся стрелы у кранов,
стены юных домов подводя под венец,
под венец.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

ЛЮБОВЬ

Непредсказуема, загадочна, туманна,
безумна, пагубна, спасительна,
обманна,
капризна, чувственна, пленительна,
желанна,
смиренна, жертвенна, кокетлива,
жеманна
случайна, мимолетна, постоянна,
нездешним чистым светом осиянна -
любовь. Извечно ей звучит осанна!

ОТГОРЕЛО

Что обретаем мы, любя?
Душа внутри клыкастой пасти,
и этот ад внутри себя,
и пепел отгоревшей страсти -
все впереди. Но в дни любви,
когда в неведеньи счастливом
не прозреваем мы, не ви...
не видим, как не справедлива,
возможно, будет к нам судьба,
тогда с дыханием дыханье
сливаем мы, тогда борьба
за запрещенное свиданье
лишь умножает силы в нас,
и в мыслях лишь одно стремленье -
приблизить тот заветный час,
и в теле — только обновленье,
во взглядах только любованье,
и в сердце - только ликованье
и победительный огонь...
Не тронь меня, любовь, не тронь!

ВИДЕНИЕ

Временами она,
оставаясь одна,
облачалась в одежды
из прохладного льна,
и мечтой потаенной
упоенно полна,
неизбывным волнением
утомлена,
наливала в бокал
молодого вина
и пила, не пьянея,
до хрустального дна,
и тяжелых волос
золотая волна
черепаховым гребнем
не была стеснена.
А в полночном проеме,
в полукруге окна,
проплывала влюбленно
налитая луна,
но ревниво туманом
седым создана,
наползала, дымясь
и клубясь, пелена,
и от взгляда луны
закрывала она,
как спадали одежды
из прохладного льна.

* * *

Несбыточное тайное желанье,
не завлекай напрасно, не зови...
Я душу отдавала на закланье
танцующему призраку любви.
Был танец и мучителен, и сладок,

и память я храню о каждом дне -
на вечности настоянный осадок
в сосуде выпитом, на потаенном дне.

ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕН

Стремнины времени,
времевороты, времепады,
потоки времени,
и времени каскады -
вершит свой бег безбрежная река -
река времен, текущая извечно,
сама в себя впадая бесконечно,
не делится на дни или века -
все слитно в ней, что минуло,
что ныне,
что в будущем нам предстоит
свершить,
нет времени пределов и заминок,
но бурным? Бурным может
время быть!
Мы в нем плывем... Куда ж нам плыть?

ВЕЩИ БЛОШИНЫХ РЫНКОВ

Чьи-то жизни, прошедшие мимо...
Время в этих вещах не идет -
то, что двигалось неутомимо,
притаилось и с жадностью ждет,
чтобы новый хозяин нашелся
и времен обновился отсчет...
грустно выцвели птицы на шелке,
и шкатулка уже не поет -
эти вещи пылились на полке
не один утомительный год...
Незаметно, но неотвратимо
наплывает забвения лед -
чьи-то жизни, прошедшие мимо,
и желаний последний излет.

ПОЭЗИИ ВЕКА

Век Золотой в поэзии ушел.
Серебряно затем звучала лира.
На грубый холст сменился неба шелк,
и смяты войнами основы мира -
век Бронзовый в поэзии настал,
все меньше в нем гармонии высокой,
вопящим ртом заменены уста,
и вместо роз - чертополох с осотом...
Что далее? Ужель замкнется круг,
и Каменный возникнет на пороге -
оскал звериный, хватка цепких рук,
нет колеса, и даже нет дороги?
Но в первый раз когда-нибудь тогда
дикарь косматый вздрогнет и проснется,
увидит он, как падает звезда,
и не оскалится, а улыбнется.

ДЕТЯМ О ВРЕМЕНИ

ЗАГАДКА

Прыгает скачет
по круглой дорожке
быстрое время
на тоненькой ножке

(секунды и секундная стрелка)

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Сыпучее время -
из древности гость -
песчинки ссыпает
из горсти да в горсть,
мечтает о давних
исчезнувших странах
и веет преданьем,
забытым и странным.

СТАРЫЙ БУДИЛЬНИК

Время,
старое, как добрая старушка
с узелком звоночка на макушке
и лицом задумчивым, как дым,
ты когда-то было молодым?
Молча время
поправляет пряжу
и на спицах-стрелках
сказки вяжет.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЧАСЫ

Время, как ребенок -
шустрое такое,
ни одной секунды
не стоит в покое,
цифрами мигает
электронными,
как глазами майскими
зе-ле-ны-ми.

КАЛЕНДАРИК

Величав январь -
всем морозам царь.

Ветродуй - февраль -
баламут и враль.

На весенний старт
выбегает март.

Дарит птичью трель
озорник апрель.

Веселится, знай,
раскудрявый май.

Светел день и юн -
молодец, июнь!

Повернул год руль -
засиял июль.

Ночь темна-густа
в конце августа.
В холе и добре
поле в сентябре.

Осень во дворе -
скучно в октябре.

Не видна заря
в тучах ноября.

А декабрь-дедок
подрастил денек
на болыпо-о-й кусок -
с воробьиный скок.

Анжелла Подольская

СТАРОСТЬ-НЕ ЛУЧШИЙ СЕЗОН.

Она. Телефон - это детище прогресса, звонил не умолкая, глухими ударами отдаваясь в затылке.

«Он, мой ненормальный,- с нежностью подумала она,- когда же мы встретимся, наконец?»

Она сняла трубку, «увы...», звонили с кафедры, напоминая о завтрашнем заседании.

«Почему же он не звонит?» - заволновалась она.

Телефонные звонки, вот уже полгода раздающиеся в ее квартире и, поначалу раздражавшие, стали частью ее жизни и, «о, ужас», она боялась признаться себе - главной ее частью. Она снова легла, положив на затылок смоченное полотенце.

У кого-то она прочитала о том, что мужчина и женщина рождаются затем, чтобы держать друг друга в объятиях. И, что человека составляют отцовство, любовь, работа, а остальное не так уж и важно. С каким ироничным презрением отнеслась она тогда к этому высказыванию. У нее только работа, любимая. И более четверти века не задумываясь ни о чем другом, она сейчас мучительно переживала свою жизнь, переоценивая ее, и желала этой, такой необходимой человеку составляющей - любви. "В ее-то годы?... Ведь шестьдесят с хвостиком. Ну, отбросим этот хвостик. Просто, шестьдесят. Да ведь и он не молод - семьдесят. К тому же еврей. Впрочем, сейчас это уже не важно. Что принес ее рафинированный аристократизм? А какие удивительные стихи посвящает он ей? Да он поэт! Старик, а сколько культуры чувствуется в нем. Ну какой же он старик? У него прекрасная молодая душа. И голос,., голос, совсем молодой. Когда же он решится на встречу? Неужто она влюблена? Телефонный роман? Возможно ли это?»

Будучи доцентом университета, она вот уже почти тридцать лет преподавала скандинавскую филологию. Вообще она, как-бы запоздала родиться. Было в ней многое от прошлого века. И одевалась несовре-

менно, и прическу носила, какую давно уже никто не носил. «Не от мира сего» - часто говорили о ней. Студенты уважали, но не любили ее. Впрочем, как и коллеги. Друзей у нее не было. Только лишь книги, книги... Волшебный, дурманящий мир, из которого она никогда не выходила. Жила замкнуто. Но не считала себя одинокой. Так много любимых героев и авторов окружали ее, заполняли ее стеллажи и досуг.

«Сухарик» - прозвали ее в университете. И этот шлейф тянулся за ней десятилетиями. Да, она действительно была суха в общении, всегда соблюдала дистанцию, которую и рада была бы иногда нарушить, но какое-то внутреннее чувство, то ли самосохранения, то ли гордости, удерживало ее. Она была эрудитом в высоком понимании этого слова. А поэзию знала и любила так, как никто теперь ее не знает. Все в ней напоминало вкус, цвет и запах отшумевшего времени. Снова прислушалась: «Нет, телефон молчит... Как он странен? Какая ей разница, стар он или уродлив. Чушь. Во время последнего разговора, она сказала ему, что уровень интеллектуальных отношений, возникший между ними, сводит на нет все условности и предрассудки. И его опасения, что личная встреча сможет разрушить их, и очарование исчезнет, беспочвенны. Как хочется отдать тепло, столь долго копившееся в ней. Бедняга. Столько лет влюблен и не решался заявить о себе... Да он просто обокрал их. И ее, и себя...» Ожидая звонка, вспоминала свою жизнь. «Лет в пятьдесят, когда позволила себе чуть-чуть остановиться и перевести дыхание в науке, поняла, что замуж нужно выходить в студенчестве. Потом, настоящие мужчины уже разобраны и замужество становится делом случая. Она, правда, никогда не страдала комплексом замужества и материнства. И вот, только теперь,., эти последние полгода... Что привнесли они в ее жизнь? Звонок? Нет,., опять почудилось».

Он. Известный режиссер, без преувеличения, с мировым именем, человек ошеломляющего очарования, на которого трудно походить, задумавшись сидел у стола.

«Грешен, грешен», - корил он себя. - Придумал историю. Смутил покой пожилой, благородной дамы. Что за шалости, право. Это тебе, голубчик, не театр», куда однажды, придя на репетицию, он повесил пиджак на спинку стула, поставил портфель, полчаса прорежессировал и отлучился на минуту. Актеры продолжали репетировать, думая, что «главный» где-то здесь, в театре, недалеко, в то время, когда самолет нес его в другой город, репетировать другой спектакль. Это был его прием, его стиль.

Он утверждал, что висящий пиджак стимулирует их к лучшей игре. Или, например, его книги. Его бесценные книги, многие из которых, он попросту бесцеремонно уносил из библиотек. Он их «спасал». Условия, в которых они там находились, просто обязывали его их реквизировать. Он делал это открыто, ничуть не скрываясь. Никому и в голову не приходило, что он крал.

«Но эта, последняя шалость перешла всякие границы дозволенного. Это - жизнь. Не театр. В нее нельзя так грубо и цинично вторгаться». Но потом, он говорил себе, что великий Шекспир считал саму жизнь театром, и продолжал. Он не мог остановиться. Придумал розыгрыш доцентши, о которой рассказал кто-то в кругу друзей. «Сволочь я. Какая же я сволочь,- твердил он - Ну, что? Ну, что теперь делать? Открыться ей? Нет. Ни в коем случае. Будет еще хуже. Надо что-то придумать. Обязательно, что-то придумать, прекратить эти звонки, не обнадеживать пожилую даму. Сочиненная история о старом уродливом еврее, без памяти влюбленном в нее уже тридцать лет, изжила себя, дала обратный результат. Он и подумать не мог, что дама влюбится. На прошлой неделе она умоляла о встрече. Прикрываясь «собственным» уродством, он предложил, что проедет мимо ее дома в машине с зашторенными окнами и помашет ей книгой. В условленное время так и сделал. Но, когда увидел ее из окна, провожающую тревожным взглядом каждую проезжавшую машину, сердце его сжалось. И он сказал себе: «Все. Нужно заканчивать этот кошмар», который и для него стал необходим. Вечерние и ночные телефонные разговоры, происходившие на высочайшем интеллектуальном пике, бодрили его, питали и без того изощренную фантазию. В эти разговоры он вкладывал весь свой талант. Отыскивал стихи мало известных поэтов, писавших о любви, выдавал их за свои и ими объяснялся ей в столь долголетней любви. Он не мог, да и не хотел оставаться на уровне придуманного им образа, и поднимался до своего собственного.

Позвонив вечером того дня, когда проехал мимо ее дома и услышав, что его рука, приветствовавшая ее из машины, столь же тонка и интеллигентна, как его ум и душа, понял, что история достигла своего апогея. В то же время, в голове его назревала новая пьеса, одним из героев которой был он сам, которая была им поставлена, сыграна и в которой нужно было придумать достойный финал...

«Какой? Да вот он... есть... найден! Да, так! Именно так! Как удачно, что его герой - старый еврей. Ну, конечно! Спасительный Израиль. Он туда непременно отправится с семьей единственной дочери. Иначе нельзя. Теперь можно звонить, проститься. Нет, нет, не сегодня.

Завтра... Но, главное - кто же сыграет нас в будущем спектакле «Старость - не лучший сезон».

«И НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...»

Как раскаленная лава непредсказанного сейсмологами извержения, ворвалось это в ее жизнь.

«Где ты, Бог, где?» - кричала она, кружа по комнате. Ярость и боль душили. Как раненый зверь металась она из угла в угол. «Как все это могло произойти? Что за слепота, ведь и не догадывалась о происходящем. Как давно это длится? Когда началось?» Вопросы, роящиеся в воспаленном мозгу обгоняли друг друга. Ответов не было. Знала лишь одно: «два человека, два самых дорогих ей существа, предали, уничтожили ее».

Бросилась к аптечке. Вывалила содержимое на пол. «Что выпить, чтоб отключить мозги, забыться? Она не в состоянии была думать об этом. Как жить теперь? Жить дальше с этой мыслью?» Вернулась в комнату. «Кому позвонить, спросить совета?» Стала хохотать. Бессмысленно. Дико. Рухнула на пол. Смех перемежался с конвульсивными рыданиями. Наконец, затихла, поплелась в ванную. Под ледяным душем зашлось сердце. Постепенно отпустило. С закрытыми глазами стояла под ниспадающими струями желая одного - «замерзнуть навсегда». Заставила себя докрасна растереться. Прошла на кухню. Достала из буфета бутылку с недопитым спиртным. «Недавно отмечали день его рождения, тридцать семь. Какой безоблачной представлялась ей тогда их жизнь». Вылив все в стакан, залпом опрокинула его.

- О-о-ох,- выдохнула она, ловя воздух.

В спальне настежь распахнула балкон. Вместе с легким морозцем в комнату ворвался тепловозный гудок. Они жили неподалеку от вокзала. Легла, вглядываясь в темноту. По телу разлилось тепло, но голова осталась ясной. Водка не взяла ее, только согрела. Глядя в ночь, незаметно забылась в тяжелом сне.

Проснулась поздно. Вдруг тяжесть камнем навалилась на сердце, вспомнилось вчерашнее. У зеркала застыла, на нее глядело измученное, за ночь постаревшее лицо. Глаза запали, темные тени пролегли под ними. «Да, в таком виде, на работу не пойдешь». Впрочем, и не могла она сейчас никого видеть. Позвонив на работу, оформила отгулы. «Ну,

вот, до конца недели свободна. Только зачем ей теперь свобода?». На кухне сварила немного кофе. Обжигая язык, пила маленькими глотками. Пила и усмешка кривила ее все еще красивое лицо.

Они сошлись десять лет назад. Когда он, молодой инженер, появился в их институте, все женское племя всколыхнулось, заволновалось. Точно с ума все посходили. Только она, одна из немногих, осталась равнодушной. «Она его и за мужика-то не принимала - пацан какой-то, двадцати семи лет». Ей тогда тридцать пять было. С мужем давно разошлась, жила с дочерью, Леной, Елочкой, Елкой, как ласково ее называла. Даже и не заметила, как влюбилась. Он был умен. А она всегда считала, что мужчина может быть чуть красивее обезьяны, но обязательно должен быть умным. Первое время думала - совпадения... Куда бы не шла - везде он. Сотрудники подшучивали: «словно тень». Да, он и был ее тенью. Вскоре стал любимым. И, постепенно, заполнил всю ее жизнь. С Елкой подружился. А через полгода переехал к ним. На его предложения о женитьбе, о рождении ими ребенка, возражала: «Вдруг влюбишься в другую, меня разлюбишь... Нет, нет, что ты? Да и Елке четырнадцать, почти барышня. Еще лет пять, и замуж выскочит, родит. Представляешь, она с ребеночком и я? Засмеют люди. И родители твои меня ни разу не видели. И не желают... Хищница я для них. Или еще кто... Нет, нет, и не начинай больше об этом...» Он был упрям, не отступал. И она устав сопротивляться, в глубине души желавшая этого больше всего на свете, через год вышла за него замуж, «назло всем». Десять лет пролетели, как один безумный и счастливый день. «Неужели никогда больше она не ощутит его рук, теплоты его тела? Что же, все это она передала в наследство своей дочери, Еле?» Она бессильно заплакала, слезы катились, катились... «Родные мои, что вы со мной сделали? Почему? За что?» Вспомнила вчерашнее лицо дочери, ее глаза... Это было чужое лицо, лицо чужой женщины. А он, стоя позади, с каким-то опрокинутым лицом, все твердил: «Прости нас, прости». Потом они ушли. Стало понятно почему несколько месяцев назад, он перешел в другой институт. «Когда же это началось, когда? Да и не все ли теперь равно».

Несколько дней спустя, осунувшаяся, но внешне спокойная, она появилась на работе. «Никто не должен догадываться о буре в ее душе». С головой ушла в работу. Никто ни о чем ее не спрашивал, то ли щадили, то ли не знали. Хотя второе маловероятно. Такие слухи быстро распространяются. На работе задерживалась допоздна. Приходя домой, погружалась в пугающую тишину. Впрочем, постепенно привыкла к

ней. Так и жила, в состоянии невесомости какой-то. Однажды позвонил он, прося оформить формальности, связанные с разводом,- они с Леной ждали ребенка. Она долго молчала, словно онемев.

- Так ты согласна?
- Я вам не враг,- еле выдохнула она.
- Ну, как ты? - спросил еще.
- Твоими молитвами. И не звони больше.

Лена не звонила ей ни разу.

Прошел почти год, прожитый ею, как бы в забытьи. Стала бояться людей, толпы. Сторонилась и избегала, даже бывших друзей. И вдруг, страшное, по сути своей, дикое известие, вырвало ее из оцепенения. Умерла Лена. Во время родов. Ребенка тоже не спасли. Сейчас она забыла все. В памяти остался только крик над распахнутой могилой дочери...

Теперь каждый выходной проводила на кладбище. Убирала могилу, плакала и все говорила, говорила: «Елочка, ты не волнуйся. Скоро к тебе приду. А меня прости за то, что в дом его ввела. И на тебя я вовсе не сержусь, ты не думай. Что уж теперь...»

Центр притяжения ее жизни переместился к этому клочку земли. Поставила памятник, посадила цветы и все скребла, скребла могильный камень, до блеска начищая его. В один из дней, услышала позади себя: «Ну, что ты, право. Не надо. Все чистишь, чистишь... Успокойся, родная... Как-то будет... Надо жить». Беспомощно оглянувшись, никого не увидела. Только тень какая-то да опавший лист. Растерянная, присела на землю. «Да что это со мной, Господи? Мистика какая-то. Голос... его голос. Она отчетливо слышала его. А где же он сам? Он в ней? Он не отпускает сердца? Она все еще любит его? Где ты, Бог, где?..», шептала она. И только пар, поднимаясь от земли, превращаясь в серую дымку, тянулся над деревьями.

ЭТЮД.

Звонок в дверь...

«Я замираю, вжав голову в плечи. Если отзовусь - он войдет в квартиру. И разговор, так долго витавший в воздухе, состоится. И тогда,., тогда...

Я тихонько подхожу к двери. Притаившись, молчу. Ненавижу его. Но, я люблю его... Неужели, никогда больше не увижу любимое лицо?..»

Звонок еще долго живет, кричит, молит. Наконец, тот, другой, устав, обозлившись, что ему не дали сказать последнее слово, отступает.

«Слышу шаги, скрипящие ступени. Внизу хлопает дверь. Подбежав к окну, стою за занавеской. Его машина не видна - он всегда паркуется на моей стороне. Но, при повороте на перекрестке, я увижу ее. И, действительно, через несколько минут вижу мелькнувший ее хвост. Ну, вот и все... Я этого хотела? Нет, не знаю... До последней минуты надеялась на чудо. Чудо не произошло. Мы расстаемся. За кем последнее слово? За временем? Я ничего не скажу. Я никогда не захочу тебя увидеть. Нет, может быть, когда-нибудь... Когда ты будешь стар, а я, по-прежнему молода и красива... Чушь,., чушь... Как это возможно? Одному Богу ведомо, почему двое, которые любят, расстаются. Устои бытия? Они сильнее нас... Они ломают нас... И их не превозмочь...

Ну что ж? Я готова, вещи собраны. Последний штрих - перед зеркалом надеваю любимую шляпку. Взгляните, как красива эта дама. Я улыбаюсь себе. Я прощаюсь с собой. Мой чемодан, пакет для него. В пакете - книга, фотографии, письмо - чистый лист. Может быть написать хоть несколько слов? Нет, не надо слов. Они сказаны. Спускаюсь. Отдаю пакет консьержу.»

- Для господина, который недавно ушел.

- Вы вернетесь?

-Да, конечно... Когда-нибудь...

Такси. «Я не оглядываюсь. Опускаю вуаль».

Марлей Глинкин

ТЕАТР АБСУРДА

Исчезла вера народа в правительство, в светлое будущее и сытое завтра, а ведь без веры - нет человека.

И потянулся народ в церковь, костелы и синагоги, поближе к Богу, пытаясь хотя бы как-то компенсировать дефицит веры.

Зашел и я в величественный и торжественный Софийский собор...

Множество людей поклоняются Отцу, Сыну и святому Духу: свечи ставят за упокой и за здравие...

Стал я в сторонке, в смиренном молчании, вдруг слышу трепетные слова молитвы. Прислушался...

Мужчина моложавый, на коленях у иконы стоит - молится:

- Отче наш, иже еси на небеси. Спаси и помилуй, вразуми, как пережить это смутное время в независимой стране моей, где все перемешалось, смешалось и перекрутилось, как в мясорубке благих намерений и черных деяний, и вышло боком так, что не поймешь уже, кто первый сказал: «Государство - это мы!» и что он имел в виду, где грандиозные планы созидания следует публиковать под рубрикой «Записки сумасшедшего», а песня «То ли еще будет! Ой-ей-ей!» обрела зловещий смысл и стала народной; где узнав, что искусство принадлежит народу, народ никак не возьмет в толк, что ему с таким искусством делать, кроме президента, раскатисто призывающего срочно собранную оставшуюся интеллигенцию соблюдать торжество формы над содержанием.

Господи милосердный, прости наших парламентариев:

"Отойдите от микрофона- он не резиновый!" или "Мы все всосали с молоком матери", а вокруг суета сует и всяческая ерунда...

Люди очертя голову бросаются от партии к партии в надежде обрести защитников попранных прав и свобод, когда любимая женщина после близости, не переводя дыхания, интересуется где достать фанеру в пять миллиметров, а ты при этом думаешь и смотришь на часы, как бы завтра проснуться так, чтобы успеть на первый и может быть последний автобус, получить деньги за перевод для иностранной фирмы, не опоздав при этом на работу, где уже полгода не платят зарплату; Еще раз попытаться помириться с дочкой, которая уже вторую неделю закатывает истерики, потому что не хочет ходить в музучилище "в этом тряпье"...

О Боже! Нет больше сил моих говорить, спорить, читать и смотреть по ящику бесконечную трескотню и говорильню, одновременно по всем программам на фоне постоянного убывания материи; и непонятно, как выжить

в этом обществе борьбы с законами природы, где профессия воспринимается, как национальность, а национальность - как достоинство или недостаток, а мерилом достоинства является телегеничность или сумма украденного у народа и государства; и ныне, Господи, стоя на коленях посреди разрухи и плюрализма, дороговизны и проституции, демократии и бандитизма, когда жрать уже почти нечего, но, по старой привычке, все же чего-то ждешь, молю Тебя не о кросовках «Адидас» и новом костюме для дочери , не о машине «Мерседес», молю о том, чего не заслужил, ибо грешен, но все-таки, если можно, сделай так, чтобы она любила меня (даже без фанеры в пять миллиметров), иначе мне в этом театре абсурда не выжить. Аминь.

Встал мужчина с колен, перекрестился, поклонился алтарю и молча покинул храм...

А я стоял в оцепенении, и в ушах моих горестным эхом, звучали слова: « ...иначе мне в этом театре абсурда не выжить... не выжить...».

МОЙ КИЕВ

(Из цикла «города моей жизни»)

За что парижане любят Париж, римляне - Рим, одесситы - Одессу, евреи - Тель-Авив, а цыгане вокзалы и метрополитен?

За то, что там все родное и близкое. И еще - каждый за свое. Например, мы, киевляне, любим свой город еще и за то, что очень многое начиналось именно в Киеве.

Именно в Киеве, князь Ярослав Мудрый основал первую на Руси библиотеку, и на «толкучке» до сих пор можно приобрести книгу с экслибрисом «Из библиотеки Я. Мудрого».

Ярослав умер в возрасте 76 лет, но успел построить Софийский собор, названный в честь младшей дочери, которая умерла так рано, что ее даже не успели записать в летопись.

Много веков прошло с тех пор, и фрески храма залепили штукатуркой. Но как-то раз штукатурка вспучилась, и посетители увидели ласковый, но хитрый глаз Ярослава. Пришлось снять восемь - десять наслоений, так что фреска не виновата, что она пострадала.

Стены храма украшены портретами членов семьи Ярослава Мудрого. Самого Ярослава вместе с женой Ириной и стеной снесли в начале 18 века. Но зато сегодня в храме есть бюст Ярослава, выполненный скульптором Герасимовым с натуры. На нем можно видеть, что князь страдал кариесом зубов, потому что не употреблял зубную пасту «Бленд а-мед»!

Именно в Киеве, находится знаменитая Киево-Печерская лавра. Она, по преданию, приснилась когда-то двенадцати братьям- зодчим, которые

ее вслед за этим и построили. Нынешним архитекторам здания такого качества и долговечности даже не снятся.

Территория Лавры площадью 28 гектаров, на ней - более 100 зданий, из которых 42 - памятники архитектуры.

В Лавре постоянно происходят чудеса: то начинают слезоточить миротворные главы умерших монахов, то открываются сотни метров ранее неизвестных пещер с множеством захоронений, то падают участки крепостных стен, возрождая уничтоженные большевиками целебные источники.

В церкви Спаса на Берестове захоронен Юрий Долгорукий.

В Лавре - единственная в мире выставка микроминиатюр Николая Сядристого.

Только здесь можно увидеть золотой фрегат длиной 3,2 мм. В нем 348 деталей. Плетенные золотые «канаты» поддерживают 18 кованных парусов, каждый канат в 400 раз тоньше человеческого волоса. А рядом, на торце разрезанного поперек волоса лежит золотой замок, в нем 14 деталей. Из одного грамма золота можно сделать один миллион таких замков... А действующий электромоторчик, который в четыре раза меньше макового зерна!

Именно в Киеве, красивая, изящная, как девушка в свадебном наряде идущая к венцу - жемчужина украинского барокко - Андреевская церковь. По слухам, именно здесь неоднократно венчалась императрица Елизавета Петровна.

Вся церковь состоит из колонн, карнизов, скульптур и других совершенно порочных элементов.

А все, что блестит - это чистое сексуальное золото.

Архитектор был Растрелян за то, что был придворным и уж очень сильно изощрялся для царской знати.

Если в Софии вся живопись на яйце, то в Андреевской церкви - на чистом растительном масле. В церкви есть даже «Тайная вечеря» кисти самого Леонардо да Винчи. Есть «Проповедь апостола Андрея». Апостол Андрей похож на запорожского казака. Об этом говорит его прищуренный взгляд и антисемитская ухмылка.

Алтарь всегда закрыт. И это потому, что если не закрыть царские врата, подземный источник «шпрынцанет» и зальет весь Подол.

Именно в Киеве, произошел первый в мировой практике психотерапевтический телемост Киев - Тбилиси доктора Анатолия Кашпировского, сломавший стойкие стереотипы мышления он вывел психотерапию из кабинетов специалистов, доказав ее способность одновременно помогать миллионам людей.

Именно в Киев, Анатолию Кашпировскому приходило писем больше, чем любому самому знаменитому человеку. Их вполне можно было считать национальным достоянием, ибо материалов хватило бы на десятки романов. Перебирая сотни этих писем, именно в Киеве были сделаны выписки из них, как примеры народного юмора...

... "Долгих десять лет мы с женой не имели детей. Стошло ей только посмотреть ваш сеанс, как тут же забеременела. Не знаю даже кого благодарить — себя или Вас... "

(А.Р. из Донецка)

... "До сеансов у мужа сильно болела голова, причем свекровь считала, что это я причина его головной боли. У мужа теперь все хорошо, меня любит больше, чем в медовый месяц, а у свекрови ужасно болит голова... "

(МЛ. из Фрунзе)

... "На большом пальце правой руки у меня была бородавка. Как только начался ваш первый сеанс, я поднесла палец к телеэкрану. Эффект нулевой. То же проделала во время второго сеанса, и снова безрезультатно. А во время третьего сеанса разозлилась и скрутила вам дулю.

На следующее утро просыпаюсь, а бородавку как корова языком слизала... Зато выросла у мужа на носу.

Умоляю, снимите у него, чтоб его морда выглядела как раньше... "

(А.Х. из Запорожья)

... "Шоврассосался, помогите вернуть мужа... "

(З.Л. из Липецка)

..."Уменя до сеансов был очень красивый подбородок, плавно переходящий в грудь. Теперь подбородок нормален, а грудь плавно переходит в живот... "

(Б. О. Из Бреста)

Именно в Киеве, усилиями доктора Кашпировского и бывшего ЦККПУ был создан лучший в стране дурдом, с которым по количеству идиотов может сравниться только нынешний украинский парламент. Ведь не секрет, что задача и того, и другого - построение идиотизма с хохлацким лицом и девизом: сумасшедший сумасшедшему друг товарищ и врач.

Главный принцип парламента - Дурдома - демократия. Демократия - это когда пациентам предоставлена возможность выбирать Главного врача. Главный врач выбирается большинством голосов: громких, тихих и буйно помешанных. Главврачам закон не писан, ибо главная цель выборов - превращение любого человека в сумасшедшего без различия национальности, пола, истории болезни.

При этом сумасшедшие имеют права, а Главный врач имел их права в виду. Сумасшедшие имеют право объединятся по интеллекту: в палаты,

палатки и плащ-палатки - имея право на священный долг и интернациональный. Священный долг - это когда сумасшедшие с оружием в руках защищают свой сумасшедший дом. Интернациональный долг - это когда сумасшедшие с оружием в руках защищают не свой сумасшедший дом. Это подтверждают и многочисленные иностранные делегации, посещающие Киев. Члены делегаций дали высокую оценку всему увиденному в нем, а недавние гости из города Психбург штата Мишигас даже выразили желание именно в Киеве остаться навсегда.

Да, чуть не забыл сказать, что Киев - альма-матер городов русских, стоит на Днепре, до середины которого долетит редкая птица...колибри.

Город делится на две части - правую и левую. Правый берег убежден, что Днепр течет слева направо, а левый берег утверждает, что справа налево!

Как все уже знают, в Киеве была придумана Москва и изобретен бильярд, один из атрибутов которого назван в честь Кия, основателя города. Можно даже сказать, что град Киев основали три князя: Кий, Дуплет, Карамболь и их общая сестра Луза.

Конечно, неразумным хазарам сразу стало куда набегать. Они и набежали. Стало плохо с жильем. Плохо до сих пор. А тогда из-за этого пришлось город сжечь. Потом после крещения статуя Перуна поплыла по Днепру и заклинила турбину Каневской ГЭС.

Русь окутала мгла средневековья. Мракобесы вышли из лаврских пещер и бесились на открытом мраке.

А на востоке хан Батый поехал пасти орду и заблудился.

Стали ждать, пока язык до Киева доведет. Скоро взяли языка и он довел. Тем временем на княжьем столе звонил вечевой телефон.

Но князь как раз закладывал очередной храм. А когда он закладывал, то очень плохо слышал.

Шли годы. На ратуше зверски били куранты. Жалобно вскукивала кукушка, отстукивая новое время. Досрочно вступила в строй столыпинская реакция, причем с большими недоделками был сдан столыпинский реактор. Вскоре режим пал, и из обломков построили новый мир.

Опять плохо стало с жильем, но потом решили дождаться 37- года...

С жильем стало легче. С тех пор прошли годы и надежды на светлое завтра. То тут, то там возвели строения из стекла и бетона, то там, то тут торчат шедевры архитектуры из стали и жести.

Вот почему именно в Киеве, когда перестанет коптить столыпинский реактор, можно будет многое увидеть... если останутся зрячие. Нужно сказать, что желание «владеть миром» глубоко сидело в душах некоторых наших предков.

Видимо поэтому было так много Владимиров среди наших князей, вождей и первых секретарей.

Помнится Владимиру Щербицкому, слава старика Владимира покоя не давала. Отрезал он у великого князя половину Владимирской горки и взгромоздил стеклянное капище Владимиру - вождю мирового пролетариата

Захотелось ему веру православных на веру в идолов заменить. Но не вышло. Слава Владимира-краснотеррориста обратилась великим презрением и позором, а музей его из культового учреждения превратился в культурный центр.

Да и младшенький киевский Владимир, на волне перестройки канул в небытие, так и не добравшись до вершины горки.

Горку, конечно, не вернешь Но зато хозяин ее, Владимир-князь, с веками стал добрым и мудрым, ни на кого не сердится и все так же осеняет всех своим крестом. А еще он мечтает.

Мечтает о том времени, когда уйдет из наших душ желание владеть миром, а душами нашими овладеет мир.

Он мечтает и с презрением смотрит на чудо коммунистического зодчества, прозванное народом Уродина-мать, Железная леди, Пустая канистра, Лом-баба, клепанная мать...

Смотрит и, в ночной тишине, слушает ее голос-исповедь:

Бедная я, бедная,- сквозь слезы произносит она. - И поделом. Иной раз взгляну на себя в зеркало реки - лифт в груди замирает, так жутко. Редкая птица долетит до середины Днепра: меня увидит, рухнет в воду.

Завидую мраморным, гипсовым, деревянным фигурам - ими любуются, их изучают, Завидую статуе Свободы и Венере Милосской... Рук нет, а прекрасна. А мне от рук что толку?

В одной меч - Дарнице грозит, в другой щит - от Русановки обороняет.

А такая, кому я нужна? 62 метра, 12 тонн веса...

Не дождаться мне пары до скончания века. Да женщина ли я? Не любимая, не сестра , не мать... Какой же сын родной матери такой памятник поставит? За какие грехи?

Стою ни к селу, ни к городу. Вроде воздвигли меня не братья-славяне, а варяги по пути в греки или греки по дороге в варяги... Нет, свои. И не тайно.

Объявили самый большой конкурс, чтобы выбрать самый худший проект и удостоить самой высшей премии.

День и ночь ломоть на ломоть громоздили на срытый исторический бугор меня - лилипутку-исполина, женщину небоскреб.

Чтобы в дни праздников, объятая синим пламенем, смотрела с болью на седые головы воинов-ветеранов, приходящих к моему подножью. День Победы для них - радость со слезами на глазах, для меня - одни слезы.

Бессмертен ваш подвиг, герои! Простите, победители, недостойна я вас. Уж лучше бы народные рубли, что на меня брошены, пошли вам на жилье, лекарства, прибавку к пенсии. А редкий титановый сплав, из которого я выкована, переплавили на легкие протезы инвалидам вместо чугунных, что нынче грохочут по мраморным ступеням...

Моя воля - ушла бы со своего места, Киев чтоб не позорить, не стоять век - памятником застоя, изваянием безгласности, монументом творческой немочи и административного самодурства.

Но не все в Киеве так уж и плохо... По части памятников, конечно... На Андреевском спуске - дом-памятник, где жил Михаил Булгаков, зато никогда не жил Ленин, а этим не каждый город может похвастаться.

Именно в Киеве, каждую осень выпадает больше всего каштанов на душу и голову населения.

Именно в Киеве, когда зимой дома набрасывают белые пледы, молодые снежинки тихонько целуют юношей и тают от счастья...

Именно в Киеве, на застывшем Днепре у пробитых лунок памятниками долготерпению вмерзают в лед фанатики-рыбаки и добрые рыбы лишь из сострадания иногда дергают за крючки, чтобы они не заснули.

Именно в Киеве, весной по всему городу вспыхивают белые факелы цветущих каштанов и звучит салют из поцелуев, которым влюбленные приветствуют приход весны... и молодой гром басит свою выходную арию, перебирая звонкие теплые струны дождя, а соборы подкидывают к небу свои золотые шапки, приветствуя весеннее солнце...

И еще много-много прекрасного было и есть в Киеве.

Может быть, именно поэтому его называют матерью городов русских и до сих пор требуют алиментов на детей.

Вопрос об отце пока остается открытым.

Тяжело матери без отца детей воспитывать, из-за этого они и получились такие «кравчуково-кучмоватые»... Но уж какие получились, такие, извините, получились.

И им по-прежнему плохо с коммунистами и демократами, правоохранителями и рэкетирами, плохо с «факирами на час» и «всадниками без головы», зато с остальным - не легче.

Но несмотря ни на что, мы продолжаем любить наш Киев, как маму, которая всегда поймет и утешит; как любовницу, которая всегда волнует и влечет; как сына, о котором с гордостью говорят друзьям: «Смотри, какой он большой вырос!»

И реально или в снах, мы еще выйдем на его улицы и, несмотря на сложности «самостийно-чернобыльской жизни», улыбнемся друг-другу, потому что мы любим эти улицы и площади, эти парки и скверы, эти дома и памятники, и даже их новый «Верховный совет», который они выбрали на свою голову и который их не защищает, а облагает налогами, а они его - матом!

Я благодарю судьбу за то, что жил в самом прекрасном городе мира... пока не увидел не менее прекрасные города: Париж и Прагу, Нью-Йорк и Лондон, Женеву и Тель-Авив...

И все же: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КИЕВ!

Я желаю тебе, щоб уси шоломаленьки булы!!

Ефим Фишман

* * *

Треугольник,
треугольник -
на бумаге ерунда:
три полоски,
три полоски,
три полоски,
три угла...
Треугольник,
треугольник -
в жизни сущая беда:
ухажеров сразу двое,
а она всего одна.

* * *

Лети метель, кружи метель,
и все кругом запутывай.
Стели пуховую постель
и все в нее закутывай!

ЧАСТУШКИ

* * *

мой миленок задурил -
анашу вдруг закурил.
Бедолага мается,
как свинья валяется.

* * *

Дед и баба рассуждали
относительно морали.
Мненья резко разошлись,-
Дед кричит: «Я за стриптиз!»

* * *

Мне не нужен муж - пьянчуга,
поступлю я, как подруга:
у подруги Ирочки
дочка из пробирочки.

* * *

Мама милая моя,
полюбила парня я.
Он любовь мою погубит,
он другого парня любит.

ЕВРЕЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

* * *

Возможно, кто-то скажет: «Вздор!»
Однако, хоть казнить вели:
«Когда кому-то нужен вор,
его достанут из петли».

* * *

Есть люди - слово, как гранит.
Таким я должное отдам.
О них пословица гласит:
«На этом слове ставьте храм!»

тогда лишь получится полный ажур.
Все надо запомнить, как заповедь веры:
«Все то, что сверх меры, уже чересчур».

* * *

Есть люди, достойные чести высокой,
способны они за себя постоять.
Пословица чтит их любовью глубокой:
«Они не дадут себе в кашу плевать».

* * *

Вся жизнь прошла среди нехваток,
а к старости пришел достаток.
«Теперь пожить бы можно вроде,
да только годы на исходе».

* * *

Не трудно, думаю, понять
основу истины живучей:
«Чтоб гром и молнии метать,
не обязательно быть тучей».

* * *

Здесь речь я поведу о том,
что как-то раз изрек еврей:
«Казаться трудно дураком,
но умным слыть, куда трудней».

Михаил Погребинский

ШАХМАТИСТ

Шахматная общественность города была напряжена и взволнована. Намечался приезд известного гроссмейстера для проведения сеанса одновременной игры на тридцати досках.

В предстоящей встрече против гроссмейстера будут играть тридцать, далеко не новичков в шахматной игре. Основной костяк команды составляла местная интеллигенция: школьные учителя, работники Горпищеторга и даже директор книжного магазина. И только один участник как-то с трудом вписывался в эту команду. Это был ученик шестого класса Эля. Низкорослый, тщедушный, с приподнятыми узкими плечами, оттопыренными ушами и острым подбородком, он выглядел еще моложе своих лет. И лишь взгляд смышленых карих глаз выдавал его непомерную серьезность и сосредоточенность. Шахматы были его единственным увлечением. Им он отдавал все свое время, ими он компенсировал отнятое войной детство, полуголодное существование и частые хвори. Деньги, отпущенные на школьные завтраки, он тратил на пособия по теории шахматной игры.

Лежа на полу и смешно оттопырив губы, он в полном забытьи окунался в их особый мир, завораживающий тонкими хитросплетениями ходов и комбинаций, мир удивительной фантазии и мечты. Здесь была иная жизнь, которая уводила его от действительности, реальной, скучной и нестерпимо надоевшей ему, в которой он был крошечным существом, незаметным и одиноким.

Гроссмейстера встречали торжественно. Председатель Горсовета произнес приветственное слово. Оркестр ремесленного училища сыграл военный марш. Шахматист, человек небольшого роста с приятным полноватым лицом, был одет в двубортный костюм, на нем был яркий заграничный галстук, через руку переброшен серый габардиновый макинтош. Он был достаточно знаменит и входил в сборную страны.

Сеанс должен был происходить в городском Доме культуры, построенном в тридцатые годы в духе соцренессанса.

В актовом зале были расставлены столы, укрытые красными плюшевыми скатертями. На них красовались шахматные доски с расставленными фигурами. Игроки с нетерпением дожидались начала баталии. Гроссмейстер, поздоровавшись со всеми за руку, произнес краткую речь о достиже-

ниях советской шахматной школы и вознес глаза наверх, где по периметру висел лозунг с обязывающей надписью: «Выше знамя советского спорта!»

Игра началась. Гроссмейстер торопливо переходил от доски к доске, и количество участников поединка неумолимо уменьшалось, вынужденное сдавать партии. У стола, за которым сидел Эля, гроссмейстер дольше задерживался, раздумывая над ходом. Через некоторое время они остались вдвоем. Гроссмейстер присел напротив дерзкого юнца и закурил. Он явно начал нервничать. Двадцать девять потерпевших поражение шахматистов, с напряжением наблюдали за поединком. Уже было сделано по сорок ходов.

— Шах,- прошептал испуганно Эля.

~ Случается,- ответил уклончиво гроссмейстер, перекрывая королевское поле слоном. Игра начала его тяготить, Эля раздражать и, даже, некоторым образом, возмущать. Но игра есть игра. Гроссмейстер переходил в атаку на ферзевом фланге, грозил проходной пешкой, но всюду натыкался на умело выстроенную защиту. Теперь уже на его фланге создалась угроза. Давно были разменяны тяжелые фигуры. Да, игра явно не вписывалась в банальные схемы.

- Партия сдана,- произнес гроссмейстер и поздравил юного победителя. Эля сразу не понял происходящее, и лицо его не выражало никакой радости, а лишь чувство вины за неприятность, причиненную им уважаемому человеку.

Дома Эля долго не мог прийти в себя. Было душно и непривычно на душе. Он задавал себе единственный вопрос: была ли его победа случайностью или он действительно ее заслужил? Он ощущал сладкую усталость победителя и радость за самый счастливый в его жизни день.

Он лег, пытался уснуть, но лавры великого Алехина терзали его душу, грезы о большом шахматном будущем, о городах и странах, возможном матче с самим Ботвинником убаюкивали его разыгравшееся тщеславие.

АТТРАКЦИОН

Валентность натрия соответствует валентности водорода, вывел Митю из задумчивости скрипучий голос учительницы. Она была худой и долговязой с бледносерым лицом, напоминающим вещество, тлеющее в пробирке над пламенем спиртовки.

Шестнадцатилетний подросток с нетерпением ждал окончания уроков, которые, как ему казалось, тянулись нестерпимо долго.

Вечером состоится первое представление «Мотогонки по вертикальной стене». Уже неделю висят в городе афиши, извещающие об этих гастролях.

- Чем выше скорость движения по кругу, тем сильнее действие центробежной силы,- вспоминал Митя,- она не дает мотоциклисту упасть.

Номер будет исполнять женщина! Интересно, какая она? Она не должна быть похожа ни на одну из женщин нашего города - решил Митя. Он просто не мог представить себе в этой роли кого-нибудь из знакомых ему девочек. Одноклассницы в одинаковых черных передничках поверх коричневых платьев напряженно нависли над партами, старательно записывая химические уравнения. Скучные и невзрачные, они как капли воды походили друг на друга. Не было в них ни девичьего кокетства, ни обаяния, одно безразличие ко всему читалось в глазах.

- Она должна быть совсем иной,- решил Митя и услышал долгожданный школьный звонок.

Жизнь в маленьком украинском городке текла медленно и лениво. Достопримечательностей в нем было всего три: старый вокзал, парк с разбитым фонтаном над рекой и базар - пожалуй, единственное оживленное место, куда стекались горожане обменяться новостями.

Сейчас в центре базарной площади красовался большой плакат: «Надежда Витязева. Впервые в мире! Смертельно опасный трюк!»

Недавно выстроенное большое цилиндрическое сооружение было украшено гирляндой ламп с бегущими огнями. Рядом со входом в вольере прохаживался на цепи огромный бурый медведь. Вокруг сновали любопытные горожане с корзинами, мальчишки же, обступив вольер, бросали медведю всякие лакомства. Возле кассы образовалась уже изрядная очередь. Не часто баловали провинцию подобными зрелищами. Из динамиков на площадь лилась мелодия аргентинского танго. Вокруг все было празднично, торжественно, все предвещало нечто необычное. Митя выстоял очередь, купил билет, вместе с остальными счастливчиками поднялся на смотровую площадку в ожидании представления.

Наконец дверь на цилиндрической поверхности стены приоткрылась, и перед публикой, раскланиваясь и рассыпая поцелуи, предстала гонщица в серебристой куртке и галифе. Надев шлем, она легким движением оседлала мотоцикл, завела двигатель и, оттолкнувшись ногой от пола, понеслась по арене, постепенно набирая скорость. Описав три круга, она плавно вышла на вертикальную плоскость. Мотоцикл проносился с нарастающим ревом, слегка раскачивая сооружение. Снижаясь почти до самого пола, она вдруг резко взмывала вверх до самой кромки, где находились зрители, и неслась, описывая восьмерки, убрав руки от руля. Феерия головокружительных каскадов длилась минут двадцать. Наконец мотоцикл, выплюнув последний клубок дыма, мягко опустился на арену и затих. Гонщица обвела взглядом публику, счастливо улыбаясь. Зал разразился шквалом аплодисментов.

- Какая она красивая! - прошептал Митя. Арена, зрители перестали для него существовать. Он видел ее одну. Она была для него каким-то полуреальным существом, пришедшим из сна, из сказки. Женщина во всем своем великолепии - красивая, грациозная, нежная, бесстрашная...

А из динамиков уже снова неслась мелодия аргентинского танго, приглашая зрителей на следующее представление. В надежде увидеть свою героиню вблизи Митя направился к служебному вагончику. Гонщица появилась в сопровождении администратора. Льняные волосы волнами спадали ей на плечи. Легким движением она отбросила со лба упрямую прядь, улыбнулась, обнажив ровные жемчужные зубы. Высокая, крепко сбитая, она напоминала героиню фантастического фильма, существо с другой планеты.

Идти домой Мите не хотелось. Погруженный в свои мысли, он брел по осеннему парку, не замечая окружающей красоты, находясь как бы в ином измерении - в мире волшебной гармонии рядом с женщиной, поразившей его воображение. Потом он вспомнил, как два года назад выступал в городе цирк «Шапито». Единственная гостиница не смогла вместить всех артистов, и жители охотно разместили их у себя. Так в митиной квартире поселилась дрессировщица. Благодаря ей у Мити появилась возможность бесплатно смотреть все представления. Полеты гимнастов под куполом цирка необыкновенно его захватывали. А еще нравились ему силовые акробаты с мускулистыми торсами. Они представлялись ему ожившими статуями героев древнегреческих мифов. Приезд цирка изменил весь ритм жизни: казалось, в город пришел праздник, который не кончится никогда. Даже когда цирк уехал, ритм праздника долго звучал в митиной душе. Сейчас же эти воспоминания как-то померкли, отступили: все прекрасное и совершенное Митя сейчас связывал только с одним существом - бесстрашной гонщицей.

- Я должен ее видеть, ежедневно, — это Митя решил для себя бесповоротно. После занятий он мчался на базарную площадь, чтобы оказаться рядом с ней, проводить взглядом ее летящий шлейф и снова и снова восхищаться ее гибким телом. После каждого представления он бежал к кассе, покупал новый билет, и чудо возвращалось. Деньги на билеты Митя раздобыл на той же базарной площади - продал свое единственное сокровище - фотоаппарат.

Последнее представление выпало на воскресенье. У Мити еще оставались деньги, он на все купил огромный букет хризантем, и когда смолк рев мотоцикла на арене, бросил цветы вниз. Они рассыпались белым фейерверком, окутав гонщицу. Подобрав несколько цветков, гонщица прижала их груди и подняла на Митю, как ему показалось, смущенный лучистый взгляд.

- Спасибо, спасибо за все, - произнесла она и послала Мите воздушный поцелуй. Ему показалось, что он ощутил на своей щеке прикосновение ее мягких губ, шелк ее волос и теплое дыхание.

- Это мой день, это мое представление, это мой праздник, - шептал Митя, мысленно ощущая себя рядом с ней на арене партнером по опасностям и триумфам.

На следующий день Митя стоял на том самом месте, где вчера еще шло представление. Деревянные помосты теперь выглядели грудой обструганных досок с облупившейся краской, безрадостных и безразличных.

Площадь приобрела будничный вид. Серые булыжники только что смочил мелкий дождь, бездомные собаки сновали в поисках съестного. Сказка кончилась, унеслась в неведомое. Вместо аргентинского танго с его томными переливами доносились монотонные удары молотков из мастерской жестянщиков, из ближайшего ларька доносился запах олифы и замазки, а далеко на насыпи уныло сопел паровоз.

Митя с тоской взглянул на свои нелепые туфли из парусины, короткие линялые брюки, и ему стало жаль себя, своего безрадостного существования в этом городке, среди узких и грязных улочек, в полной безысходности. Теперь-то он знал , что где-то там, в большом городе, существует другая жизнь - нарядная, радостная.

А городок, словно недовольный тем, что его оторвали от привычных дел, возвращался к своей неспешной жизни.

Леонид Бердичевский

* * *

Р. и Ю. Кузъменко

Чтобы как-то увековечить
тот, давно отлетевший сон,
запалю я тонкие свечи
под вечерний и чистый звон.

И мне будет горькой отрадой
наблюдать, как стекает воск
рыжей каплей горячего яда,
отравляя мечтой мой мозг.

Глянет робко и осторожно
месяц бледным пятном с небес.
Звуком тусклым над бездорожьем
ухнет филин - крылатый бес.

И еще, удивительно ясно,
острым камнем упрется в грудь
перебоем сердечным, частым
леденящим ознобом жуть.

Звон умолкнет. Погаснут свечи.
Воцарятся покой и тишь.
Станет слышно, как целый вечер
у порога скребется мышь.

А.П.

Деревьев тени на дома легли
покрыли двери, каменные стены,
они напоминают гобелены,
узоры их, как миражи вдали.

Не видно рядом ни клочка земли.
Как декорации огромной сцены
в своем величии ясны и совершенны,
прохожих взоры сразу привлекли.

Так на меня твоя ложится тень.
Я для нее удобная мишень.
Она меня собою украшает.

А сколько между нами суеты,
об этом знаем только я и ты, —
никто другой и не подозревает.

* * *

Клубится дым над пепелищем памяти,
без краю и конца он все клубится...
Он обучил меня волшебной грамоте
воспоминаний о знакомых лицах.

Он взор мой застилает тонкой пленкою
и возвращает мелкие подробности.
Те времена, когда я звался Ленькою,
и выходки мои считались доблестью.

Я всем был по душе из лихости, -
мой мат казался музыкой напевною.
Мне взрослые бросали: "Ах, Антихрист ты" -
с улыбкой ироничною и гневною.

Я вспоминаю все, как будто сызнова,
в послевоенном детстве бодро шастаю...
Дым расстилает радужными брызгами
всю жизнь мою, открытую и ясную.

Он все клубится бесконечной лентою
над головой моею поседевшею.
Одышку вызывает он моментами,
тоской своей, немного захмелевшею.

* * *

Ты прошептала мне: «Прости».
За что прощать, не знаю, право,
но, если можешь, угости
меня опять своей отравой,

своей затравленной тоской,
своей невысказанной болью
и выразительной такой
неразговорчивой любовью.

Ничто не надо объяснять
и ни о чем вздыхать не надо.
Достаточно лишь дрожь унять
полуопущенного взгляда.

Все станет на свои места,
все на круги своя вернется
и никакая клевета
уже нас больше не коснется.

* * *

Я понял, что такое старость.
Она - душевная усталость
от неудач и от потерь,
или того, что отмечталось,
что воплотить не задавалось,
а так хотелось бы, поверь.

Я с грустью признаю, что старость
я проморгал, возможно, малость...
Когда? Да что гадать теперь?
Лишь только что-то начиналось,
в одно мгновенье обрывалось, -
не в ту ломился, видно, дверь.

Я твердо убежден, что старость,
отнюдь, не радость и не жалость,
не просто возрастной барьер.
В чем согрешил, - теперь сказалось,
в конце концов напластовалось
и давит сотней атмосфер.

* * *

Для тебя я был символом той, неприкаянной, жизни.
Для меня ты единственной, неповторимой, из женщин.
Мы, как света лучи, собирались в хрустальную призму
и блуждали по миру, который был с нами повенчан.

Что-то тихо стряслось и включились не те механизмы.
Или может куда-то от нас унеслось вдохновенье?
Все закончилось сразу, остались одни укоризны.
Позабылись мгновенно прекрасные наши мгновенья.

Нет не старше мы стали, не стали на градус трезвее.
И не надо разборов, не надо ничьей экпертизы...
Разве только, наверное, ветер нахрапом развеял
нашу радость и боль, по упрямству или капризу.

* * *

Мне мысли часто не дают покоя,
тревожат беспардонно по ночам.
Порой, подобны тлеющим свечам,
они наполнены тревогой и тоскою.

И я волненья своего не скрою.
Готов ответить я за весь свой срам:
за шум и шутки, склонность к куражам,
что мне отпущены игривою судьбою,

которой так безжалостно гоним.
Забуду все, чем раньше был раним, -
я стану безразличным и терпимым.

Не буду замечать двуличие и ложь,
предательство меня не бросит в дрожь, -
спокойным стану и неуязвимым.

Но пусть опять ко мне придет покой,
меня обнимет дружеской рукой...

СТАНСЬL

М. Полянской

Невероятный день. Непостижимый год,
Необратимость окончанья века.
Невозвратимый миг. Невозмутимый ход.
Необходимость вечного ночлега...

Я осень пережду. Я не спешу на бал.
Меня всегда влечет сиюминута.
Я вам признаюсь в том, что несколько устал
и мною жизнь распорядилась круто...

Ничтожность суеты, неряшливой на вид.
Неуловимость редкого мгновенья.
Неколебимый взгляд неверностью сквозит,
нелепостью банального решенья..

Я сяду у окна. И в уходящем дне
замечу, что не все на свете плохо.
Что счастье и мечта не падают в цене
в глазах поэта или скомороха.

* * *

Куда спешат часы? Куда летят минуты?
Что замышляет вновь насмешник-циферблат?
И почему порой он поступает круто,
и скорости своей так бесконечно рад.

А может на него не обращать вниманья?
И, как бы невзначай, будильник с полки снять,
и времени назло, и жизни в назиданье,
все заново решив, пустить бы стрелки вспять.

Или забывшись вдруг, судьбы не замечая,
о чем-нибудь продлить неспешный разговор,
которым охватив все без конца и края,
расширить в сотни верст свой старый кругозор.

Не надо, циферблат! Учтивей стань немного!
Прими спокойно быт, утихомирь свой бег!
Не торопи меня в последнюю дорогу,
он сам за мной придет, последний мой ночлег!

МУЗЕ

Зачем преследуешь меня,
чего ты хочешь?
При свете солнечного дня
и среди ночи.

И безо всякого стыда,
и без предлога
пересекаешь иногда,
мою дорогу...

Пойми, все это чистый вздор,
я стар и скучен.
Знай, что не я твой кредитор,
на всякий случай.

Ты, в общем, явно не права,
чему обязан?
Какими узами родства
с тобой я связан?

Но все же, часто ищешь ты
со мной союза?
Среди никчемной суеты,
плутовка-муза.

ИЗ АРТЮРА РЕМБО

1

Я руки утопил в дырявые карманы.
Набросил на плечи одежды решето...
Нет, от поэзии не отвлечет ничто,
я предан ей - напрасны все капканы.

Пока не набреду я на искомый след,
я занят поиском ритмического слова,
пренебрегая трапезой и кровом,
не замечая прочих мелких бед.

Не поддаваясь дням круговороту,
готов в осеннюю уйти я непогоду,
вникая в шум, дразнящий тишину,
иль задохнувшись от давленья ветра, -
пересмотреть в стихах приемы метра,
боготворя всегда Поэзию одну.

2

Я в синь вечернюю однажды окунусь.
Тропинкой побреду через ржаное поле.
Колосья и роса мою погасят грусть,
я их приму подарком чистой воли.

Нет мысли ни одной и нет ненужных слов.
Не пожелаю здесь ничто понять я.
В моей душе пробудится любовь, -
природу заключу, как женщину, в объятья.

Григорий Мичник

НАШ МИЛЫЙ МОТЛ ИЛИ ПУРИМ 5713 ГОДА

Мелькает огонек зеленый
И машинист угрюмо ждет,
Пока рассадят по вагонам,
Тот, Богом проклятый народ.

Но Ягве, на расправу бурям
Не даст народа своего.
И умирает в ночь на Пурим,
Кто поднял руку на него.

Лев Дру скин.

Пустырь позади нашей школы никогда не пустовал. После окончания уроков школьники гоняли на нем футбольный мяч. Душой футбольной ватаги был мой закадычный друг Матвей или, как мы его ласково называли, Мотя. Он был капитаном нашей команды, стараясь научить нас всем премудростям футбольной игры.

Окончив школу, мы с Мотей поехали учиться в Кишиневскую гимназию имени Алеко Руссо. Занимались прилично, играли в футбол, Мотя, как и прежде, был нашим капитаном. Наши родители также дружили между собой.

Когда началась война, нам было по 17 лет. Моя семья эвакуировалась в Сибирь, Матвея - в Среднюю Азию. Мы надолго потеряли друг друга.

В марте 1954-го года, проездом в Новосибирск, из-за погодных условий, я задержался на сутки в Обске. Здесь я неожиданно встретил земляка Ивана Антоновича, который сообщил мне, что Матвей Перлов живет в Обске и дал его адрес. И вот я в квартире Матвея. Мы были рады встрече, крепко обнялись...

Матвей очень изменился. Он перенес несколько тяжелых пластических операций после ранений на фронте. Сели за стол. В эти дни проходил весе-

лый еврейский праздник Пурим. Он отмечался в ознаменование победы еврейского народа над злейшим врагом - Аманом. Моя мать испекла традиционные праздничные пироги аменташи, что в переводе с еврейского языка значит "Ухо Амана", а также печенье "флуден" и "штрудел". Помня о традициях Пурима, о подарках друзьям и знакомым, о так называемом "Палахмунесе", я вынул из саквояжа все, что дала мне в дорогу мать, и положил на стол. Матвей, как ни странно, не знал сути этого праздника и попросил рассказать о нем. Вот мой рассказ.

- Около 400 года до нашей эры евреи жили в Персии, где царем был Ахашверош, а во главе государства стоял заклятый враг евреев Аман-Амалектянин. Он уговорил царя подписать указ об уничтожении всех евреев. Был назначен день исполнения этого указа - 13-е Адара по еврейскому календарю. Его назвали "Пурим", то есть "Жребий". Еврейская царица Естер, племянница мудреца Мордехая, предводителя евреев, сумела отвести царский гнев от евреев и обратить его на Амана. И вот 13-го Адара евреи перебили своих врагов, а Аман и его сыновья по царскому указу были казнены.

Праздник Пурим символизирует множество событии в жизни еврейского народа на протяжении многовековой его истории.

Матвей и его супруга Ася с огромным вниманием слушали мой рассказ и вновь ощущали себя евреями, как бы причастными к этим событиям.

Поужинав, мы с Матвеем решили рассказать друг другу о событиях, которые произошли с нами за те 12 лет, что мы не виделись.

Матвей начал свой рассказ.

- Наша семья жила в Фергане. Было голодно. Мы перебивались случайными заработками. Была дороговизна, и я решил пойти добровольцем на фронт. На нас, выходцев из Бессарабии, было наложено "табу". Я бесконечно оббивал пороги военкомата, но разрешения долго не получал. Наконец, один из полковников военкомата под свою ответственность добился моей мобилизации. В январе 1942-го года меня направили в учебный лагерь под Москву. Когда я окончил школу со званием сержанта, меня направили на Сталинградский фронт. Сталинградские бои были тяжелыми для нас и для немцев, которые теснили нас превосходящими силами, пытаясь прижать к Волге. Каждый дом города оборонялся до последнего. Командир части дал мне задание выбить немцев из одного дома, который имел важное стратегическое значение. Бойцы моего отделения перед боем написали заявление о приеме в партию. Среди них был и я. Подписался полностью - Перлов Матвей Антонович, Сталинград.

Неимоверными усилиями немцы были выбиты из дома. Обстрел наших позиций прекратился, что дало возможность нашим частям передислоцироваться. Я был представлен к награде орденом Красной Звезды. Когда мы

возвращались к нашим позициям, я наскочил на мину, осколком мне оторвало подбородок, разворотило челюсть, ранило правую руку и ногу. Меня подобрали санитары, оказали первую помощь и отправили на «большую землю». Несколько месяцев врачи боролись за мою жизнь, затем два года я лечился в госпиталях Казани, Уфы, Горького и Свердловска.

Я перенес несколько пластических операций. В свердовском госпитале я познакомился с Асей, которая позднее стала моей женой.

Тем временем фронтовая партийная организация постановила принять меня в партию. Не зная мою национальность, ибо в моем заявлении она не была указана, записали меня русским.

Меня разыскали в госпитале Приуралья и вручили партийный билет. В 1946-м году я вместе с Асей поселился в городе Обске. Здесь родились наши дочь и сын. Я устроился на работу. Жизнь вошла в нормальную колею. И вот в декабре 1952-го года меня вызвали в горком партии. В кабинет меня пригласил на собеседование заведующий орготделом, который прямо с порога задал мне вопрос:

- Матвей Перлов, на каком основании вы скрыли перед партией свою национальность? Почему в партийных документах вы записаны русским?

Я растерялся и, потупив глаза, ответил:

- При поступлении в партию я никаких документов не заполнял и лишь перед боем написал заявление. Меня приняли заочно, когда я был тяжело ранен, а вопрос о национальности не стоял.

- Но разве вам было мало 8-ми лет, чтобы прийти в горком партии и сознаться, что вы еврей? - переходя на крик, рявкнул он. - Вы обманули нас, ввели в заблуждение, скрыли национальность. Если все люди вашей национальности будут ее скрывать, то это будет не партия, а сборище космополитов.

- Я своей национальности не стыжусь, ведь на фронтах Отечественной войны, в рядах Советской Армии воевало более 500 тысяч евреев, из которых 200 тысяч погибли. Сотни генералов и высшего командного состава руководили полками, дивизиями и даже армиями. Из них более ста человек - Герои Советского Союза. По показателям евреи на пятом месте после русских, украинцев, белорусов и татар. Я - интернационалист, для меня все народы равны, я - советский человек. И этим все сказано,- проговорил я взволнованно.

- Нет, продолжал мой собеседник,- вопрос о сокрытии национальности коммунистом Перловым мы поставим на бюро горкома, а там доказывайте свою невиновность.

Вскоре я был вызван на бюро горкома. Его проводил первый секретарь Петренко. Человек самоуверенный, жесткий, не любящий возражений. За огромным столом сидела вся «верхушка» парторганизации города. Мне

дали слово с регламентом в 5 минут. Я рассказал все, как было, подробно, не упуская ни одной детали.

Слово взял начальник городского отдела КГБ - Толмачев. Он выступил моим главным обвинителем. Было ему лет под пятьдесят. Высокий, бритая голова, глаза зеленые, пронзительные, жестокие. При взгляде на него становилось ясно, что свою службу в карательных органах он несет четко и беспощадно.

Он начал с вопроса:

- Вам ведь нечем оправдываться? Только ответьте, Перлов...Матвей или как там вас, ведь настоящие имена у вас корявые, длинные и заковыристые, неужели для вас мало было восьми лет, чтобы заявить о своем еврействе и все поставить на свои места, а? Вы разве не знаете, что происходит в стране? Не читаете партийную прессу? Вы не придаете значения тому, что почти все космополиты - евреи? А врачи-убийцы, погубившие цвет партии, кто? Евреи. А фарцовщики кто? Евреи. А антисоветчики кто? Евреи. Правда не все, но в основном они. А вы тут сидите, пачкаете партию, национальность скрываете, чего-то выжидаете, авось пройдет. Нет,- взревел он, - не выйдет! Не допустим! Партия вам этого не простит. Такие люди не должны состоять в партии. У меня категорическое предложение: исключить из партии и уволить с работы,- патетически закончил он.

...Я был в ярости. Мне привиделось, что передо мной не коммунисты, а свора бандитов, травящих меня как еврея.

У всех был испуганный вид. Было ясно, что КГБ выше партии, и меня наверняка исключат. И только один человек, редактор областной газеты, Надеждин встал и произнес:

- Я на фронте был три года, а не отсиживался в тылу. Был политруком батальона. Военные действия знаю, как говорят, вживую. Знаю, как бойцы, идя в бой за Родину, за Сталина, за матерей, детей и жен, подавали заявления в партию, им некогда было разбираться в национальности. Часто такие заявления рассматривали прямо в землянках или под артиллерийским обстрелом. Об анкетах никто и не думал. Масса документов была затеряна или уничтожена войной. Вот так, товарищи. Мое мнение - оставить товарища Перлова в партии и даже не наказывать его. Взгляните на его изуродованное лицо, эту печать мужества, на его грудь, украшенную наградами. А эта медаль «За оборону Сталинграда»! Сколько здоровья она стоит? За что же вы хотите его так жестоко наказать? Прошу тщательно взвесить и оставить его в партии. Он свой долг перед партией и Родиной выполнил сполна.

Но все же из партии я был исключен. Петров приказал партбилет положить на стол. Мне было обидно, но ничего изменить я не мог, хотя считал это решение несправедливым и бесчестным.

Администрация спортобщества, где я работал, предупредила, что вынуждена подчиниться постановлению горкома, и я был уволен.

Никакие мои ходатайства о пересмотре моего «дела» не помогли. Неожиданно помог случай. Проходил шахматный турнир, и один из шахматистов, с которым я был знаком, имел доступ к члену Президиума ЦК КПСС, которому он поведал мою историю об исключении из партии. Вскоре из Москвы потребовали мое «персональное дело» для разбора в ЦК. Но горком не торопился. Умер Сталин и «дело» врачей лопнуло, как мыльный пузырь. Меня вызвали в горком и объявили о пересмотре моего «дела» и о восстановлении в партии. На работе меня также восстановили. Справедливость вроде бы восторжествовала.

Я сообщил Матвею о разговорах в еврейских кругах Москвы и Ленинграда.

Как не вспомнить такой исторический аналог, как повторение «Пурима» в 1953 году в СССР. Так, в начале года, за несколько недель до наступления «Пурима», Сталин решил провести чудовищную акцию по уничтожению советских врачей-евреев, а также по высылке трех миллионов человек в Сибирь и на Дальний Восток и там затем тяжелыми условиями и, возможно, голодом, уничтожить их. Подогревая антисемитскую истерию при помощи средств массовой информации в городах, на стенах домов появились надписи: «Русский, бери хворостину, гони жида в Палестину!». В домоуправлениях составлялись списки еврейских жильцов. Уже некоторые мерзавцы присматривали себе квартиры, которые хотели получить после высылки евреев. Шестого марта высылка должна была начаться. По распоряжению из Москвы, в окрестностях Верхоянска был построен целый барачный городок, и сюда должна была быть доставлена первая партия евреев. Учитывая, что зима здесь суровая (до минус 50 градусов) расчет был на полное уничтожение евреев. Местные власти получили указание о частой остановке поездов с евреями, где их будут встречать толпы, «полные справедливого гнева» советских людей, то есть попросту погромщиков. По плану 6 марта на Красной площади должны быть повешены осужденные врачи, что явилось бы сигналом к организации стихийных погромов по всей территории СССР.

28 февраля, в ночь «Пурима» 5713 года (1953 г.), Сталин собрал членов Политбюро и приказал им подписать «Указ о высылке евреев», но некоторые из членов Политбюро отказались это сделать. Сталин пришел в ярость. В 8 часов 43 минуты у него произошло кровоизлияние в мозг, паралич, от которого он уже не оправился. Злодейское решение было отменено. Похороны Сталина состоялись 5 марта на Красной площади, там, где советский Аман приказал казнить врачей.

Архивы откроются и их материалы будут опубликованы. В «Пурим» 5713 от сотворения мира Создатель (да будет благословенно Имя его) повторил для советских евреев чудо «Пурима», которое произошло две с половиной тысячи лет назад в Персии, в городе Шушане. А ведь мог получиться новый «Холокост». Подобный гитлеровскому.

Матвей слушал внимательно и напряженно. Время истекло и мне надо было ехать в аэропорт. Я пригласил Матвея с семьей к себе в гости. На улице, в центре Обска, прочитал плакат: «Никто не забыт, ничто не забыто», я подумал, что о подвигах Матвея на фронте ни секретарь горкома, ни начальник КГБ не вспоминали, а о том, что он не указал свою национальность , помнили.

Минуло 25 лет с тех пор, Матвей с семьей репатриировался в Израиль. Чувствует себя там человеком, не ожидает злобного окрика - «жид пархатый». Он активист Союза ветеранов войны, выступает с лекциями - воспоминаниями перед молодым поколением, рассказывая о борьбе с фашизмом, о подвигах советских воинов, среди которых был и он. Ежегодно в день Победы он надевает свои награды и выходит на демонстрацию в честь этого светлого праздника. Ему уже 70 лет, но он крепок, энергичен, а пятидесятые годы вспоминает как кошмарный сон.

БАТЮШКА

Мой отец был местечковым евреем, грамотностью не отличался, окончил начальную школу, идиш узнал от своего отца, сельского меламеда в хедере. Зная по себе, как важно быть грамотным, он изо всех сил старался выучить своих детей.

Несмотря на трудности, я все же поступил в престижную коммерческую гимназию. Учился я хорошо, оценки получал приличные, но мне не повезло с учителем математики. Наш мудрый старый профессор Харик резко сдал, постарел. Его лекции стали монотонными и скучными. В это время отмечали его 75-летие и он ушел в отставку. К нам направили нового преподавателя математики, человека средних лет, румына из города Карайова - Василия Мокану. Человеком он был неприятным, амбициозным, считал себя великим математиком. В это время в Румынии процветали такие антисемитские и националистические партии, как «Железная гвардия» с главарем Кодряну, партия Кузы и Гоги.

Что касается преподавания, то объяснял Мокану плохо, не раскрывал сути тем, которые были в программе. Но сыр-бор разгорелся по другой

причине. Я математику знал неплохо, правда, хуже чем Лаплас или Лобачевский, но в гимназии успевал хорошо. И вдруг наш новый преподаватель, хотя он мне не ставил плохих оценок, но все же, как я не старался, больше «шестерки» (удовлетворительно) не ставил. Приближались переводные экзамены из прогимназии в гимназию и необходимо было иметь проходной балл, иначе мечта отца и моя мечта оказалась бы призрачной. Кстати, занижал учитель оценки и другим гимназистам евреям. Когда я им говорил, что надо жаловаться дирекции, они, боясь испортить отношения с Мокану, обвиняли меня в донкихотстве. И все же оценка удовлетворительно меня не устраивала. Я отважился и, пойдя к преподавателю, спросил, почему он больше «шестерки» мне не ставит.

Он взглянул на меня своими черными хитрыми глазами и ответил:

- Знаете, сударь, вы решаете задачи упрощенно, нерационально.

- Как это нерационально и упрощенно? возмутился я,- По-моему, важно решить задачу кратчайшим путем.

Я был уверен в том, что все задачи я решаю правильно, что за аналогичные решения задач другим ученикам - молдаванам или румынам он ставил хорошие и даже отличные оценки.

- Я решаю задачи, как рекомендовано учебниками и никакой нерациональности не вижу.

- Это ваше мнение,- отпарировал Мокану,- а я остаюсь при своем мнении.

Я был настырным парнем, шла борьба не за оценки, а за справедливость, но одновременно решался вопрос и продолжения учебы. И я решил жаловаться. Но кому? Как заставить этого преподавателя, чтобы он объективно оценивал мои знания. И я обратился к классному куратору. Он мне ответил прямо, что не вправе вмешиваться. Это не входит в его компетенцию.

- Вот если бы вам какой-то преподаватель голову разбил или изувечил, то я бы вмешался,- шутил он,- а с оценками увольте. Поймите если я начну разбираться с оценками по всем предметам, то мне некогда будет работать. Вряд ли есть гимназисты, довольные выставленными оценками. Право оценивать знания предоставлено только преподавателям.

И он в этом был прав. И все-таки мне посоветовали обратиться к директору, но я не решился к нему пойти.

Выхода не было. Я вспомнил тот раздел Торы - «Итро», где жрец Мидьянский Итро - тесть Моше, хотя не был евреем, но дал прекрасные советы Моше о поведении в пустыне, которые помогли ему при исходе. И в голову мне пришло обратиться к батюшке, преподавателю «Закона Божьего».

Батюшка меня внимательно выслушал и спросил:

- Скажите, сын мой, чего же вы желаете от меня?

Я ему ответил:

- Справедливости и только справедливости. Я знаю алгебру не только за четвертый класс, но и отдельный материал по программе пятого и даже шестого классов. Я могу отвечать перед любой комиссией, созданной для этой цели.

Батюшка встал со своего плюшевого кресла, подошел ко мне и сказал:

- Хорошо, сын мой, переговорю с директором и с учебной частью, создадим комиссию. Вы уверены в своих знаниях? Получится так, что создадим комиссию из двух преподавателей математики, как вы предлагаете, отвлечем их от работы, а прав окажется Мокану?

Я ответил:

- Батюшка, я уверен в своих знаниях и готов отвечать перед любой комиссией. Я должен доказать свою правоту и не подведу вас.

Через несколько дней меня вызвал батюшка и сообщил:

- Слушайте, сын мой, я договорился с учебной частью, что через пару дней комиссия вас проэкзаменует, даст оценку вашим знаниям и сделает свое заключение.

- А вы будете участвовать? - спросил я. Батюшка посмотрел на меня многозначительно и ответил:

- Если время мне позволит, постараюсь присутствовать, хотя я в математике не специалист.

Переэкзаменовка состоялась. Подобрали ряд примеров, задач, причем нелегких, из программы четвертого класса, заранее их согласовав с учебной частью и с Мокану. Я все примеры и задачи решил сравнительно быстро, правда, была пара примеров, над которыми пришлось потрудиться, но в общем все получилось. Все решения я передал преподавателю Мокану. Тот не решился сам делать выводы и передал эти материалы членам комиссии. Они тщательно проверили всю работу, вызвали к себе Мокану и единогласно выставили мне оценку четыре с плюсом (девять баллов по десятибалльной системе).

Как потом мне рассказали знакомые учителя, Батюшка пришел в учительскую и сказал, что за его долгую жизнь — ему было за 65, и работу в учебных заведениях это был первый случай протеста учителю и он считает его правильным. Несправедливости нельзя потворствовать, она озлобляет ученика, ранит душу ребенка и отнимает у него веру в справедливость.

После успешной сдачи этого непредвиденного экзамена по математике, профессор Мокану ко мне не придирался, оценки ставил вполне справед-

ливые. Решения задач и примеров оказались рациональными и оценки были «хорошие» и «отличные». Мало того, мы подружились.

Закончился учебный год. Я был допущен к экзамену по «адмитере», успешно сдав его поступил в пятый класс гимназии. Продолжил осуществление мечты отца и моей об окончании престижной коммерческой гимназии.

В Торе есть пассажи, где Б-г подсказывает нашим праотцам, нашим пророкам определенные здравые суждения, которые им помогали. Я не Цадик, а обыкновенный еврей, но спасибо всевышнему за то, что он и мне подсказал здравую мысль, к кому обратиться, чтобы решить мою проблему. И неважно, что этот человек был православным батюшкой. Б-г ценит людей не только по вере, но и по их деяниям. Ведь Итро жрец Мидьянский познал, что Господь выше всех богов и он ему верил.

Альфред Ходорковский

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА

Вы откуда пришли и куда вы плывете,
Небосвод голубой приукрасив слегка?
Свой загадочный путь совершая в полете,
Серебристые в небе плывут облака.
Так приходит любовь неизвестно откуда.
Кому - миг
или час,
кому - свет на века.
Облака в серебре - это редкое чудо.
Серебристые в небе плывут облака...

* * *

Ты прикоснись к поэзии однажды.
Она родник, спасающий от жажды,
и льдинка у пылающего лба,
и вопль, и стон поникшего раба,
и зов небес, и голос крови,
тепло родительского крова,
в ней трепет робкого признанья,
и скрытый смысл иносказанья,
и зрелой мудрости глубины,
и крайности без середины.

О ВРЕМЕНИ

* * *

Ты поспорь со временем поди-ка...
Все держа безжалостной рукой,
Время велико и многолико,
Не оно ли властно над тобой?

* * *

Время - это миг, время - это вечность.
Это путь к разлукам и счастливым встречам.
Время успокоит и залечит раны.
То оно калечит, как на поле брани,
то тоскливо тянется, то стремглав летит,
То его так мало, хоть бери в кредит.
А, случится, злобой изольются люди,
Время их оценит, время их осудит.
И король и нищий времени подвластны.
Всей Вселенной правит время ежечасно.
Мы его не ценим и теряем зря.
Сколько же мгновений унеслось в моря,
Обернулось пеной, камнями на дне!
А по чьей, скажите, а по чьей вине?

* * *

Прости меня за все, что я не сделал,
за все, что совершить я не посмел,
и что достичь желаемых пределов
в моих делах я так и не сумел.

Прости за страх, щемящий постоянно,
прости меня за позднюю любовь,
за мой характер трижды окаянный,
наивность грез и странность снов.

Прости меня за простодушье веры
и за мое безверие прости,
за все перенесенные потери,
которые не смог перенести.

* * *

Сумрак смиренно смотрит
сомкнутым синим светом.
Смежились сном ресницы,

разом сомненья смыв...
Снилось: как будто солнце,
вдруг соскользнув на землю,
ахнуло, расплескалось
бисером ярких брызг.
И на мгновенье оглохший,
в утрату еще не веря,
взял я один осколок,
жжения не ощутив.
А неугасшая солнечность
зноем ко мне прикоснулась
и, словно окно распахнулось,
открылись твои глаза.
Что-то они сказали,
в чем-то меня упрекали,
с кем-то они расставались,
кажется, навсегда...
В сумраке сонных улиц
тают в обиде гордой
ритмы твоих дыханий,
звуки твоих шагов.
Я же стою пристыжен
где-то среди пустыни,
теплый осколок солнца
крепко зажав в руке.

* * *

Памяти матери

Я видел ту, которая с косой.
Она в наш дом однажды приходила.
Она тебя от мук освободила
и унесла на вечный упокой.

Когда забудусь в зыбком полусне
в глухую ночь в давно уснувшем доме,
как в детстве, вновь приходишь ты ко мне,
и боль уже как будто невесома.

Я сам загрыл угасшие глаза...
Ушла с тобой моей души частица.
Давно скупая высохла слеза,
и не с кем сокровенным поделиться.

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Вновь в Берлине скверная погода:
ветер, дождь, а по утрам туман.
Но такое это время года,
и такой прогноз надолго дан.

Дома тишь. За стенкою - ни звука.
Каждый заперт в собственной тюрьме.
И не лезет в голову наука,
и живешь как будто бы во тьме.

Перестань, мой друг, глазами хлопать
и оставь в покое свой диван.
Пред тобой открылась вся Европа,
а тебе все снится Казахстан...

ВЕЛИКИЕ ШУТЯТ

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Когда спросили как-то у Эйнштейна,
как понимать открытый им закон,
- Все очень просто,- пригубив портвейна,
ответил л любопытным он.
- Когда возьмешь девицу на колени,
то целый час покажется мгновеньем.
Когда ж на печь присядешь на минутку,
то время враз растянется на сутки.
- Неужто так? - задумался простак.-
А я не мог понять никак!

КАКОВ ВОПРОС - ТАКОВ ОТВЕТ

Хотелось знатной даме знать,
каким путем ей мудрой стать.
Каков вопрос - таков ответ.
И Шоу ей открыл секрет:
- Дурные мысли надо скрыть,
тогда и мудрым можно слыть.

* * *

Спросил неопытный поэт:
- Как путь к народу мне найти?
Немедля Шоу дал ответ:
- Отдай стихи на конфетти!

ВОР У БАЛЬЗАКА

В глухую ночь, когда хозяин спал,
в его столе вор ящики вскрывал.
Внезапно смех в ночной тиши раздался.
Однако вор ничуть не растерялся:
- Чему смеетесь, сударь, так некстати?
Уж лучше б почивали на кровати!
- Причину смеха объяснить не сложно.
Оставь мой стол , не ройся в нем.
Ты ищешь то, что днем с огнем
в нем обнаружить невозможно!

ШУТКА КОНАН-ДОЙЛЯ

Сановным и важным в стране господам
писатель десяток послал телеграмм:
«Все стало известно. Беги поскорей!» -
шутя написал для забавы своей.
Лишь сутки прошли - эти знатные лица,
увы, проживали уже за границей.

ИЗ НЕМЕЦКОГО ЮМОРА

Восторгаясь,
Эгон хвастал:
- В нашем хоре все прекрасно:
карты, выпивки навалом
и других забав немало.
- А когда ваш хор поет?
- А когда домой идет!

БЮСТ БЕТХОВЕНА

- Эмиль, спросила мужа
кокетливо супруга,-
на наше пианино
какой нам бюст купить?
- Бетховена, со вздохом
сказал Эмиль подруге,-
глухому нет причины
о тишине просить.

ОБА РАДЫ

- Ты знаешь, дорогая,
я завтра уезжаю!
Что для тебя, родная,
еще бы сделать мне?
- Спасибо, мой любимый,
мне ничего не надо.
И этого, поверь мне,
достаточно вполне!

Михаил Хасин

ЛАВАН ВЕРЕД

ЛЕГЕНДА О БЕЛЫХ РОЗАХ

Моей внучке Элизабет

На берегу синего-синего моря в небольшом рыбацком поселке, в его центре, на маленькой площади, растет куст белоснежных роз. Кроме него во всем поселке нет никаких растений - ни цветов, ни деревца, ни кустика.

Так вот, об этих розах на площади и будет мой рассказ. А история эта случилась давно, и так давно, что даже старики не помнят когда, но говорят, что так действительно было.

Давным-давно в этом рыбацком поселке жил молодой рыбак по имени Даяг, его жена Шошана и шесть их маленьких дочерей. Их домик стоял на берегу почти у самой воды. Каждое утро в любую погоду выходил Даяг в море и почти всегда возвращался с уловом. Рыба - это было единственное, на что существовала большая, дружная семья рыбака. Самой заветной их мечтой было, чтобы у них родился сын, будущий помощник и наследник, но каждый год рождались только девочки. В этот год они ждали седьмого ребенка и очень надеялись, что на этот раз будет мальчик.

Однажды ранним утром, когда Даяг, как обычно, собирался в море, жена попросила:

- Дорогой, останься сегодня дома, ведь ребенку пора родиться, и я себя что-то плохо чувствую, да и шторм надвигается. А главное - сон был плохой, будто вижу тебя в последний раз.

- Что ты, жена, как можно, вот уже несколько дней как я возвращаюсь без рыбы, ведь чем-то детей кормить надо, да и за уголь, за овощи и за муку мы задолжали. Не волнуйся, я сегодня недалеко от берега - еще до начала шторма успею вернуться, о плохом не думай, все будет хорошо, - отвечал ей рыбак.

А Шошана опять за свое, - не ходи, да не ходи, - и все про свой сон рассказывала, и при этом горько плакала.

Не послушался Даяг жену, вышел в море и только стал ставить сети, как налетел шторм и опрокинул лодку. Отлично умел плавать рыбак, но не совладал в этот раз с морской стихией и утонул. Не успел Даяг ступить на дно морское и оглядеться как следует, а рядом уже три дельфина, да коньки морские окружили рыбака и, ни слова не говоря, повели к царю - Хамелиху III, властелину всех морей и океанов, повелителю штормов и бурь, владельцу царства подводного и богатства несметного.

Долго ли, коротко ли, шел Даяг, окруженный морскими коньками и дельфинами - об этом уже никто не узнает. Наконец-то подошли они к замку Хамелиха. И то, что увидел рыбак, поразило его. Перед ним простирался огромный парк из коралловых кустов и деревьев, с дорожками из золотистого песка. Везде сновали разноцветные рыбки, плавно двигались морские ежи и звезды, подбирая невидимые пылинки, а огромная морская черепаха зорко следила за порядком в этом саду. Но больше всего Даяга удивили стоящие перед дворцом рыбацкие лодки. Все они были в хорошем состоянии и своим видом не нарушали красоту подводного парка. Очарованный красотой рыбак не заметил, как бесшумно, словно по волшебству, отворились резные ворота дворца, как зло сверкнули глаза беспощадных пятнистых акул, охранявших входы в замок, как долго шел он по бесконечным комнатам и переходам и наконец очутился в огромном зале, где на троне сидел всемогущий грозный владыка с седой головой, увенчанной золотой короной с самоцветами, с окладистой бородой до самых пят. В руках у него был золотой трезубец. Возле трона полулежали русалки с белыми длинными волосами, они о чем-то тихо говорили друг-другу, совсем не обращая внимания на вошедшего в тронный зал. Ниже трона с грозно поднятыми клещами расположились, готовые по первому же приказу ринуться в бой, гигантские крабы, а у самого пола электрические скаты плавно шевелили плоскими туловищами. В громадном зале было тепло, доносилась тихая мелодичная музыка.

А в это время на берегу, в его доме, у Шошаны начались роды. Кто-то из девочек бросился за помощью к соседям. И вот снова, вместо долгожданного сына, родилась дочь. И только взглянула она на новорожденную, услышав ее голос, как тяжело вздохнула и тихо умерла.

А в море под водой решалась судьба рыбака.

Как только повелитель приподнял свой сверкающий трезубец, все мгновенно смолкло - русалки прекратили свой разговор, а резвившиеся в зале большие и маленькие рыбки застыли на месте. А когда Хамел их заговорил, то на море поднялся ветер, вздымая большие волны: «Даяг, я знаю тебя хорошо, только ты один, несмотря на плохую погоду осмеливался выходить в море. Ты бесстрашен и прекрасный рыбак, все умеешь делать сам, но теперь ты будешь работать на меня. Мои рыбацкие лодки, стоящие

под водой, нуждаются в каждодневном уходе, Это будет твоей постоянной работой. Я так желаю! Здесь, под водой, мое слово - закон!» Даяг лишь на один миг представил свою жену и детей без его помощи и он, в первый и, наверное, в последний раз в жизни, решился попросить: «О, великий повелитель морей и океанов, я знаю, ты всесилен и могуч и сможешь все, если захочешь. Отпусти меня на берег, там у меня шесть маленьких дочек и жена, которая вот-вот должна родить и если я не вернусь - они умрут от голода. Я прошу не за себя, ведь ты знаешь, я не страшусь никакой работы, а за возвращение на берег, проси все, чего хочешь, и что бы ты не пожелал я исполню». Задумался царь, опустил свою седую голову, и сразу на море стих ветер и пропали волны. Он уже знал, что умерла жена рыбака, но решил не говорить ему об этом.

«Хорошо», после некоторого раздумья, ответил Хамелих, - «я отпущу тебя к детям, а взамен ты должен отправить ко мне, в подводное царство своего самого младшего ребенка». Вздрогнул Даяг, потупил взор, но делать было нечего ведь он дал слово.

- А как я попаду домой? - спросил рыбак.

- Я дам тебе кольцо. Надень его на мизинец правой руки и поверни - сразу окажешься на берегу, а чтобы вернуться ко мне во дворец, нужно надеть кольцо на мизинец левой руки и повернуть его,- с этими словами царь протянул Даягу простенькое серебряное колечко.

Взволнованный рыбак, не долго думая, надел кольцо на мизинец правой руки, повернул его и в тот же миг оказался дома. А там ожидало его большое горе - Даяг остался один с семью маленькими дочками.

Похоронил он любимую жену, поцеловал в последний раз маленькую крошку, и выполняя обещание, данное Хамелиху, надел колечко на мизинец левой руки младшей дочери и повернул его. Исчезла только что рожденная девочка, как будто ее здесь никогда и не было. Много стало забот у рыбака: каждый день в море ходить, и по дому управляться и дочек растить.

А в подводном царстве и переполох и радость, ведь впервые у морского владыки появилось новорожденное человеческое дитя. Девочка была такой беленькой и хорошенькой, что Хамелих III, не задумываясь, дал ей имя Лаван Веред - Белая Роза.

Прошло четырнадцать лет, Лаван Веред росла в окружении всеобщей любви и ласки. Грозный морской владыка, сурово карающий всех, даже русалочек, за малейшую провинность, очень любил свою названную дочь. Ей одной прощались все ее многочисленные шалости и любое желание исполнялось мгновенно. Ее подружки русалочки часто рассказывали ей всевозможные истории, но больше всего Лаван Веред любила слушать о ласковом и теплом солнышке, о траве, о деревьях и цветах с удивительны-

ми запахами, о звездах на небе и луне. Лаван Веред всегда жадно слушала эти рассказы и ей так хотелось хоть один единственный раз увидеть все это самой, своими глазами, но как она сама, без чьей либо помощи, могла подняться на поверхность моря и добраться до далекого берега - это была невыполнимая задача. И только во сне сбывались все ее мечты. Ах! Этот прекрасный и радостный сон, который повторяется из ночи в ночь вот уже много лет.

Рано-рано утром, когда солнце только-только показывалось из-за горизонта моря, Лаван Веред, наскоро умывшись и схватив со стола кусок хлеба, выбегала из дома со своими сестрами, такими же как она, и по траве бежала в недалекую рощу. Там, обхватив руками большое теплое дерево, она прижималась к нему и, закрыв глаза, долго слушала пение невидимых птиц, Потом, уже в поле, они рвали цветы, плели друг-другу венки, и при этом пели песни, слов которых, после сна, она никак не могла вспомнить. Когда солнце уже опускалось за рощу, веселые с охапками цветов возвращались домой и всей семьей, с отцом, и матерью садились за большой стол обедать. Это было непередаваемое чувство, порой ей даже не хотелось просыпаться, чтобы волшебный сон мог продолжаться и продолжаться... Незаметно пролетел еще один год.

Однажды вечером, когда Лаван Веред уже готовилась ко сну, в ее спальню вплыл разноцветный морской петух - глашатай подводного царя.

- Мой повелитель и господин приглашает вас на очень важную беседу, откладывать которую на завтра он не хочет. Следуйте за мной, - почти нараспев проговорил глашатай.

Ничего подобного до этого не случалось. Она, когда хотела, сама приходила в тронный зал: только для нее одной были открыты все двери подводного замка.

- Что же могло случиться, чтобы отец так поздно позвал меня? Неужели русалочки проговорились, ведь только их я просила, тайком ото всех, помочь мне подняться на поверхность моря и добраться до берега, - думала Лаван Веред, идя за посыльным

- А может быть что-то еще?- терялась в догадках девушка.

В тронном зале Хамелих находился один, не было не привычной свиты, ни стражи. Войдя в зал, Лаван Веред сразу отметила, что сейчас отец очень грустен, и нет грозного взгляда, которого все так боятся, не было в руках карающего трезубца - на троне сидел старый человек. Подойдя к трону, Лаван Веред опустилась рядом и, замирая от неизвестности, спросила:

- Вы меня звали, отец? Что случилось?

- Девочка, как мне ни печально, но я должен открыть тебе тайну твоего рождения. Твой отец - не я. Ты рождена на берегу в маленьком рыбацком поселке, ровно пятнадцать лет назад. Твоя мать умерла при родах, а отец и шестеро твоих сестер и сейчас живут там, но твой настоящий отец, видимо, болен и вот уже две недели, как он не выходит в море, а его заменяет твоя старшая сестра, - сказал Хамелих.

С волнением слушала Лаван Веред слова того, кого считала своим отцом. Потом он рассказал ей все: и про шторм, и про то, как она попала в подводное царство.

- Я, Хамелих Третий, имею несметное количество слуг, но никому не доверял твоего воспитания. Я сам, когда ты стала постарше, учил тебя и читать, и писать, и многим другим премудростям и наукам. Я, как только увидел, полюбил тебя, и ты для меня единственное и самое дорогое существо. Но вот ты уже выросла, стала все понимать, и я больше не хочу скрывать от тебя правды. Теперь ты знаешь все.

Лаван Веред бросилась на шею отцу и горько зарыдала. Она плакала долго, а Хамелих, как мог утешал ее.

- Успокойся, девочка, и послушай меня, - сказал царь, когда рыдания девушки немного стихли.

- Я помогу тебе побывать в доме твоих родителей, но это возможно только один раз, на большее у меня нет сил. Запомни, только один раз. У меня есть кольцо, чтобы попасть к отцу и сестрам, надень колечко на мизинец правой руки и поверни его. А чтобы вернуться назад во дворец, надень кольцо на мизинец левой руки и так же поверни его. Ты сможешь побыть на берегу лишь семь дней, и если через неделю ты не вернешься, тебя ожидает смерть и никто, даже я, не в силах, помочь тебе. Вот, возьми кольцо. Иди, я устал, мне пора отдохнуть.

Ошеломленная услышанным, Лаван Веред не могла уснуть всю ночь.

- На берегу настоящий отец, сестры, а как же Хамелих? Сколько же надо иметь благородства и любви, чтобы рассказать мне правду? Имею ли я право покидать дворец? Что будет с ним, ведь он так любит меня и разлука может убить его? А мои сны и мечты, и, наконец, мой бедный, больной отец, сестры...?- думала девушка, не зная, что делать.

Настало утро. Лаван Веред наконец решилась, - надела колечко на мизинец правой руки и повернула его. В тот же миг она очутилась в доме, где пятнадцать лет назад родилась.

Растерянная стояла девушка в незнакомой, и в то же время удивительно знакомой по снам, комнате. Вот большой стол и восемь стульев, вот комод и зеркало с отбитым краем, старенькая печь, белые занавески на окнах, снасти в углу, все очень похоже. Отец и шестеро ее сестер, в первое время ничего не могли понять, как оказалась здесь девушка, так удиви-

тельно похожая на молодую Шошану - жену и мать. Первым опомнился отец, он бросился к дочери, обнял ее и, еще не веря своим глазам, прошептал:

- Я всегда знал, что когда-нибудь мы обязательно увидимся. Ах, как рада была бы твоя мать, если бы увидела тебя такой большой и красивой.

Что тут началось, передать словами нельзя. В доме, до этого утра самом тихом в поселке, стоял невообразимый шум, слышались смех, слезы, восхищенные выкрики и счастливые рыдания. Лаван Веред тормошили, крутили, разглядывали со всех сторон, трогали нарядное платье, с удивлением смотрели на ее золотые туфельки, любовались жемчужным ожерельем, коралловыми сережками и что-то говорили, перебивая друг-друга, не давая вставить слово младшей сестре, а счастливый отец стоял тут же и любовался дочерьми.

С изумлением и радостью Лаван Веред узнавала всех сестер по своим снам, - старшую из всех Паамону, которая теперь с отцом выходит в море, красавицу Ситванит, рассудительную и спокойную, ведущую все хозяйство в доме, Ракасет, хохотушку и рукодельницу Наркису и, почти своих ровесниц, Хаманиту и Араву.

Когда первое возбуждение и суматоха от волшебного появления сестры прошли и Лаван Веред смогла рассказать, что никогда в жизни не видела живых деревьев и солнца и ей бы хотелось прямо сейчас пойти и на все это посмотреть своими глазами, сестры охотно согласились показать ей все. Наскоро переодев младшую сестренку, они выбежали на улицу.

В первую секунду Лаван Веред даже присела от неожиданности, зажмурившись, лучи солнца больно ударили по глазам, но это длилось совсем недолго, через несколько секунд, раскинув руки и широко открыв глаза, она бросилась догонять сестер, которые бежали к роще. Яркое солнце на безоблачном небе, легкий теплый ветерок, зеленая трава, листья деревьев и необыкновенный аромат опьяняли, и все это было не во сне, это было наяву. Лаван Веред обхватила дерево руками, прижалась к нему всем телом и заплакала от счастья.

Вечером, в постели, младшая сестра долго рассказывала о своей жизни в подводном царстве. Только под утро Лаван Веред вспомнила, что пробыть на земле она сможет лишь семь дней, но об этом не узнает никто - ни отец, ни сестры, это будет ее болью и ее тайной. На следующий день, рано утром, едва солнце показалось из-за горизонта, Лаван Веред со своими сестрами выбежала из дому и наперегонки с ними бросилась бежать через поле к роще - впереди еще целых шесть дней.

- Солнце, лес, горы, чистый воздух и море, отец и сестры, как прекрасно жить на земле! - Так в свой последний день думала Лаван Веред, лежа в

высокой траве, закинув руки за голову. Но как несправедливо устроен мир - ведь только семь дней, и как быстро они промелькнули!

В свое последнее утро Лаван Веред, не позвав сестер и не простившись с отцом, вышла из дому и, протянув руки к солнцу, тихо прошептала:

- Я остаюсь! Мой бедный отец, дорогие сестры, любимый Хамелих, простите меня, но иначе поступить я не могу.

Я ОСТАЮСЬ НА ЗЕМЛЕ!!!

В тот же миг Лаван Веред пропала, а в рыбацком поселке появился куст белых - белых роз. Под ними осталось лежать простенькое серебряное колечко.

Анна Осмоловская

ИЗ РУК В РУКИ

ПРЕДНОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

повесть

Звонок на урок звенит порой совсем некстати. Вот как сейчас. Он вызывает чувство подневольной зависимости, несвободы.

Отзвенел... Прокатился по всем пяти этажам училища культуры.

В тесном буфете всё ещё давка, галдёж, дзиньканье посуды.

Галина сидит за преподавательским столом в полупустой аудитории. В распахнутую дверь то и дело влетают опоздавшие. Цветкова на ходу жует и облизывается. У тех, кто за короткую перемену так и не успел подкрепиться, голодный блеск в глазах.

Кажется, теперь все в сборе. Галина окинула взглядом аудиторию. За ней следят пятнадцать пар девичьих глаз. На сердце скребут кошки. Хочется сбежать, забиться в какой-нибудь уединенный угол и выплакаться.

Но нет... На лице - полное спокойствие. От уроков не сбежишь. Хочешь - не хочешь, сиди вот здесь, на виду у второкурсниц хорового отделения. По учебному плану сегодня — прослушивание в записи оперы Жоржа Визе «Кармен».

А вдруг внимательные девичьи глаза догадаются о том, что с ней творится? Вдруг за внешней невозмутимостью обнаружат совсем иную Галину Ивановну, не такую уж серьезную, с обычными человеческими слабостями?

Но девчонки думают о своем: как бы Галина Ивановна не догадалась об их полном безразличии к шедевру мирового оперного искусства.

Перед её носом, забаррикадировавшись большой сумкой, рассматривает себя в зеркале пудреницы красотка Пятковская. Она страдает «зеркальной» болезнью. То наклоняясь, то поворачивая голову, косит глазами. А иногда для изучения обстановки вскидывает тяжелые от туши ресницы в сторону Галины.

Спрятавшись за спиной Пятковской, аппетитно жует Шевелева. Толстуха периодически исчезает, засовывая голову под стол, чтобы откусить

очередной кусок от ломтя хлеба с маслом. Вынырнув с набитым ртом и оглядевшись, опять начинает двигать челюстями.

А Цветкову явно потянуло в дремоту. У нее после посещения буфета - процесс переваривания блинов.

Галина все видит, но молчит.

«Любовь - дитя, дитя свободы»,- поет с пластинки Кармен. Поет вольно, горделиво, страстно.

«Не любишь ты, но я люблю»,- с грустью вторит про себя Галина. Без любви не стоит жить.

И эти молоденькие девушки наверняка мечтают о любви. А ее, несомненно, считают старухой. Ведь ей уже сорок два. Но пусть доживут до её лет, тогда узнают, как сильна предосенняя жажда жизни. Она еще хороша. Точно знает, что хороша. Волнистые волосы приходится подкрашивать хной, чтобы скрыть появившуюся седину. Но это незаметно: она рыжеватая от природы. Стройности ее фигуры могут позавидовать и некоторые растолстевшие ученицы, такие, как Шевелева. А как непросто все это дается. Она не съела ни одной конфетки, не ужинала и ложилась спать голодной целых два месяца. И вот теперь опять влезает в свои любимые узкие брюки, подчеркивающие плоский живот, красивую линию бедер и высокие ноги. Она любит носить брюки.

Кармен бросает цветок к ногам Хозе. Это - обещание любви. И для Галины совсем недавно жизнь была волнующим обещанием любви.

Но каким долгим оказалось для нее неведение: любит - не любит. Словно гадание на большой ромашке. Словно шла она по заколдованному кругу, обрывая каждый день по лепестку. Земля обернулась вокруг солнца уже дважды и вышла на третий оборот. Но дотянуться до последнего, решающего лепестка никак не удавалось.

И вот - свершилось. Внезапно. Все разрешилось в какие-то несколько минут. Роковой день был вчера. Уже собирались уходить после уроков домой. В опустевшей аудитории складывала учебники. Неожиданно зашла Наталья, ее коллега и ближайшая подруга.

- Мне нужно что-то сказать тебе, Галина. Запри дверь. Садись. Не хочется огорчать тебя. Но все равно ты узнаешь. Не от меня, так от кого-нибудь другого.

И сказала... Трудно представить, что такое можно услышать! Все, что угодно, но не такое!

«Видишь, как свято сохраняю цветок, что ты мне подарила»,- в голосе Хозе, страстно влюбленного в Кармен, и нежность, и признание.

Девчонки во втором ряду, притаившись, готовятся к следующему за историей музыки уроку: сдирают с чьей-то тетради решение гармонической задачи.

Цветкова икнула во всеуслышание. По аудитории пробежал веселый шумок и растворился в звуках оперы.

А мысли Галины уже в более отдаленном прошлом, в тех временах трехгодичной давности, когда в училище пришел новый преподаватель фортепьяно Леонид Георгиевич Лозинский.

Женщины отметили: красавчик, внешность - аристократическая. Но по-настоящему его открыли на вечере в начале учебного года, на котором собрался весь коллектив.

Леонид Георгиевич сел за рояль и заиграл Шопена. Потом Моцарта, Грига. Играл он блистательно и вдохновенно. Его не отпускали. Молодой преподаватель очаровал всех и сразу же стал любимцем женщин, которых в коллективе было большинство. А из них - добрая половина с несложившейся личной жизнью и надеждами на будущее.

Вскоре Леонида Георгиевича назначили заведующим фортепьянной секции.

Наталье он не нравился, и она откровенно не скрывала этого:

- И что в нем нашли? Худой, зеленый. Вешалка, да и только. Говорят, у него язва желудка. Оно и видно. Наверняка на нервной почве: женат неудачно.

По училищу действительно ходили слухи о том, что жена Леонида Георгиевича, скрипачка, лауреат каких-то там конкурсов, «скрипит» по разным странам, а мужа совсем забросила и не уделяет ему никакого внимания. Эти слухи делали его еще более привлекательным. Неудачно женат - значит потенциально свободен.

Заметив, что Леонид Георгиевич частенько бывает голоден, женщины взяли его под опеку: подкармливали домашними пирожками, бутербродами во время чаепитий, устраиваемых в учительской. И он охотно угощался.

Галина не принадлежала к числу обожательниц, кружащихся вокруг него.

Контактов с Леонидом Георгиевичем у нее было немного. Работали на разных этажах. Иногда сталкивались в учительской, в коридоре, на лестнице. Он смотрел на нее с нежной улыбкой. В его глазах заметила Галина восхищение и признательность.

«В коллективе столько женщин, - размышляла Галина, - и есть прехорошенькие. Неужели среди всех я оказалась самой достойной его внимания? Может быть, все это мне показалось?»

Но сомнения рассеялись. Улыбка, нежная и загадочная, относилась к ней. Чувствуя его взгляд, она смущалась и молча проходила мимо.

И что-то с ней произошло... Она, как и каждая женщина, нуждалась в ценителе своих достоинств. Уставшая от длительного одиночества, от унизительной невостребованности, вдуг вновь почувствовала себя женщиной. И заметила, что ждет, ищет встреч, приносящих ей приятное волнение. Захотелось быть еще лучше, еще привлекательней, и она прикладывала к этому немало стараний.

Маленький росток надежды вдруг набрал силу и распустился дурманным цветком. Бывает же такое, что звездный час любви приходит не в пору наивысшего цветения молодости, а значительно позже.

На педагогических советах Галина старалась сесть так, чтобы видеть Леонида Георгиевича со стороны: его тонкий профиль, чуть тронутые проседью темно-русые волосы.

«Лёня, Лёнечка»,- шептала она еле слышно и незаметно для окружающих посылала ему волны любви. Леонид Георгиевич начинал ёрзать на стуле, слегка поворачивал голову, смотрел по сторонам. А Галина поскорее опускала глаза в книгу, лежащую на коленях.

О чувствах, охвативших её, она не говорила никому, даже Наталье, верной подруге, с которой делилась самыми сокровенными тайнами. Стеснялась. Ей казалось, что в этих чувствах есть доля порочности для постороннего глаза. Все же, как-никак, Леонид Георгиевич - в браке и моложе ее на целых семь лет. Но разница в возрасте заметна не была. В этом Галина не сомневалась.

Маскироваться становилось трудно. И однажды, в разговоре с подругой она всё же проговорилась.

- И ты в ту же дуду? - удивилась Наталья. - Все наши бабы как с ума посходили. Бутылкина караулит этого кумира на всех этажах, на всех перекрёстках, в раздевалке и в буфете. Её так и прозвали - коридорная дама. И когда только она работает? Неприлично. Срам один. Все же понимают, за кем она охотится.

«Зачем Наталья сравнивает меня с этой педагогиней по гриму с театрального отделения? - думала Галина, молча слушая рассуждения подруги. - С этой бесцветной прыщеватой коротышкой? Ну какие у нее могут быть шансы?»

- А всё просто объясняется, - продолжала Наталья. - На безрыбьи и рак рыба. В тебе говорит не любовь, а потребность любви. Создала себе иллюзию. Да ты его толком не знаешь. А все оттого, что выбора - никакого. У нас в училище мужиков-то нормальных нет. Ну кто?.. Физкультурник недоразвитый - не в счёт. Среди оркестрантов... Кто там? Балалаечник-

пенсионер. От него дирекция никак избавиться не может. Баянист подслеповатый - инвалид.

Наталья поморщилась, махнула рукой, помолчала и, вспомнив, добавила:

- А этот, длинноволосый историк... На какой только козе наши женщины не пытались к нему подъехать. Глухо. Стали догадываться: он из сексуальных меньшинств.

«Не поймет меня Наталья, - думала Галина. - Только влюблённый способен понять влюблённого».

Она смотрит на Наталью, а перед глазами - чарующая улыбка Леонида Георгиевича. И она тоже улыбается.

А Наталья всё говорит:

- Начиталась ты, литературы, которой нас в школе пичкали. От неё, как я убедилась позже, вред один. В жизни - всё не так. Красивой любви тебе захотелось? Мне тоже когда-то хотелось. Но жизнь отрезвила. Пойми, тургеневские времена давно миновали. Наш век - жестокий. Особенно для женщин. Тебе нужно искать мужчину, который будет для тебя опорой, а не обузой. А ты глаз положила на этого дохлого пианиста. Толку-то от него?

Галина не слышит подругу. В душе - чувство полёта и звуки Шопена, искрящиеся, как брызги фонтана.

Нежные взгляды, признательные улыбки, ожидание случайных встреч... День за днём, месяц за месяцем. И вот уже - год за годом. Гадание на ромашке казалось бесконечным.

Галина находила этому оправдание. Леонид Георгиевич - человек интеллигентный, порядочный. Он женат и не может вот так, с бухты-барахты, подойти к ней и сделать признание. Для этого нужен особый случай, особое стечение обстоятельств.

Жизнь превратилась в бесконечное ожидание счастливого случая. Ожидание было острым, волнующим, азартным. Казалось, вот-вот всё выяснится и начнется новый, прекрасный этап любви.

Погруженная в воспоминания, она вздрогнула от смешка, раздавшегося с последнего ряда. Но тут же успокоилась. Девчонки болтали о своём и хихикали. Смешок не относился к ней.

В голосе Кармен - скорбное раздумье. Гадание. Что-то скажут карты? В картах читает она свой смертный приговор.

И Галине хочется умереть. За голосом цыганки, откуда-то из глубины сознания, слышит она голос Натальи. То, о чём сказала она вчера:

- Поверь, все к лучшему. Слушай, что я узнала. Леонид Георгиевич скоро год, как развелся со своей скрипачкой и женился на Жаховой Ольге,

своей бывшей ученице с хореографического отделения. Он это скрывал, но кто-то пронюхал. Ольга уже ждет ребёнка. Помнишь её? Она закончила училище в прошлом году. Ты что, не помнишь? - переспросила Наталья, взглянув на остолбеневшую Галину. - Вспомни. Мы же были с тобой прошлой зимой на выпускных экзаменах и по классическому, и по современному танцу. Ну, вспомни современный эротический танец. Ольга на переднем плане такой танец живота выдавала, что даже члены государственной комиссии зааплодировали. Ну как? Вспомнила?

«Так, значит, танец живота взял верх, - старалась собраться с мыслями Галина, понемногу приходя в себя. - Посторонись, старушка. Молодость идёт. Таковы законы жизни». Ну, конечно же, она прекрасно помнит выпускницу прошлого учебного года Жахову Ольгу, высокую девушку с гладкозачёсанными волосами и чуть длинноватым носиком. Красавицей не назовешь, но ничего, хорошенькая. Ольга закончила училище с отличием. Так что у неё не только с животом, но и с головой всё в порядке.

Ну а как же она, Галина? Неужели так жестоко обманулась?

Значит, права Наталья, не раз говорившая: «Да он на всех красивых баб глаза пялит».

То, чему раньше не хотелось верить, теперь стало отчётливо осознаваться.

Леонид Георгиевич - эстет по натуре, поклонник всего прекрасного, поклонник женской красоты. Такова его природа. Значит, он просто любовался ею, как, наверняка, и другими хорошенькими женщинами. Любовался, как любуются привлекательной безделушкой. А это с любовью ничего общего не имеет.

Боже... Как нелепо. Как глупо.

Звуками весёлой солнечной Севильи наполнилась аудитория. Коррида. Бой быков.

Звонок с урока. Девчонки, не дослушав оперу до конца, хватая свои сумки, толкаясь, бегут в буфет, занимать очередь.

Галина остается в аудитории одна, один на один с трагической развязкой.

«Свободной родилась, свободной и умру», - гордо бросает Кармен в лицо Хозе и умирает.

Зимний сумрак рано погасил бледный декабрьский день. Уроки закончились. Галина подошла к окну. В аудитории темно. Она не включала электрический свет, чтобы не быть замеченной с улицы. Так делала частенько. Обычно в это время он уходит с работы.

Хлопнула входная дверь. Вот и он. Хрупкая фигура Леонида Георгиевича пересекла полосу света и постепенно растворилась в вечернем мраке.

Потом чуть обозначилась в мутной желтизне дальнего придорожного фонаря. И исчезла совсем.

Галина, прислонясь к холодному оконному стеклу, всматривалась вдаль. Он спешит к ней, думала она, глотая слезы.

Густой снег заметал дорогу.

* * *

Галина заболела. Простудилась. Нервы сдали, и организм перестал сопротивляться. А может, еще и потому, что, стесняясь своего старомодного зимнего пальто, носила легкое демисезонное. Старая толстая мохеровая кофта не спасла.

Через пару дней навестила её неожиданно Наталья. Принесла лимон и баночку малинового варенья.

Температура у Галины спала, и она уже ходила по квартире. Принялась готовить стол к чаю.

- Я тебе принесла то, что обещала, - сказала Наталья, расположившись в кресле на кухне. Она достала из сумочки газету частных объявлений «Из рук в руки».

Незадолго до болезни Галины между подругами был разговор.

- Почему бы тебе не дать в газету объявление о знакомстве? Моя соседка нашла таким образом очень приличного мужчину-таксиста, - рассказывала Наталья. - Я с ним несколько раз в подъезде сталкивалась. Он весь в каких-то свёртках, кульках. Двери - ногами открывает. А соседка, посмотрела бы ты на неё, ни кожи, ни рожи. Куда там ей до тебя. К тому же ещё и кривоногая.

- Любовь по объявлению?! Нет. Это не для меня,- возразила тогда Галина.

Но Наталья всё равно притащила газету. Она любит поучать. Галина не обижается, даже иногда прислушивается. Понимает, что Наталья делает это из лучших побуждений.

- Одна из твоих ошибок - это то, что ушла от мужа. Ну подумаешь, иногда выпивал, иногда приходил поздно. Не был же он отъявленным пьяницей. Нужно было что-то не замечать, что-то прощать. Семейной жизни без компромиссов не бывает. Сейчас бы ты жила по-другому, не считала бы копейки. Не послушалась тогда, пять лет назад, послушайся сейчас.

Галина заварила чай и принялась нарезать батон. А Наталья продолжала:

- Природа прекрасна, но жестока, нужно учитывать её законы. Ты видела, чтобы бабочка, мотылек, пчела сели бы когда-нибудь на увядший цветок? Нет. Так и мужики. Пока ты хороша - нужна им. А когда станешь

как сморщенное яблоко, никому твоя распрекрасная душа не нужна будет. Останешься одна. Сын подрастет - и поминай как звали. Пойми, Галина, наше время истекает. Но все же можно продлить его. Необходимо полноценное питание, отдых и время, чтобы за собой ухаживать. Вот тогда еще поцветём немного. Но без денег - это невозможно. Всё упирается в деньги. А у тебя их нет и не предвидится. Я вообще удивляюсь, как ты умудряешься существовать на нашу нищенскую зарплату. Мне лично моих денег с трудом хватает лишь на карманные расходы. А чтобы выглядеть, нужна и хорошая косметика, и модная одежда. Это - дополнительные расходы. И немалые.

- Давай пить чай. Остынет, - перебила её Галина. Наталья пододвинула кресло к столу.

- Прежде всего тебе надо поменять жизненную позицию, - продолжала Наталья, отхлебнув из чашки - Добывать деньги нужно умеючи. Думаешь, мне легко вытягивать зелёненькие у Сергея? Но... удается. А иначе зачем нужен был бы мне такой любовник? Я прихожу к нему вся из себя. От меня «Клемой» - на километр. Очень сексуальные духи. Мужики от них балдеют, голову теряют. Сергей меня обнюхивает, глаза закрывает и обычно шепчет: «Ты - единственная женщина, к чьему плечу могу я прислониться». А я думаю: нюхай, нюхай, прислоняйся, да не бесплатно. Сволочь, как и все. Изменяет своей жене, а она ведь у него вполне приличная женщина.

Галина чувствовала физическую слабость. Даже на поддержание разговора не было достаточно сил. Она молчала.

Истолковав её молчание как несогласие, Наталья заговорила другим тоном, как бы оправдываясь.

- А иначе не могу. Жизнь сама поставила такие условия. Всё это мне не очень нравится. Но жить-то надо. Знаешь, сколько надо платить за обучение сына в частной школе? Долларами. А денег мужа едва хватает на относительно приличную жизнь.

С улицы прибежал сын Андрейка, весь вывалянный в снегу. Галина усадила его поесть. Пока он с жадностью уплетал картошку с хлебом, Наталья, помалкивая, посматривала на него. А когда он ушёл в свою комнату делать уроки, продолжила:

- Ну что это за жратва? Он же растёт! Набить брюхо для утоления чувства голода - это самообман. А организм испытывает скрытое голодание. Нехватает ему питательных веществ: белков, витаминов. Поэтому сын твой и болеет без конца. Тянется изо всех сил, как стебелёк. Худенький, бледный.

- Но у меня не всегда, как сейчас. Я иногда покупаю для него яйца, сосиски, - пыталась оправдаться Галина.

- Что значит «иногда»? Ребенок растет всегда, ежедневно.

- Да сейчас многие питаются только так, - отозвалась Галина.

- Вот потому жирных баб развелось еще больше, чем раньше, - прокомментировала Наталья.

- Послушай меня, Галина. Подумай о сыне. Пойми, наши дети никому не нужны. О них вспомнят лишь тогда, когда потребуется пушечное мясо для какой-нибудь новой «Чечни». Да и ты так долго не выдержишь, превратишься в старуху раньше времени от такой жизни.

После чая Наталья развернула газету, отыскала рубрику «Знакомства», пробежала глазами столбик за столбиком.

- Она ищет ее. Он ищет его,- забормотала Наталья. - Тут конечно много всяких выродженцев печатается.

- Вот,- оживилась она. - Сейчас почитаем, что мужики пишут:

«Любовницу, можно замужнюю, без комплексов, без меркантильных интересов ищет темпераментный мужчина для незабываемых интимных встреч и воплощения сексуальных фантазий на её территории, днём. Бюст номер 5 и больше».

- Сволочь какая. Ищет секс-машину, да ещё без меркантильных интересов, - возмутилась Наталья.

«Мужчина, 30 лет, высокий брюнет в прекрасной физической форме познакомится с сексуально озабоченой состоятельной дамой. Возраст не имеет значения. Не разочарую».

- Еще одна скотина. Старушатник. Проститут несчастный. Вот видишь? Я ж тебе говорила, что настоящие мужчины, рыцари былых времен, выродились, как мамонты. Сейчас на добропорядочности или, как ты мечтаешь, «на любви», отношений с мужчиной не построишь.

Взглянув на задумавшуюся Галину, на её бледное лицо с простудной лихорадкой на губе, Наталья перевернула страницу газеты.

- Посмотрим лучше, о чем пишут женщины.

«Ищу мопса, кобеля, для случки. Степень дрессировки - высшая...»

- Ой, что это?! - удивленно воскликнула Наталья, отпрянув на мгновенье от газетного листа. - Ну так и есть. Я перевернула две страницы вместо одной, а там уже другая, собачья рубрика.

- Галина не выдержала и рассмеялась: И чего только в этой газете не найдёшь!

- И вправду, каждый найдёт в ней то, что ищет, - заулыбалась Наталья, обрадованная оживлением подруги, и опять опустила глаза в газету.

«Зеленоглазая длинноногая блондинка без комплексов 25/165/55 будет рада знакомству с финансовосостоятельным щедрым покровителем с большими возможностями. Пьяницам, нищим, альфонсам и круглым дура-

кам не беспокоиться».- Вот так-то,- одобрительно кивнула Наталья. - Читаем дальше. «Состоятельного любовника, способного обновить зимний гардероб, ищет очень чувственная дама без комплексов. Мне 36 лет, стройная, с хорошей фигурой».

- А что значит «без комплексов»? Это выражение почти-что в каждом объявлении, - спросила Галина.

- А то, что просто так тебе норковую шубу никто не купит. Нужно будет ублажать мужика так, как только ему вздумается. Ты полагаешь, эта дама не найдет того, кого ищет? Ещё как найдет! Кого-нибудь из новых русских. Сейчас появились такие богачи. Что им покупка норковой шубы при их-то миллионах? Раз плюнуть. Мелочь, карманные расходы.

- Хочешь ещё чаю? - спросила Галина.

- Можно, - кивнула Наталья. - Ты красавица, Галина. А красота - это капитал, который должен работать на женщину. У тебя при тонкой талии и узких бедрах - шикарная грудь. Мне бы такую. Сексуальная привлекательность - это ловушка для мужчин, это - наше оружие в борьбе за выживание. Только нужно научиться этим оружием пользоваться. Пойми, ты должна сама о себе позаботиться. Только сама. Надеяться не на кого. Ты слышишь, о чем постоянно говорят по телевидению, по радио открытым текстом? Говорят: сейчас никто никому ничего не должен. И нечего стоять с протянутой рукой и рассчитывать на государство. Такое затуманивание мозгов неспроста: нас обирают, нас обворовывают. Разве наш труд стоит столько, сколько нам платят? И не только наш. А что касается пенсионеров - тут вообще политика сживания их с белого света. Я по своей матери знаю. Словом, это внушение для того, чтобы не вздумали мы требовать своего.

- А что толку - требовать-то,- отозвалась Галина. - Страна разорена. Откуда правительство может взять средства, чтобы всех обеспечить?

- Ой, что-то я в это не верю, Галочка. Наша страна - богатая. Только её разорили, разворовали. И правительство допустило это. Кто-то нищает, а кто-то богатеет так, как честным трудом разбогатеть невозможно. Но мы с тобой ничего изменить не в состоянии. Приходится выживать в одиночку. И бороться. А иначе сработает закон джунглей, который не знает милосердия: слабость означает смерть. И радоваться солнцу и цветам будут другие, более совершенные, более приспособленные создания, а не такие, как ты, с устаревшими взглядами на жизнь.- Не получится у меня, - возразила Галина. - Сколько ни хвали мои достоинства, спонсора мне не найти. Мне ведь уже не двадцать пять и даже не тридцать пять.

- Ну, неправда, - перебила её Наталья. - Ты выглядишь на тридцать три - тридцать пять, не больше. Возраст свой в объявлении не указывай, никто и не догадается. Паспорт не потребуют.

«Да нет,- подумала про себя Галина. - Если решусь дать объявление, напишу обо всем так, как оно есть на самом деле: и возраст не скрою, и про сына напишу. Пусть меня полюбят такой, какая есть. А не полюбят - значит не судьба. А может, и вправду попробовать? Что я теряю? А вдруг...»

* * *

Неужели одновременно на всех пяти этажах перегорели лампочки... Выкрутили... Конечно, выкрутили. Вот хулиганы, мерзавцы!

Галина, держась за перила, поднимается по лестнице, вглядываясь в темноту. С трудом находит дверь с номером 43. Вечерний лунный свет едва пробивается сквозь маленькие заледенелые окна подъезда. Звонит.

Дверь открывает незнакомая женщина. Приветливо кивает: «Я Вас жду.»

Галина делает робкий шаг в тесную обшарпанную прихожую.

- Да не снимайте сапоги. Проходите в комнату.

Галина озирается. Какая запущенная квартира. Пахнет лекарством и чем-то тухловато-кислым. Но где же кинорежиссёр, ради которого она пришла сюда? Может быть, в другой комнате, дверь в которую прикрыта? Вопросительно смотрит на женщину.

Вчера Галина позвонила в эту квартиру по номеру телефона, присланному ей в коротком письме: «С вами хочет познакомиться бывший кинорежиссёр». Ниже - неразборчивая подпись и четко написаный телефонный номер. И больше ничего.

- Да, да. С вами хочет познакомиться бывший кинорежиссёр, подтвердил женский голос. - Я его родственница. Но в данный момент он не может с вами говорить. Прошу вас, приезжайте к нам в гости. Это - нетелефонный разговор, вы всё поймете при встрече.

И вот Галина в этой квартире. Женщина изучает её глазами: «Садитесь». Галина погружается в продавленный диван. Женщина садится напротив, на стул. Вид у нее совсем простой: полная, в очках, на плечах - старушечий платок из серой козьей шерсти.

- Видите ли,- начинает объяснять она со смущением - Геннадий Петрович, от имени которого я вам написала, мой дальний родственник. С ним полгода назад случилась беда. Он потерял в автокатастрофе жену и взрослого сына. А сам, будучи за рулём, получил незначительную травму. Он не мог смириться с тяжёлой потерей. Хотел уйти из жизни. В гараже, в машине, надумал отравиться выхлопными газами. Когда его хватились, он был полумёртв. Вернули к жизни, можно сказать, с того света. Но, ... увы. Не-

обратимые изменения в организме, пострадала нервная система. Геннадий Петрович остался инвалидом.

Галина слушала и смотрела на женщину широко открытыми, немигающими глазами. При чём здесь она? Она же дала в газету объявление о знакомстве? Путаница какая-то.

Галина решительно встала с дивана.

- Подождите, выслушайте меня, пожалуйста.

Женщина начинает понимать, что перед ней не та кандидатура, которую она ищет. Продолжает, сбиваясь, сглатывая слюну:

- Поймите. Я приехала издалека, из Казахстана. Уже пятый месяц здесь. Больше не могу. Должна ехать назад. Забрать Геннадия Петровича к себе нет условий. Но нельзя же беспомощного одинокого человека бросить на произвол судьбы. Вот и подумала: может, найдется какая-нибудь женщина, нуждающаяся в жилье. У Геннадия Петровича приличная пенсия по инвалидности. Машину и гараж можно продать. Квартиру отремонтировать, а отношения оформить законно.

За стеной раздалось невнятное мычание. Женщина поспешно встала, извинилась и направилась в смежную комнату. В открывшуюся на мгновенье дверь Галина увидела инвалидное кресло и полулежащего в нем седовласого мужчину. На чёрном подлокотнике - бледная безжизненная рука.

Через полминуты женщина вернулась и вопросительно посмотрела на сникшую Галину.

- Вы меня извините,- заговорила она - Возможно, мое предложение вам не подошло, вы такая красивая, молодая. Но, прошу вас, подумайте, может, кто-нибудь из ваших знакомых нуждается в жилье. Квартира приватизирована. Говорят, что она стоит много тысяч долларов.

Галина поспешила уйти. После электрического света, подъезд показался ей мрачным подземельем. Нащупывая начало лестницы, она споткнулась и на первой ступеньке больно подвернула ногу. А все с досады, от испорченного настроения, желания поскорее покинуть это неприятное место.

Придя домой, перебрала письма, полученные после опубликования в газете объявления о желании познакомиться с мужчиной.

Своего домашнего телефона она, по совету Натальи, в объявлении не указала. Указала лишь номер почтового отделения для получения писем до востребования.

Вот она - небольшая стопка из пяти писем. Первые два письма совсем короткие.

«Хочу с Вами познакомиться.» Номер телефона и неразборчивая подпись.

И второе: «Жду Вас в четверг, 25 декабря в 19 часов на Пушкинской площади, у памятника Александру Сергеевичу. В руках буду держать газету «Из рук в руки.» Александр Сергеевич.»

«Шутка, наверное,- подумала Галина - Кто-то решил надо мною посмеяться.»

Письмо от родственницы кинорежиссера она скомкала и отбросила в сторону.

Следующее в стопке письмо - подробное и грамотное. Оно - от археолога. Галина еще раз перечитала его.

Незнакомый человек, назвавшийся Виктором Николаевичем, написал о себе искренне, открыто. Ему пятьдесят один год. Всю жизнь в экспедициях. Любимая жена от него ушла. Ушла давно, еще в молодости, не выдержала долгих разлук. Второй раз жениться не решился. Годы идут. Здоровье стало сдавать. Тоскует по несостоявшейся семье. Надеется встретить скромную добрую женщину с мальчиком лет десяти, которого хочет полюбить и назвать своим.

В конце письма он написал о том, что принял приглашение Академии Наук и вскоре начнет там работать.

За строками письма Галина почувствовала серьёзного порядочного человека. Галина позвонила Виктору Николаевичу сразу же, как только получила письмо на почте. Но на звонок никто не ответил.

И вот уже несколько дней подряд утром и вечером пытается застать его дома. Но, увы, трубку никто не снимает.

- Звони остальным, - посоветовала Наталья.- Не зацикливайся на этом археологе. Во-первых, Академия Наук - только звучит громко. В наше время это одна из самых нищенских организаций. А во-вторых, ты его ещё не видала. Может, он чучело огородное: хромой, косой или горбатый какой.

Последнее письмо было от летчика со вложенной фотографией.

Галина рассматривает фотографию. Смазливый, но неприятный. Голова круглая, как кочан. Жирный подбородок. Холёный. Выражение - самодовольное. Рубашка - с погонами.

- Не выдумывай, Галочка. Нормальный респектабельный мужчина. Может, у него душа хорошая. К тому же он, наверняка, обеспеченный. Звони.

Галина вспомнила эти слова Натальи и набрала номер телефона.

- Я рад, что вы позвонили. Когда встретимся? Сгораю от нетерпения.

Стали обсуждать место встречи.

- Да что мы будем по улицам ходить. Не лето ведь. Мороз. Ветер. Приезжайте ко мне в гости, - сказал лётчик, - я не разбойник. Вас не съем.

На следующий день Галина отправилась с визитом к лётчику.

- Я ждал вас всю жизнь. Вы оказались гораздо красивее, чем я ожидал, - воскликнул высоченный мужчина, шатен без лысины в голубой форменной рубашке.

Галина сняла в прихожей сапоги. Лётчик поставил к её ногам тапочки. Красивые, из красного бархата, расшитые цветным бисером.

В комнате все сверкало: паркет, покрытый лаком, хрустальные фужеры за стеклом полированной трёхметровой стенки, люстра с подвесками. Улыбающееся лицо хозяина лоснилось.

На белоснежной скатерти стола водка и вино, аппетитные закуски, в голубой вазе на высокой изогнутой ножке - красно-желтые яблоки.

Галина смутилась.

Сели за стол. Летчик не спускал с неё глаз. Улыбался.

- Может, водочки? - предложил он.

- Я не пью, - отозвалась Галина.

- По такому случаю как не выпить?

От водки она наотрез отказалась, а согласилась лишь на рюмку некрепкого десертного вина.

После двух рюмок водки лётчик раскраснелся и, глядя в лицо Галине, спросил:

- Ну что? Жениться будем?

Галина еще больше смутилась. Шутка показалась ей неудачной. Бутерброд с ветчиной не лез в горло, хотя ужасно хотелось есть.

- Сейчас я покажу тебе фотографии, - он уже перешёл на ты. - Я ведь давно во флоте, полмира облетел.

Хозяин предложил Галине пересесть на диван, поближе к окну. Там посветлее. Достал из ящика стенки большой альбом и резную шкатулочку.

- Сначала посмотри вот это, - лётчик протянул Галине шкатулочку. В ней лежало кольцо.

Галина не разбиралась в ценности ювелирных изделий.

- Бриллианты, - сказал лётчик. - Примерь.

Галина понимала, что это не подарок, а только примерка. Кто же будет делать такие подарки после получаса знакомства?

Она взяла в руки кольцо, рассмотрела. Вокруг большого бриллианта играли, переливались на свету бриллиантовые осколочки, расположенные подковкой. Похвалила и положила кольцо назад в шкатулочку.

- У меня есть свое, с фианитом, - сказала она и потянулась к альбому с фотографиями. Лётчик сел рядом и, тыкая пальцем в фотографии, стал объяснять.

- Это я в детстве. А это - моя мама.

Галине было как-то странно осознавать, что этот здоровый, как боров, мужик, с золотыми коронками во рту, с волосатой грудью, виднеющейся из-под распахнутой рубашки, был когда-то хорошеньким светленьким мальчиком и имел молодую красивую маму.

- Послушай, - оторвался он от альбома. - Тебе ведь жарко, неудобно в брюках, в свитере.

Он встал и достал из шкафа женский яркий, атласного шелка, халат.

- На, переоденься. Будь как дома.

Галина не ответила, делая вид, что рассматривает малоинтересные для неё фотографии. А сама думала о другом: «Что все это значит? Бархатные тапочки, шёлковый халат, кольцо, как приманка, как разжигание надежды на обладание драгоценностью. Здесь, несомненно, все подготовлено для встречи с женщиной, а вернее для встреч с женщинами. И она - одна из них.»

Возникло желание встать и уйти. Но было как-то неудобно. И как объяснить уход? Ведь пока-что ей никто ничего плохого не сделал. Наоборот, она окружена вниманием.

- Это члены нашего экипажа в Японии,- объяснил лётчик, ткнув пальцем в очередную фотографию - Красивая, необычная страна.

Они сидели рядом, вплотную друг другу. Лётчик осторожно обнял Галину за плечи, потом наклонился и поцеловал за ухом. Рука его переместилась пониже, в область талии.

Галина покраснела, делая вид, что рассматривает поочередно всех членов экипажа в Японии.

- Может, потом досмотрим? - сказал он, неровно дыша. Взял из её рук альбом, закрыл и положил рядом на пол.

Галина, поняв к чему идет дело, хотела встать. Но сильные руки развернули ее, и она оказалась лицом к лицу с летчиком.

- Не надо,- строго сказала она, желая высвободиться. Огромное тело навалилось на неё. Она не удержалась, упала спиной на диван.

- Оставьте меня! - закричала Галина и стала бить летчика кулаками по плечам, по шее, по груди, пытаясь сбросить невыносимую тяжесть.

- Глупышка, - шептал он - Мы же не дети. Ну что мы потеряем? Только найдем.

Придавив её одной рукой к дивану, второй попытался расстегнуть брюки Галины. Брюки были такими узкими, что она сама с трудом расстегивала молнию. Галина отбивалась, кричала, задыхаясь звала на помощь. Лётчик покрылся испариной, рубашка на его спине взмокла.

Почувствовав на своих губах его слюнявые губы, Галина вцепилась хозяину в волосы, оттянула голову чуть в сторону и вонзилась зубами в подбородок, захватив часть губы.

И в этот момент почувствовала облегчение. Грубые руки ослабли и выпустили её.

- Идиотка, - услыхала она над ухом, быстро вскочила и бросилась в прихожую. Дрожащими руками стала натягивать сапоги.

В дверном проеме показался лётчик. Он придерживал ладонью кровоточащий укус на лице.

- Согласилась ведь прийти к мужчине домой. Так уж и не знала, на что идешь?! Дура, - услыхала она, сбегая вниз по лестнице.

Дверь квартиры злобно захлопнулась. Женщины, разговаривающие у подъезда, с удивлением посмотрели на бегущую Галину, застёгивающую на ходу пальто, на её красное, искажённое лицо с размазанной по щекам тушью и губной помадой.

Придя домой, она обессиленно рухнула в кресло. Коленки все ещё дрожали. Состояние такой слабости, будто таскала стопудовые мешки.

Вечером, уложив Андрейку спать, позвонила и рассказала всё Наталье.

- Зря ты с ним так,- отозвалась Наталья - Нормальный мужик. Не хочу оправдывать его грубость, но ты ведь сама создала ситуацию: расселась с ним на диване в отдельной квартире. Неужели ты думала, что будет по-другому? Да всё мужики - скоты и кобели. Никто не будет с тобой месяц за ручку ходить и в глазки твои смотреть. Это несовременно. Если он тебе не понравился, надо было сразу же уйти.

- Я поначалу не разобралась, - пыталась оправдаться Галина. - Только потом поняла, что его квартира - проходной двор, что он водит к себе женщин и развлекается с ними.

- Ну и что? - перебила её Наталья.- Одна, две или много - принципиальной разницы нет. Ты думаешь девственника, святого найти? Ой, смешная ты, Галочка. Да к нему потому разные ходят, что не нашлась еще та, единственная, которая сумела бы взять быка за рога и сделать из него хорошего послушного мужа. Отдалась бы ему. Ну что тут такого? Чего бояться-то? Это ж для тебя не первый снег. Я считаю, отношения с мужиками с этого и нужно начинать. А если они мало на что способны, так к чему время терять? Такое простить можно только сказочно богатому. Ну что уж теперь говорить. Звони остальным и не повторяй ошибок.

Галина положила трубку и задумалась. Она на мгновенье представила себя женой лётчика, в такой же, как у Натальи, длинной пушистой шубке. И почему-то ей вспомнились ярко-красные помидоры на ослепительно-белой скатерти на столе в его квартире. Конец декабря. Мороз. И свежие помидоры, которые она так и не попробовала.

Но тут же в памяти всплыло омерзительное смазливое лицо. Она потянулась к телефонной трубке. Набрала номер археолога. Виктор Николаевич и на этот раз не отозвался.

* * *

Вечер. Снег. У метро в разных направлениях снует народ. Сегодня у Галины третья встреча. Здесь, у метро, у палатки «Мороженое».

Она пришла немного пораньше и остановилась поодаль, метрах в пятнадцати от палатки. Решила посмотреть сначала со стороны на автора короткого письма, желающего с ней познакомиться. Он не дал о себе никаких сведений ни в письме, ни по телефону. Простуженный охрипший голос заявил в телефонную трубку:

«Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать». И закашлялся. Обговорили только место и время встречи.

Стрелка часов на высоком столбе приближается к восьмёрке, часу свидания. Но у палатки никто не задерживается. Стоит только какой-то парнишка, наверное, тоже кого-то ждет. Вот уже десять минут девятого.

- Не пришел, - решает Галина. - Может, разболелся.

Она нервничает. Судя по всему, нервничает и парнишка у палатки.

И вдруг её осенила внезапная догадка. Парнишка ждет её. Вид у него жалкий: лёгкая короткая куртка, спортивная вязаная шапка с помпоном, на ногах, несмотря на мороз, светлые кроссовки. Он окоченел, бьёт ногой об ногу, переходит с места на место, поглядывает по сторонам. Чувствуется, что он заметил Галину.

«Да нет, не может быть. Парнишка ждет кого-то другого,»- решает Галина. Она разворачивается, чтобы уйти. Делает два шага и слышит за спиной голос:

- Подождите, вы - Галина?

Галина оборачивается. Парнишка догоняет её. Приближается. Значит, всё-таки это и есть автор короткого письма.

- *Я* вас не понимаю, - с недоумением говорит Галина. - Вы внимательно читали моё объявление?

- Внимательно,- отвечает паренёк простуженным голосом.

- А сколько же вам лет?

- Двадцать девять.

«Привирает,» - думает Галина, глядя на него оценивающим взглядом. «Двадцать пять - двадцать шесть, не больше».

- А мне - сорок два. Зачем же вы откликнулись на моё объявление? Вам что, не жаль своего и моего времени? Паренёк молчит, идёт рядом с Галиной.

- Я почувствовал по характеру вашего объявления, что вы хороший человек, - произносит он после некоторого молчания. - А вы к тому же и красивая женщина. И совсем молодая. А возраст - так ли это важно?

- Думайте, что говорите, вы мне в сыновья годитесь. Отправляйтесь домой.

Галина останавливается, поворачивается к парнишке, строго смотрит на него профессиональным взглядом педагога. Паренёк тоже останавливается и смотрит на Галину. На его плечах и шапке слой белого пушистого снега. На ресницах - снежинки, а нос красный, как у деда Мороза.

- Я вам говорю, не идите за мной. Отправляйтесь домой.

- Мне некуда идти. Мы с женой разошлись, а прописаны вместе в двенадцатиметровой комнате в коммуналке. И ещё дочка - два годика. Жена скандалит каждый день, считает, что я неудачник, мало денег приношу. А теперь и вовсе выгнала! Две ночи ночевал у товарища, но там больше уже нельзя.

- Что вы хотите сказать? Неужто, чтобы я пустила вас к себе? Я что, по-вашему, благотворительное общество или мать Тереза?

- Я оправдаю себя. К сожалению, не могу и не хочу быть удачником в этой системе ценностей. Попал под увольнение, но надеюсь вскоре найти работу по специальности. Я же институт закончил. А пока газеты продаю. И все умею делать: варить, стирать, мыть полы. Буду помогать вам растить сына. Вы не пожалеете, вы полюбите меня. Неужели вы не хотите завести в доме сильного молодого мужчину?

Галина усмехнулась:

- Заводят, к вашему сведению, домашних животных: кошек, собак. А человека...

- Я буду для вас как верная, преданная собака.

- И смех, и грех,- голос Галины звучит немного мягче - Поверьте, мне жаль вас, но я ничем не могу помочь. Не теряйте времени. Налаживайте отношения с женой. У вас ребенок.

Она поворачивается и решительно, быстрым шагом идет по засыпанной снегом дорожке. Молодой человек не отстаёт.

- Если вы отказываетесь от меня только потому, что старше, так вы неправы. Ну вспомните нашу примадонну Аллу Пугачеву. Она старше Филиппа Киркорова наверное лет на двадцать. Но как она светится счастьем, как помолодела. А потому что любит и любима.

- Ну, знаете ли, Пугачева - суперзвезда, она может себе такое позволить. Я не Пугачева. А вы, к сожалению, не Киркоров.

Они идут рядом. Шаг в шаг. Паренек начинает отставать.

«Где же он сегодня будет ночевать?» - думает Галина. Она чувствует, что паренёк чем-то даже симпатичен ей. Оглядывается. Вдалеке на дороге - силуэт женщины, везущей на санках ребенка. И больше никого. Галина прибавляет шаг.

Перед сном пытается дозвониться археологу.

«Может Виктор Николаевич ошибся в написании номера телефона?» - думает она, долго слушая длинные гудки.

* * *

- Александр Сергеевич, здравствуйте, - произносит Галина про себя, глядя на заснеженного гения, увековеченного в темной бронзе.

И за него отвечает:

- Здравствуй, племя младое, незнакомое.

У памятника Пушкину назначают встречу многие: и мужчины, и женщины, и москвичи, и приезжие. Большинство из них - молодые. Стоят, прохаживаются, озираются по сторонам. У некоторых в руках, несмотря на мороз, цветы.

«Ждут», - думает Галина и присоединяется.

Сегодня четверг, 25 декабря. Ехать или не ехать на встречу, решала она весь день. Вполне возможно, что над ней подшутили. Но предложения для знакомства уже исчерпывались, нужно было дорожить и этим. А вдруг именно эта встреча будет решающей и станет её судьбой?

В морозном воздухе вместе с мерцающими снежинками витает дух поэзии: и жизнь, и слёзы, и любовь. А в сердце Галины - надежда.

- Вы Галина? Я не ошибся?

Оглянулась. Перед ней - мужчина. Держит свёрнутую в трубочку газету «Из рук в руки». Галина незаметно оглядела его: «О боже, какая небритая харя. Иначе и не скажешь: тёмные глаза - навыкате, губы - будто вывернутые изнутри. Али Баба, да и только. Одет хорошо: дублёнка, ушанка из дорогого меха».

- Я Александр Сергеевич.

В душе уже не надежда, а разочарование. Кому-то и жизнь, и любовь. А кому-то - одни слёзы. Но нельзя же сразу сбежать, нельзя обидеть человека. Он ведь не виноват, что таким его сотворила природа. Приходится криво улыбаться и скрывать свои подлинные чувства.

Медленно пошли по вечерней Тверской в направлении к Красной площади. Попадаются такие красотки: девушки, женщины в дорогих меховых шубах и шапках. Весёлый разговор, смех, чьё-то счастье.

- Я, собственно говоря, к вам по делу, - сказал Александр Сергеевич, пришлёпывая губами. - Ищу порядочную, честную женщину, на которую можно положиться. Галина насторожилась.

- У вас сын. Вы наверняка нуждаетесь. Но можно исправить такое положение и обеспечить себя на долгие годы. Хлопочу не за себя. Я всего лишь посредник. Мой клиент - врач-гинеколог. Он закончил ординатуру. Исключительно порядочный молодой человек, талантливый ученый. Если бы он имел московскую прописку, ему было бы обеспечено блестящее будущее.

Галине всё стало ясно. Отлегло от сердца. Значит теперь можно отказаться и уйти.

- Не спешите отказываться, - видя незаинтересованность Галины, продолжал Александр Сергеевич. - Вы, наверное, поняли. Вам предлагается вступить в фиктивный брак с моим клиентом и прописать в вашей квартире. Но, поверьте, ваша жилплощадь ему не нужна. Его родители, проживающие в Баку, - состоятельные люди. Они незамедлительно купят ему квартиру в Москве. На порог вашего дома он не ступит никогда. Оплата - в долларах. Если вы морально готовы, можно оговорить сумму. Я, как посредник, отвечаю за соблюдение точности сделки, так как лично в этом заинтересован. Беру вас под свою опеку. Поверьте, у меня большой опыт и никогда не бывает оплошностей. Пройдёт немного времени, мой клиент расторгнет с вами брак и выпишется с вашей жилплощади. И вы его забудете навсегда. Как видите, все просто. От вас - минимум усилий.

- Да нет, - сказала Галина. - Я трусиха. На это никогда не решусь. Может быть, соседка. Она тоже одинокая. У неё трое детей. Ей невыносимо трудно.

Александр Сергеевич достал записную книжку, вырвал чистый листок и записал на нём номер телефона.

- Я ни на чем не настаиваю. Но не отказывайтесь сразу. Подумайте. Поверьте, это удача для вас. Многие ищут такую возможность, но найти не могут. А если вы боитесь правосудия, так это напрасно. Его сейчас нет. Государство в наше время - первый вор и разбойник. Так что - не время быть честным.

Он протянул Галине листок с телефоном. Галина взяла его и поспешила уйти.

- Минуточку, Галина, - окликнул ее Александр Сергеевич. - Дело в том, что меня трудно застать дома. Дайте мне на всякий случай и ваш номер телефона.

Галина на ходу продиктовала Александру Сергеевичу свой номер и скрылась в подземном переходе, направляясь к станции метро «Охотный ряд».

«С соседкой на эту тему говорить не буду, - думала Галина, стоя в переполненом вагоне. - Влипнет в какую-нибудь историю, а я виноватой останусь».

* * *

Сегодня у Галины выходной. Так много дел. С вечера замочила в ванной бельё. Значит до обеда, а то и дольше - стирка. Потом нужно уделить время сыну. В последние дни он совсем заброшен.

Настроение у неё гнетущее ещё со вчерашнего вечера. Перед сном, просматривая газету «Московский комсомолец», наткнулась на маленькую статейку. В ней - о том, что произошло с молодой женщиной в Петровско-Разумовском проезде. Она познакомилась по объявлению и привела нового знакомого домой. Её мать, вернувшись вечером, нашла дочь мертвой: изнасилованной и задушенной. С веревкой на шее. Убийцу, слава Богу, поймали.

Галина принялась за стирку. А статейка никак не выходит из головы.

Накинув пальто и шарф на голову, с полным тазом первой партии постиранного белья вышла на припорошенный снегом балкон, где натянуты веревки для сушки. На новый год скатерть, постели, полотенца будут пахнуть морозной свежестью.

«По незнакомым квартирам ходить нельзя. Нельзя быть доверчивой,- размышляет Галина. - В криминальной хронике постоянно передают о том, что растет озлобленность людей, растет число садистов, маньяков. Трудно осознать: среди преступников немало тех, кто воевал в Афганистане или Чечне. Есть молодые, совсем мальчишки. Они были рядом со смертью, там, где взрывы, стрельба, кровь, где человеческая жизнь обесценена. Их заставляли убивать невинных людей. Это было потрясением для юных душ, произошло изменение личности: они превратились в молодых старичков и теперь не могут вернуться к нормальной мирной жизни. Они - заложники войны. Их влечёт к опасной игре со смертью, к повторению острых ситуаций, стрессов, где нет чувства страха.»

Галине тревожно за подрастающего Андрейку. Нет и дня, чтобы не думала она о его будущем. Время летит так стремительно. Не успеешь оглянуться - и наступит призывной возраст. А вдруг Андрейку убьют в какой-нибудь новой передряге? Как спасти его от армии? Как защитить от этого зла?

Жизнерадостный мальчишка с их двора, выросший на глазах Галины, сгорел заживо в танке близ Грозного. Мать его почернела от горя. Она так

и не знает, за что сражался её сын, за что он отдал свою жизнь. И она, Галина, как и многие, не поняла смысла этой безумной войны.

Пальцы на морозе мерзнут от прикосновения к мокрому. Она пытается согреть их своим дыханием. Через неплотно прикрытую балконную дверь слышит, что на кухне звонит телефон. Бросив развешивать бельё, бежит в квартиру, оставляя на полу следы хрупкого снега. Снимает трубку. Голос - мужской:

- Можно Галину?

- Я у телефона.

- Извините, мы с вами не знакомы. А я очень хотел бы с вами познакомиться. Поэтому и звоню вам. Право, не знаю, что в таких случаях говорят. Хвалить себя как-то неудобно, не в моих правилах...

- А кто вам обо мне сказал? Откуда у вас номер моего телефона? - перебила незнакомца Галина.

- Дал мне его мой товарищ. Но не спрашивайте, объясню при встрече. У меня к вам одно предложение. Сегодня наша кафедра празднует небольшой юбилей в ресторане «Якорь». Знаете, где он находится? На Тверской: между станциями метро «Маяковская» и «Белорусская».

- Знаю, - ответила Галина.

-Так вот. Приглашаю вас. Посидим, поужинаем. Стол заказан на десять человек, вы и будете как раз десятой. Сотрудники милые люди. А что касается меня, в кругу моих коллег вам будет предельно ясно, с кем вы имеете дело. Сделан хороший заказ: икра красная, чёрная, рыба заливная. А рыбу в этом ресторане готовят отменно. Жду вас к пяти. Если задержитесь, скажите швейцару, что вы сотрудница Института пищевой промышленности. Он будет предупрежден.

- Галина растерялась.

- Хорошо, - ответила она немного неуверенно. - А как вас зовут?

- Григорий Федорович.

- Хорошо, Григорий Федорович, я приеду, - она положила трубку.

Кто же мог дать номер телефона незнакомцу? Да, впрочем, какая разница? Все выяснится. Почему бы не сходить в ресторан? Она так давно не была ни в кафе, ни в ресторане. Сейчас это не по карману. Так хочется вкусно поесть, отвлечься, поправить настроение. А, может, Григорий Федорович окажется хорошим человеком.

Закончив стирку, достала из шкафа чёрное с блёстками платье, которое не надевала уже года два. Нужно его погладить.

В половине пятого, нарядная, с красивой причёской, подкрашенная, отправилась Галина в ресторан «Якорь». Швейцар удивленно посмотрел на неё.

- Меня никто не предупреждал. Но вы пройдите, разденьтесь, поищите. Может, человек, который вам нужен, забыл меня предупредить.

Она прошла в зал. Посетители сидели только за маленькими столиками. Сидящих группой за большим столом Галина не нашла. И администратор по залу тоже не в курсе.

Галина поняла, что её обманули. И кому было нужно так поиздеваться над ней? А она, дурочка, поверила: икра, заливная рыба... Слюни распустила на дармовщинку.

- Андрейка, мне никто не звонил? - спросила она у сына, придя домой.

- Нет, мама, тебе не звонили. А мне звонил какой-то дядя. Сказал, что он твой друг, что он сейчас приедет, привезет мне электронную игру и шоколад. Он спросил наш адрес. Я сказал, но немного ошибся. Сказал, что у нас корпус три. А у нас ведь четыре. Да, мам, четыре? Я хотел исправиться, а дядя уже положил трубку.

«Какой кошмар», - Галина оторопела. Опустилась на стул. Значит её преднамеренно вызвали, чтобы проникнуть в дом в её отсутствие. И что этому негодяю было нужно? Может, хотел обворовать? Есть же у неё проигрыватель, телевизор, ковёр на стене. А может, хотел изнасиловать её сына, а потом убить?

- Мам, а потом опять кто-то два раза звонил, - подошел к ней Андрейка. - Но было так плохо слышно - не разобрать.

«Ну да. Уточняли адрес, - догадалась Галина. - Но, к счастью, почти что все телефоны в округе варварски изуродованы и не работают».

Галина вспомнила, что дала номер телефона этой небритой харе, Али-Бабе. Но он же первым дал ей свой номер. Она достала из сумочки листок с его номером. Звонит.

- Будьте любезны. Можно к телефону Александра Сергеевича?

- Девушка, Вы ошиблись номером. Здесь таких нет.

«Ну так и есть. Это он. Вот сволочь. Как ловко, будто невзначай, выманил у неё номер телефона. И то-то ей показалось, что приглашающий в ресторан как-то знакомо пришлёпывал губами».

- Андрейка, мне нужно с тобой поговорить. Я тебя очень прошу: никому никогда не давай наш адрес. Это был разбойник, вор. Хорошо, что ты ошибся. А ещё лучше, когда меня нет дома, вообще не подходи к телефону.

- Хорошо, мамочка.

* * *

Номер телефона Виктора Николаевича Галина знает уже наизусть.

Вечером безо всякой надежды позвонила. И вдруг - неожиданность.

- Я вас слушаю, - ответил бархатистый бас. Голос приятный, несколько усталый. Галина даже растерялась.

- Вы мне писали... - и запнулась.

А потом потихоньку разговорились. И полилась беседа. Виктор Николаевич не обманул её надежд. Во всяком случае пока что. Чувство юмора, легкая ирония. Как с ним легко и приятно. Через полчаса разговора ей уже казалось, что знает его всю жизнь.

- Я очень занят, - сказал Виктор Николаевич. - Годовой отчёт. Понедельник - последний срок сдачи. Кровь из носа, а сдать его в этот день обязан. Ну, а во вторник я - в вашем распоряжении. Есть там у вас, где припарковаться?

«У него и машина, - подумала Галина, закончив разговор. - Это, конечно, не главное. Но, во всяком случае, совсем нелишнее, очень даже приятное дополнение».

До вторника еще целых два дня.

* * *

Скоро Новый год. А ведь совсем недавно был прошлый праздник Нового года.

Философское настроение охватывает Галину в такие дни, когда особо остро чувствуется быстротечность времени.

Падает снег. Чистый, легкий, пушистый. Она идет к станции метро по дорожке, устланной снегом. По той же самой дорожке мимо девятиэтажного кирпичного дома, по которой ходила совсем молодой, двадцать лет назад.

Вот этот дом. Кирпич в кирпич. Всё такой же. А на углу - «Булочная». Все так же, как и много лет назад, пытаются прорваться в закрывающуюся «Булочную» опаздывающие покупатели. А тетка из магазина держит дверь, ругается и никого не впускает. Только выпускает. Собачки, привязанные за соседний столб, с волнением ждут своих отоваривающихся хозяев.

Всё как будто так же. Жизнь продолжается. И все же - все уже не так. Потому что молодость прошла. Теперь не на ярмарку, а с ярмарки. Но по-прежнему, а может быть, даже больше хочется счастья, любви. Что-то в её жизни не состоялось. Но она всё ещё чего-то ждет.

Падает снег. В этом году много снега. Вот и метро. Вот и палатка «Мороженое». Здесь - предпраздничная суета. Все куда-то спешат. Рядом с палаткой поставили временный забор. За ним - ёлочный базар. Галина

вдыхает свежий аромат хвои и думает о Викторе Николаевиче. Она, конечно, не влюблена в него, но приятное чувство предвкушения чего-то хорошего, несомненно, в её настроении присутствует.

Надежда. Ожидание. Стрелка часов на столбе минует цифру восемь.

И тут же, после закрытия магазинов, вдоль метро выстраивается шеренга закутанных старушек-пенсионерок, желающих подзаработать. В руках батоны колбасы, сыр и другая снедь для тех, кто по каким-либо причинам, не успел попасть в магазин до закрытия. И, конечно же, цены - выше магазинных.

Галина начинает волноваться. «Ну что за неуважение к женщине? Первое свидание, а он опаздывает. Свинство». В четверть девятого решает уйти.

Но вот, кажется он идет. Негодование сразу же проходит. Все приметы совпадают: высокий, серое драповое пальто, коричневая ондатровая шапка, черный дипломат. Он направляется к ней. Но почему-то вдруг остановился и, оглядевшись, свернул к телефонной будке. Достает жетон, заходит в будку, но быстро выходит из неё.

«Виктор Николаевич, - хочет крикнуть Галина. - Я здесь».

Но молчит и наблюдает за ним. В одной руке он держит большую коробку с тортом. Наверное, догадался, что Галина надумала пригласить его в гости и познакомить с сыном. Он опять заходит в будку. Крутит диск аппарата. Ему неудобно: руки несвободны. И опять выходит на улицу. Вероятно, номер, по которому он пытается дозвониться, занят. Озирается. На мгновение глаза Галины встречаются с его глазами. Виктор Николаевич смотрит на неё в упор.

Тут она не выдерживает и решительно направляется к нему.

- Виктор Николаевич, это вы?

Он внимательно всматривается в её лицо, начинает улыбаться и говорит:

- Да, это я.

- А я - Галина. Но почему же вы стоите здесь? Я же сказала стоять у палатки «Мороженое».

- Простите, ошибся, немного не дошёл, - говорит он смущённо.

Они идут рядом. Галина осторожно поглядывает на него. Нормальный мужчина. Быть может, не утончённый интеллектуал, но приятный, мужественный, похож на богатыря из русской былины: густые брови, крупный, красивой формы, нос. Говорят о погоде, о морозе, о близком новогоднем празднике. Переулками она незаметно ведёт его к своему дому. А когда подойдут ближе, скажет: «Вот здесь я живу,» - и предложит зайти в гости. Андрейка предупрежден, он ждет.

- Виктор Николаевич, а вы сразу нашли, где машину припарковать? Место надёжное? Всё в порядке?

Он как-то замялся, ничего не ответил. И вдруг говорит:

- Я должен вам признаться, Галина, ... Только обещайте, что не рассердитесь на меня.

- За что мне на вас сердиться?

- Простите, я ведь не Виктор Николаевич, а Виктор Иванович.

Видя, как упало настроение у Галины, как она приумолкла, он продолжал оправдываться:

- Когда вы подошли ко мне, я сначала не смог вникнуть в ситуацию: то ли вы обознались, то ли на самом деле знаете меня, только немного подзабыли моё имя. Я ведь часто в Москве бываю. В молодости учился здесь в институте целых пять лет. Смотрю на вас - не могу припомнить, кто вы такая. Боюсь в глупое положение попасть. И только потом понял, что вы ждали мужчину, которого никогда не видели. Но было поздно. Я уже назвался Виктором Николаевичем. Сам того не ожидал от себя. Всё получилось как-то само собой.

Галина понуро шла рядом и не слушала оправданий спутника. Она думала о настоящем Викторе Николаевиче. Наверняка он откликнулся не только на её объявление. Возможно, уже встретился с другой женщиной. Она ему понравилась, и он забыл про неё, Галину.

А Виктор Иванович говорит и говорит. Галина иногда переключается со своих мыслей на его рассказ. Улавливает, что приехал он в командировку с Севера на неделю. Послезавтра, рано утром, улетает назад, чтобы успеть встретить Новый год с семьей. Сегодня он собирался навестить друга молодости и всей жизни. Друг не очень давно переехал из центра в этот район. Виктор Иванович был у него в новой квартире всего лишь раз, год тому назад. Дом помнит, а номер квартиры позабыл. Решил позвонить и уточнить. Но жена друга часами висит на телефоне. Дозвониться невозможно.

Они долго кружат по зимним дворам. «Может, и хорошо, что познакомилась с Виктором Ивановичем, - думает Галина. - Всё же не так одиноко.» Плохое настроение немного заглушается его присутствием. Он, кажется, неплохой человек. Во всяком случае не скрывает, что имеет жену и дочку, и не прикидывается свободным, неженатым, чтобы сходу заморочить ей голову. Словом, никаких надежд на будущее. И ей от него тоже ничего не нужно. Случайная встреча. Попутная беседа.

Вот и дом Галины. Она поднимает голову. Света в маленькой комнате нет. Значит Андрейка лег уже спать, не дождался.

- Это мой дом, - Галина замедлила шаг. Остановились у крыльца.

- Ну что мне делать с тортом? - говорит Виктор Иванович. - К другу в гости уже поздно. Завтра заеду, если получится. А может, и не получится.

Он протягивает коробку с тортом Галине.

- Забирайте. Я один его не съем. Сына угостите. А я потихоньку поеду в свою гостиницу.

Галина стоит на крыльце, держит в руках торт и несмело говорит:

- Может быть, мы вместе попьём чаю на кухне?

Кухня блестит. В ожидании гостя Галина выскоблила плиту, помыла кафель, почистила чайник. Возилась весь день.

Виктор Иванович открыл дипломат, достал оттуда завёрнутые в пергаментную бумагу красную рыбу и сыр.

- В гости собрался, так накупил всего, - сказал он. - Только бутылку не купил. Другу нельзя. Инфаркт не так давно перенёс.

- У меня есть, - говорит Галина. В те недавние времена, когда водку продавали по талонам, она тоже купила несколько бутылок, чтобы рассчитываться со слесарями. Случись засор в ванной или туалете, слесаря из ЖЭКа не дозовёшься, пока не посулишь бутылку.

Водочный запас полностью ещё не исчерпался. Нашлась на полке и недопитая бутылка десертного вина, оставшаяся со старых времен. Большая сковородка жареной с луком картошки стояла на плите в ожидании гостя.

В кухне долго горел свет.

- Галина, я уж не поеду с вашего разрешения в гостиницу. Поздно. Да и выпил немного лишнего. Подремлю здесь, в кресле. А завтра раненько уйду, чтобы сынишка меня не видел.

Галине не хочется оставлять на ночь чужого человека. Но не выгонять же его на мороз.

- Ну зачем же в кресле. Я постелю вам в большой комнате на софе. А сама тихонько пройду в маленькую комнату, к сыну. Там есть, где лечь, - говорит она, скрывая, что придется доставать раскладушку из кладовки и устанавливать её в узком проходе.

* * *

Виктор Иванович уже спит. Галина возится в ванной комнате: надевает ночную рубашку, чистит зубы, смывает косметику.

- Галина, Галина, - слышит она тихий голос Виктора Ивановича.

- Виктор Иванович, что вы? - Галина подошла к нему. Он взял её за руку, подержал, потом тихонько потянул на себя.

В голове шумело. Ей стало как-то вдруг всё равно. Она не сопротивлялась.

Минут через двадцать очнулась. Головокружение прекратилось. Всё случившееся отчётливо осознавалось. Рядом храпел мужчина, которого она едва знала. Завтра утром он уйдёт, и она его больше никогда не увидит.

Он развалился так, что ей места на софе почти что не оставалось, наполовину висела над полом, придерживаясь за стоящий рядом стул. В комнате ощущался незнакомый чужой запах: пот, носки, водка.

Она тихонько высвободилась из-под тяжелой руки, сползла на пол, встала и босиком на цыпочках прошла в тёмную кухню. Присела на краешек кресла, облокотилась о стол. От света уличного фонаря на стене чуть трепетали тусклые жёлтые отблески, едва заметно вырисовывались очертания настенных часов, картинка, полочка с телефоном. За окном по пустынному двору с воем и свистом носился ветер, раздувая лёгкие снежные покровы сугробов. От шальных порывов метели оконное стекло дребезжало и тоненько, жалобно стонало. На часах выскочила кукушка, прокуковала один раз и скрылась.

«Сегодня уже тридцатое декабря, значит завтра - последний день уходящего года», - подумала Галина, положила голову на руки и заплакала.

«Мама, мамочка, если бы ты была жива... »

Телефонный звонок.

Галина вскочила и поспешно схватила трубку, чтобы предупредить последующий.

- Галина, простите, что так поздно, - слышит она тихий бархатистый бас. - Я, наверное, разбудил вас. Не знал, что и делать: звонить - не звонить. Я только-только зашёл в квартиру. Простите, в дороге лопнула шина, а запасной не было.

ДО и ПОСЛЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
М.Глинкин
П.Заманский
О. Завадовская
И.Вольфсон
Я.Кугш*
Г.Ляховицкая
Б.Черепашенец
А. Подольская
Л.Кац
А Осмоловская
Л.Бердичевский
А.Ходорковский
М.Их
М.Вайман
Г.Мичник
М.Хасин
М.Погребинский